

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

10 Л. С.

ПЕТРОПОЛИС

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

10 л. с.

ХРОНИКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПЕТРОПОЛИС / БЕРЛИН

Buchdruckerei Gebr. Hirschbaum, Berlin SW 68

OCR Давид Титиевский, август 2020 г., Хайфа

ОТ АВТОРА.

Эта книга не роман, но хроника нашего времени. В ней нет ни вымышленных героев, ни сочиненной автором фабулы. Однако автор счел себя в праве объяснять по своему поступки людей, не считаясь с оффициальной версией того или иного героя.

В некоторых, довольно редких случаях автор счел необходимым заменить подлинные имена придуманными. Это относится исключительно к людям, чья жизнь никак не может быть названа гласной.

В главе «Биржа» и в отрывках 2, 5 главы «Дороги» автор позволил себе известную перегруппировку деталей и концентрацию как лиц, так и происшествий. В остальных главах автор старался не отступать от сырого материала, как то от газетных сообщений, протоколов заседаний, судебных отчетов и пр. К этому следует прибавить воспоминания, дневники, частные письма, а также личные наблюдения автора.

Париж, 14-го июня 1929 г.

РОЖДЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ

1.

Взволнованная свеча позволяет различить причудливую тень на стенке, кипу чертежей, циркуляр, крохотного котенка, который дремлет среди бутылок и бумаг, наконец, худое лицо, все обесцвеченное бессонными свечами.

Вот где живет этот молодой мечтатель. Соседи уж давно поговаривают, что у него ум заходит за разум. Впрочем, это славный малый и, конечно же, патриот. Быть не патриотом в эти годы трудно, да и опасно: на дворе стоит год VIII-ой единой и неделимой Республики. В комнате портрет бравого корсиканца, того самого, который беспощадно истребляет всех врагов революции: и тайных шуанов, и эмигрантов, и австрийцев.

Филипп Лебон, узнав от соседей о новой победе республиканских армий, разумеется, всех их по очереди поздравляет, особенно жарко гражданина Маро, роялиста и шпиона Директории. Лебон строго блюдет революционный календарь. Он ест курицу не в воскресенье, но в декади. Голова его, однако, занята другим.

Когда революция началась, ему было двадцать лет. Быстро привык он и к братским клятвам, и к машине доктора Гильотина. Революция стала для него воздухом. Тогда он перестал замечать революцию. Удивленно усмехнулся он узнав о 9-ом Термидоре — снова?.. Этот день показался ему очередной склокой

двух фракций. Прошло еще пять лет. Не все ли равно теперь какие козни замышляет гражданин Сиес против гражданина Барраса? Революция победила — это ясно всем, даже Питту. И революция не удалась — это тоже все понимают: и якобинцы, и директоры, и генерал Бонапарт. О чем же тут спорить?.. Надо исправно выполнять свои гражданские обязанности и поменьше беседовать в кофейнях, где возле каждого столика юлят полицейские агенты. Вот и все. На бессоницу у гражданина Лебона другие резоны.

Может быть влюблен он? Ведь республиканцы умеют любить ничуть не хуже доброй памяти верноподданных Капета. Вот говорят, Тальен, тот сохнет в Египте без своей Терезы. А креолка этого корсиканца!.. Филиппу Лебону тридцать лет. Как раз в пору. Стучат. Уж не она ли?.. Но в комнату входит плотный гражданин с мясистым носом и с большой национальной кокардой. Это приятель Лебона, некто Франсуа Барре, прежде якобинец, оратор десяти клубов и гроза города Шомон, теперь же премирный чиновник, который проверяет на парижских базарах новые республиканские гири.

— Все работаешь?..

— Как видишь.

— Завидую я тебе. Ты занят своим делом и ничего не замечаешь. А здесь, можно сказать, гибнет революция!..

Лебон усмехается:

— Ну, это, брат, не ново! Она уже гибла раз пятьдесят, если не все сто. Очевидно она или бессмертна, или давным давно погибла.

— Ты все смеешься! Но посмотри только, что делается! Фуше снова арестовал 120 патриотов из клуба «Манеж». Роялисты открыто интригуют. А знаешь чем заняты патриоты? Пивом! Честное слово! На вывесках пишут «мартовское пиво» и вот эти ослы требуют, чтобы пиво переименовали в «жерминальское». Сиес, тот что-то замышляет. Это старый

крот. Баррас, как всегда, трусит. Теперь все зависит от генерала... Как ты не знаешь? Но генерал Бонапарт уже высадился в Тулоне.

Лебон, который рассеянно слушал причитания Барре, приподымает голову.

— Ага! Что ж он думает делать, этот Бонапарт?..

— Чорт его поймет! Одни говорят будто бы он решил разогнать Директорию и восстановить подлинную республику, нашу, 93-го. А другие, наоборот, уверяют, что он уже столковался с шуанами. Ты то что думаешь, Филипп?

— Я? Я ничего не думаю. Я вообще не думаю об этом. Я очень занят.

— Но гражданские чувства?..

— Видишь ли, революция все равно кончена — с Бонапартом, или без Бонапарта. То, что я теперь выполняю, это наши прежние мечты. Это то, о чем мы говорили десять лет тому назад. Ты мне не веришь?

— Нет. Ты занят праздными выкладками. Это — для развлечения аристократов. А мы мечтали совсем о другом, мы мечтали о всеобщем благоденствии.

— Правильно! И революция этого не осуществила. Она разорила одних, обогатила других. Карты перетасованы. Но в колоде остались и тузы, и короли, и простые двойки. Почему? Да потому, что над людьми тяготеет одно проклятие — труд. Здесь аббаты не врут. Не от Капетов надо освободить людей, но от труда. Ты видал на набережной Синь паровую мельницу? Верь мне, это куда важнее всех деклараций. Я долго трудился над одним: я решил создать самодвигающуюся коляску. Пусть машины возят людей. В этом подлинное благоденствие. В этом и братство народов. Как будет счастлив человек, когда едва шевельнув пальцем, сможет он перенестись из Парижа в Рим или Вену!

— Но ведь это только мечты...

— Да, это были только мечты. Прекрасные мечты! Вот я тебе прочту, послушай: «С помощью на-

ук и искусств можно построить колесницу, передвигающуюся чудодейственно быстро без лошадей и без других упряжных животных...» Это написано Рожером Баконом в 1618 г. 180 лет тому назад!.. А теперь?.. Теперь это не мечты. Может быть твой корсиканец завтра будет разъезжать на такой колеснице. Знаешь что, Франсуа?..

Лебон встал. Глаза его теперь желты и взволнованы, как свеча. Он говорит тихо, то и дело теряя дыхание:

— Франсуа, я кончил работу. Завтра я сделаю заявление. Я получу патент. Я не могу тебе сейчас изложить все это в деталях. Скажу одно: людей будет перевозить воздух. Но обожди, не пар! Нет, газ. Этим газом можно также освещать улицы. Он будет приводить в действие машину. Смесь газа и воздуха сначала сжимают. Потом ее воспламеняют с помощью особых искр. Ее воспламеняют внутри самого двигателя. Это куда разумней пара. Такой мотор не занимает много места, и в нем огромная сила, превосходящая четверку лошадей. Он сможет вести обыкновенную почтовую карету, ничуть не беспокоя пассажиров. Теперь ответь мне — это ли не подлинное благоденствие? Пройдет 50 или 100 лет и у каждого гражданина будет такая самодвигающаяся коляска. Другие машины уничтожат нищету. Моя победит вражду, косность, невежество, томление. Для тела человеку нужны пища и одежда. Слов нет, люди в скорости изобретут машины, чтобы выделывать новый хлеб, не прибегая для этого к грубому труду землепашца. Но вот человек сыт. Его дух нуждается в совершенствовании. Он носится по всему свету. У него больше нет родины. Его родина повсюду. Он счастлив, как боги Олимпа. Эта кипа бумаги, Франсуа, залог подлинного благоденствия!..

Но у Барре трудный нрав. Поздравив приятеля и для приличия с минуту помолчав, он снова начинает спорить:

— Нет, не это заставляло биться наши сердца в 93-м. Мы мечтали о прекрасной простоте нравов. Зачем людям куда-то мчаться? Погляди на твоего котенка — как безмятежно он дремлет! Древние греки не знали этих колесниц с двигателями; разве они были несчастны? Машины несут людям новое угнетение. Они только разжигают зависть и соревнование. Куда милее мне, осуждаемый тобой, труд землепашца! Куда ближе он к истине и к братству!

Барре забыл, кажется, что он только мелкий чиновник Директории. Он возомнил себя снова в клубе города Шомон. Он витийствует:

— Мы, честные якобинцы, мы против этих машин! Филипп, я люблю тебя, но истина выше дружбы. Мы против твоего изобретения. Ты напрасно спешишь брать патент. Революция в опасности, но она еще не уничтожена. Если мы победим, мы разрушим эти двигатели. Вместо них мы насадим рощи Жан-Жака...

Тогда Лебон, весело улыбаясь, отвечает:

— Чтож, вы не понимаете, — этот Бонапарт поймет. Или другой. Словом — будущее.

— Но революция?..

— Да, это революция вселила в меня жажду всеобщего благоденствия и новое беспокойство. Ее душа здесь — в чертежах.

Барре не стал больше спорить. Он любил Лебона и опасался ссоры. Вздохнув, пошел он в кофейную, чтобы там выпить кувшин вина и всласть поговорить с завсегдатаями о злодейских происках гражданина Сиеса. На следующее утро он спокойно проверял свои гири. Он даже не вспомнил о каком-то хитроумном двигателе, начиненном газом.

А Филипп Лебон, торжественно сдунув пылинки с шляпы, направился в душную канцелярию, где уныло скрипели гусиные перья и где писцы вполголоса обсуждали приезд генерала Бонапарта, чтобы выправить там патент на свое изобретение. Он не слышал

ни скрипа перьев, ни шушуканья. Грозный мотор гудел и свистел: это его машина рвалась в новый век.

Филипп Лебон заявил о своем изобретении 6-го вандемьера года VIII-го, или по старому летоисчислению 28-го сентября 1799-го года. Он изобрел газ, предназначавшийся для мотора внутреннего сгорания. Так за 90 лет до появления на парижских улицах новых, невиданных колясок в утробе человечества раздались первые подозрительные толчки.

2.

— Милочка, какие чудные духи!

— Неправда-ли? Это новинка: «Конец века».

— Простите, госпожа Жильбер, фасон мне нравится, но вот эти буффы как будто чересчур экстраваганты...

— Что вы говорите, госпожа Друо! Разве вы не видали последнего выпуска «Модного Журнала»?.. Теперь все делают такие буффы, даже графиня Монтельяр. Это — «Конец века»...

— Странные пошли теперь танцы. Не то вальс, не то галоп, не то, простите меня, вульгарный канкан.

— Нет, это новый танец: «Конец века».

— Подумать только до чего пало искусство! В салоне вместо живописи какая-то мазня этого сумасшедшего Сезанна. Ни приятного освещения, ни одухотворенности, ни хотя бы красивых красок. Мне противно писать об этом. А поэзия!.. Вы разве не слыхали о новом гении? Как же, извольте, — господин Стефан Малларме. Один прощалыга заявил мне, что этот Малларме выше Сюлли-Прюдома! Почитайте — весьма интересно для психиатра. Так и

называется: «Отступления от смысла». По моему это конец искусства.

— Я не думаю. Просто мода — «конец века».

— Клемансо то куда хватил! Анатоль Франс примкнул к дрейфусарам. Лабори готов сам выкрасть документы. Это уж не судебный процесс, а скандал на всю Европу. Миллионы людей помешались из-за шпаги какого-то офицерика.

— Психоз... Поветрие... «Конец века»...

— Мильеран готовит нам новую Коммуну! Я видел вчера их демонстрацию. Эта песня бандита Потье! Эти толпы «керосинщиц»! Среди них один молоденький агитатор особенно опасен. Это некто Бриан. А правительство занимается какой-то дурацкой выставкой. Надо всем объединиться для борьбы с новыми гуннами.

— Друг мой, вы немного преувеличиваете. Это не разбойники, это скорее денди. Они перебесятся. Прежде была «болезнь века», ну а теперь «конец века», — легонькое головокружение и только...

— А вы видали на Итальянском бульваре настоящий автомобить?

— Четыре автомобиля!..

— Одиннадцать автомобилей!..

— Выставка автомобилей!..

— Это положительно конец света!..

— Нет, это «конец века»!..

Париж насмешливо посматривает на цифры календаря. Еще одно столетье!.. Париж не может больше ни увлекаться, ни осуждать. Он видал царских казаков и рубаху Гарибальди, песочный цилиндр Мюссе, труппы коммунаров, он видел Бальзака и Мишеля Бакунина, г. Тьера и Равашоля, Александра Дюма, персидского шаха, слоновье мясо во время осады и

слезы маленькой Мими. Он все видел. Что же может быть впереди, кроме скучных повторений?..

Республике скоро тридцать лет. Она давно забыла о детских проказах. Она теперь обзаводится солидным хозяйством. Нам поможет батюшка-царь. Да здравствует царь и хорошие проценты!..

Сколько говорили о царстве машин!.. Чтож, машины не принесли людям ни счастья, ни гибели. Подешевели чулки, и пушки, подешевела жизнь, стало немного легче разбогатеть и немного труднее управлять государством. Но в общем: «чем больше все меняется, тем больше все остается по старому».

Пусть волосатые отроки кричат о социальной революции. К сорока годам они все станут, если не министрами, то подагрическими адвокатами по гражданским делам, кляузниками и ревнителями страсбургских паштетов. Сегодня возмущенные зрители бросали тухлые яйца, в картину молодого художника, завтра эту картину приобретет Люксембургский музей. Жизнь налажена и крепка.

В парке Монсо играют ребята. Они играют в войну. У них деревянные сабли, флаги и барабаны. Через пятнадцать ле им придется прятаться в подвалы и напяливать на лица диковинные противогазы. Но они не знают об этом. Они задорно бьют в барабаны. Девятнадцатый век мирно доживает свое. Его никто не торопит. Пусть перелистывает альбомы с семейными фотографиями и невпопад бормочет о бурной своей молодости.

Только вот самодвижущаяся коляска не хочет ждать. С малопочтительным грохотом выскакивает она на сонные бульвары. Старые клячи становятся на дыбы, и перепуганные дамы вытаскивают из ридикюлей пузырьки с нюхательной солью. Автомобиль движется нервически. Он прыгает как кенгуоу. Он то останавливается, то неожиданно срывается с места. Все улицы заполняет он отвратительным смрадом. Он громче весенней грозы. Это обыкновенный фаэтон,

но лошадей отпрягли, и, повинуясь каким-то таинственным взрывам, фаэтон зловеще мечется по оскорбленным проспектам Парижа.

Над автомобилями принято смеяться: до чего глупая выдумка!.. Все равно мотор испортится и шофферу придется рано ль, поздно ль итти за лошадьми. Кроме того фаэтон уродлив. Куда приятней и вернее хороший выезд!..

Над автомобилями смеются, но эти уродливые фаэтоны не дают людям покоя. О чем поют «этуали» всех кафе-шантанов?.. Да разумеется, об автомобиле: «Гастон умчался с ней в коляске и без коней»... Танцмейстеры обучают малокровных барышень новым танцам: «Автомобильному галопу» г. Симона и «Автомобильной польке» г. Салабера. Молодой автор не знает, какой оригинальный конец достоен его героя. Франсуа Коппе подает совет: «он может, наконец, погибнуть под колесами автомобиля!..» Магазин «Лувр» объявил конкурс: кто придумает новую форму автомобиля?.. Зачем фаэтон, если нет лошадей?.. Призы получили г. Куртуа, предложивший высочайшую карету с буколическими украшениями в стиле Людовика XVI и г. Сельмергейм, который додумался до двухэтажной крепости, снабженной крохотными иллюминаторами и капитанским мостиком для управления. Г. Милль, неудовлетворенный всем этим, построил «автомобиль-лебедь». Мотор помещается в желудке птицы. Лебедь тащит соломенную корзиночку, а в ней сидит человек и он управляет машиной с помощью железных возжей.

Г. г. Панар и Левассор открыли первый автомобильный завод. Они изготовляют моторы внутреннего сгорания по образцу, представленному немецким инженером Готлибом Демлером. На последних состязаниях автомобилю Панара удалось покрыть расстояние Париж—Марсель в 67 часов. Он может развивать скорость до 40 километров в час, разумеется, при особо благоприятных обстоятельствах. Газеты

называют эти состязания «инфернальными скачками». Муниципалитеты чрезвычайно обеспокоены. Они выносят грозные постановления: в городах так называемым «автомобилям» запрещается передвигаться быстрее, нежели 3 километра в час. Хорошо еще, что их немного!.. Завод гг. Панера и Левассора это маленькая мастерская. Никто не купит автомобиля, чтобы разъезжать по делам. А кататься куда спокойней, когда впереди пара рысаков, а не какая-то вонючая машина. Автомобиль хранит суровый героизм юности. Он требует самопожертвования. К нему идут те, что случайно не уехали открывать северный полюс или искать золото на Аляске.

Мечты о всеобщем благоденствии давно забыты, но в сердцах еще дремлет романтическая тоска. Для фантастов и сумасбродов гг. Панар и Левассор изготовляют громоздкие машины, полные таинственного грохота и непонятных содроганий.

Лошади становятся на дыбы и хохочут фельетонисты: до чего же глупая выдумка!.. Впрочем сегодня автомобиль дождался признания: пренебрегая опасностью, г. Эмиль Золя сел в фаэтон без лошадей. Фаэтон сводили судороги. Но г. Золя доехал до Версаля. Председатель «Автомобильного Клуба» справедливо назвал г. Золя «просвещеннейшим современником».

У Золя седые волосы. Но он куда моложе своего века. Астматически задыхаясь, тщится заглянуть он в новое столетие. Его собратья по перу описывают гаремы Константинополя, любовь среди флорентийских древностей или слезы покинутой провинциалки. Золя занят другим: с жадностью слушает он рев биржи, угрюмый скреб рудокопов, лязг машин. Поездка из Парижа в Версаль для него не только героический пикник, это разведка в двадцатое столетие, и усмехаясь, отвечает он председателю клуба:

— Будущее принадлежит автомобилю. Я убежден в этом. Трудно сейчас измерить все значение подоб-

ного изобретения. Расстояния уменьшатся, следовательно автомобиль — новый проводник цивилизации и мира. Наконец, он безусловно повысит благополучие...»

Филипп Лебон в 1798-ом г. мечтал о всеобщем благоденствии. Его мотор никогда не был построен. Теперь 1898-ой г. Эмиль Золя проехал из Парижа в Версаль. Эмиль Золя говорит о благополучии. Автомобиль же скрежещет и смердит.

Г. Ге не Эмиль Золя. Это не знаменитый писатель и не герой дрейфусаров. Это посредственный адвокат. Он живет в Пуатье, в скучном чопорном Пуатье, где мощи святой Редегонды и 16 богоделен, где все ложатся спать как куры — только, только стемнеет, где оперетка это скандал, а г. Мильеран — анархист. Но г. Ге передовой человек. Он побывал в Париже, там он увидел фаэтон без лошадей. С тех пор его преследует одна мечта — купить вот такую коляску. Автомобиль мчится, как дикий ветер. Правда, г. Ге спешить некуда, да он и знает, что на автомобиле далеко не уедешь. Друзья, те смеются: «игрушка, и притом опасная!..» Но г. Ге мечтает об автомобиле, как мечтают школьники о героической смерти «Ястребиного Когтя».

Самодвижущаяся коляска стоит дорого. Г. Ге скопил кое-что про черный день. Он расстается со своими сбережениями. Зачем ждать?.. Черный день приходит сразу. Все богоделки из 16 богоделен крестятся и прячутся в чуланы. Мэр издает срочное распоряжение. Друзья г. Ге пробуют еще урезонить безумца:

— Возле Меген коровы напали на машину и владелец чуть было не погиб. А вот в окрестностях Трей-

ля бык кинулся на такой фаэтон, шоффер прыгнул в канал... Хорошо еще, что его вытащили...

Г. Ге рассеянно слушает все эти причитания. Никто уж не может его удержать. В пригожий апрельский день он едет со своей женой за город. Автомобиль мчится во весь дух: может быть 30 километров в час! Мотор свистит и надрывается. Он нов, этот мотор, новы сверкающие колеса. Стара лишь как мир жестокая радость в сердце г. Ге: он мчится навстречу смерти.

На первом же крутом спуске тормаз лопается, и храбрецы летят под колеса. Крестьяне смотрят издали на трупы: они боятся подойти поближе к столь ужасной машине.

Г. Ге никто не поставит памятника. Он ничего не изобрел. Он только купил фаэтон без лошадей и поехал с женой кататься за город. Золя прочел в газете о страшной катастрофе. Золя не стал, подобно журналистам, проклинать автомобиль. Нет, вывод ясен: надо изготовлять более крепкие тормаза. Через тридцать лет счастливые внуки будут с удивлением слушать об автомобильных катастрофах... Что касается благополучия, то оно обязательно возрастет.

3.

Берней Ольфильд пришел первым на автомобильных состязаниях. Он был прежде обыкновенным велосипедистом и управлять машиной научился за неделю до гонок. Выручило авось. А может быть и не авось, но неоспоримые достоинства нового автомобиля «900», построенного молодым инженером Генри Фордом. Об этой машине теперь пишут во всех газетах. Форд, впрочем, ищет не славы, но долларов. Он отнюдь не богат, а чтобы исполнились его мечты, ему нужно заполучить хоть небольшой капиталец. Завтра предстоит решительное объяснение с финансистами.

Генри Форд гуляет по буковой аллее, репетируя диалоги. Он начинает с самого ехидного мистера, с того, который ни во что не верит: ни в мораль человечества, ни в гений мистера Форда, ни в обыкновенный мотор.

— Не идете ли вы по ложному пути?.. Разве не принадлежит будущее электричеству? Может быть и в автомобильном деле победит удобный электрический двигатель? Отчего же нельзя себе представить, хотя бы на главных артериях страны, резервуаров электрической энергии? Наконец, остаются маленькие расстояния, то есть в первую очередь таксометры...

Мистер Форд пренебрежительно поводит кончиком носа.

— Мотор должен быть самостоятелен. Маленькие расстояния это маленькие дела. Америка не «Луна-Парк», Америка большой континент. Резервуары электрической энергии, простите меня, это только литература, а вот резервуары «Стандарт-Ойля» с хорошим бензином это верное дело. Сейчас не девяностые годы и речь идет не о новом изобретениии. Мотор внутреннего сгорания признан всеми специалистами. Я назову вам самого выдающегося человека нашей эпохи Томаса Эдиссона. Кто же, если не он, призван защищать электричество?.. И вот Томас Эдиссон говорил мне: «потребности человечества сложны и разнообразны. Мотор внутреннего сгорания, легкий, независимый и в то же время мощный бесспорно найдет себе место»...

Мистеры внимательно слушают. В их глазах и удовлетворение, и легкое беспокойство: 100.000 на дороге не валяются. Прежде чем выложить такие деньги, надобно все хорошенько взвесить...

Мистер Форд продолжает:

— Как вам известно, моя машина «900» пришла первой. Нам остается перейти к делу. Автомобиль может не только увлекать любознательные умы. Он может также приносить дивиденды.

Мистер Форд встал. Он говорит отчетливо и торжественно, как воскресный проповедник. У него высокий лоб и высокое призвание. О чем это вещает он?.. Может быть, об ароматных рощах Ханаана?..

— В течение первого года мы выпустим 2000 автомобилей. Это так называемая «модель А». Два цилиндра. 8 лошадиных сил. Устройство машины елико возможно упрощено, чтобы ею могли управлять даже самые неопытные люди, даже женщины и подростки. Цена также доступна: мы будем продавать наши машины по 850 долларов за штуку. Через четыре года мы доведем производство до 10.000 автомобилей. Подобная самоуверенность способна удивить вас, но я предвижу возможность в один день выпускать столько же машин, сколько теперь выпускают все американские заводы в течение целого года. Это вопрос разумной организации. Автомобильная промышленность неминуемо должна выдвинуться на первое место.

Я лично люблю гулять пешком; больше всего на свете я люблю птичий гомон и запах сена. Но жизнь сложнее моих частных вкусов, и я считаюсь не с собой, а с жизнью.

Разрешите прочесть вам проект нашего обращения к публике: «5 минут потерянного времени равняются 1 доллару брошенному в воду»... Дальше: «Это отдых мозгов и очистка легких с помощью самого верного медикамента, то есть чистого воздуха»... Наконец: «Мы приспособили автомобиль для текущих потребностей коммерсанта, а также для семейной жизни. Разумная скорость. Разумное устроение. Разумная цена.»

— Что же позволяет вам поставить столь низкую цену?..

— Во первых — наша дальнозоркость. Мы ведь не фабриканты мороженного и нам нечего опасаться дождливого лета. Мы теперь ограничиваем себя. Завтра мы получим за нашу скромность сторицей.

Калькулировать надо на много лет вперед. Разумней продавать машины в убыток или еле сводя концы с концами, чтобы завоевать рынок, нежели производить дорогие автомобили, приносящие каждый изрядный барыш, но неспособные проникнуть в толщу покупателей. Во вторых — правильная постановка всего дела. Человека рожает женщина, то есть человек. Машину должны изготовлять машины. Что касается рабочих, то их надо видоизменить, приблизив к типу машины. Тогда он перестанут, работая, думать. Это не утопический роман, но единственное разумное разрешение рабочего вопроса. Человек, лишенный умственных отправлений, куда практичнее для производства машин, нежели высококвалифицированный механик.

— Но как вы этого достигнете? Наши рабочие не негры. С ними не так-то легко справиться...

— Я исхожу от твердых законов бытия. Как я уже сказал вам, я люблю пенье птиц, но сам я петь не могу: у меня, к сожалению, нет голоса. А вот у тенора Карузо необычайный голос, оцениваемый, насколько мне известно, в сотни тысяч долларов. Равенство не только опасно, оно, прежде всего, противоестественно. Рабочие не могут, работая, рассуждать, как я не могу петь. Если они все же хотят проявлять свою оригинальность, им не место на заводе. Одни из них станут изобретателями, другие нищими или преступниками. Мы сами пойдем навстречу рабочим: упрощением всех процессов постепенно мы освободим их от всякого напряжения, как физического, так и умственного. Большинство будет нам признательно, а чудаки существуют повсюду. Поставьте меня к машине, я через неделю сойду с ума: мне претит однообразие. Я убежден, что и в вас живо творческое начало. Но нас не так уж много, мы мозги Америки; а я говорю об ее мускулах. Я отнюдь не приравниваю рабочих к неграм южных штатов. Напротив, я хочу разгрузить их от ломового оброка. Если они сумеют пригнать себя к образцовым машинам, заработная

плата повысится, и недалеко то время, когда наши рабочие будут покупать у нас же автомобили...

Здесь мистеры переглядываются. Один из них даже фыркнул — этот Форд дельный парень, но все же он увлекается!

— Я не понимаю вашего удивления. Я ведь не говорю вам, что рабочие будут петь, как Карузо, или же управлять государством. Нет, подобные бредни мы можем предоставить европейским социалистам. Но покупать автомобили они смогут: это вопрос цены. Наверное некоторые из вас еще помнят то время, когда бутыль керосину стоила доллар. На ферме моего отца керосиновую лампу встретили, как недопустимую роскошь.

Если вы позволите мне небольшое отступление, я скажу вам, что Америка сейчас вступает на путь подлинного совершенствования. Она, действительно, избрана богом. Она сохранила светлый ум и христианские добродетели. Я отнюдь не сторонник кастового общества: я сам вышел хоть из зажиточной, но простой семьи. Однако демократия так, как ее понимают различные фантазеры, это бессмыслица. Вместо гения — избирательная арифметика. Посмотрите на старый мир. Врач определил бы жизнь некоторых государств, как паралич: ни руки, ни ноги больше не повинуются мозговым центрам. Рентьеры держат золото в чулке, превращая, само по себе, ценное чувство бережливости в скупость. Кровообращение этим нарушается. Рабочие что ни день устраивают стачки. Биржа ищет легкой поживы. Подобная демократия не способна ни улучшить состояние дорог, ни отстроить новые университеты, ни создать музеи. Культура падает. Иначе и быть не может: в устах праздного мечтателя демократия это только сумма нолей.

Подлинная демократия это автомобильные состязания: достойные побеждают. Если я достигну своего, я окажусь причастным к управлению государством, не занимаясь вовсе мелкой политикой. Я по-

строю хорошие технические школы. Я постараюсь выжечь алкоголизм и проституцию. Я займусь перевоспитанием рабочего класса, который, благодаря притоку иммигрантов, страдает распущенностью и духовным сомнамбулизмом. Наконец, я поведу борьбу за простоту нравов, за гигиенический образ жизни, за общение человека с матерью-природой. Как видите, я не изменил моим пичугам!..

Мы сейчас собрались вокруг этого стола, чтобы положить начало «Автомобильной Компании Форда». Каждый в праве расчитывать на дивиденды. Я здесь только техник, чертежник, механик. Я вкладываю четверть основного капитала, проект «модели А» и мой труд. Я надеюсь, что вы не станете пенять на меня за то, что я отнял у каждого из вас несколько драгоценных минут. Ведь все мы американцы и добрые христиане. Господа, самые большие дивиденды получит человечество: автомобиль — это залог всеобщего преуспевания!..

Компанионы мистера Форда молитвенно жмурятся, как жмурятся они в церкви, когда пастор докладывает им об ароматных рощах Ханаана. Ведь все они американцы и добрые христиане. Они хорошо понимают торжественность минуты.

Впрочем сейчас никаких компанионов нет. Сейчас Генри Форд шагает по безлюдным аллеям парка, чуть шевеля губами. Вокруг него птицы. Особенно он любит стрижей. Кстати, стриж летает со скоростью до 180 миль в час... Что-же, мы обгоним стрижей!.. Форд улыбается нежно и призрачно. Завтра соглашение будет подписано. Завтра в человеческие дни вкатится новое существо, громкое, скорое и непобедимое. Дорогу, господа, дорогу!..

Мистер Генри Форд настаивает. Тогда стрижи, лирически чирикнув, улетают.

ЧТО ТАКОЕ ЛЕНТА

1.

Длинные шеренги рабочих. Одни прикладывают гайку, другие закрепляют винт, третьи считают крылья, четвертые закрашивают ободок, пятые штампуют оси. Человек подымает руку, потом опускает ее. На этот вот штифтик ему дано ровно сорок секунд. Машина спешит. С ней не о чем разговаривать.

Рабочий не знает, что такое автомобиль. Он не знает, что такое мотор. Он берет болт и приставляет гайку. В поднятой руке соседа уже ждет закрепка. Если он потеряет десять секунд, машина уйдет дальше. Он останется с болотом и с вычетом. Десять секунд это очень много и это очень мало. За десять секунд можно вспомнить всю жизнь и можно не успеть даже перевести дыхания. Он должен взять болт и приставить гайку. Вверх, вправо, полукруг, вниз. Он делает это сотни, тысячи раз. Он делает это восемь часов сряду. Он делает это всю свою жизнь. Он делает только это.

По длинной мастерской ползут шасси. Им пересекают дорогу колеса. Колеса вертятся в воздухе. Колеса спешат к шасси. Человек берет колесо, надевает его. Одно колесо. Другой — другое. Его назначение в жизни просто и торжественно: он надевает левое заднее колесо, всегда левое, всегда заднее. Он привык сгибать свою правую ногу. Левая неподвижна. Он привык повертывать голову только вправо. Налево он никогда не смотрит. Он уж не человек.

Он только колесо — левое заднее. А лента движется дальше.

На нижней ленте шасси, на верхней кузова. Кузов опускается в люк с мучительной точностью. Это называется «свадьбой», но никогда человек не может так точно пригнать себя к другому человеку. «Свадьба» длится ровно полторы минуты. Человек нагибается: гайка, штифтик. Лента движется.

Она не из шелка, она из железа. Это даже не лента. Это цепь. Это чудо техники, это победа разума, это рост дивидендов и это обыкновенная железная цепь, ею здесь скованы 25.000 колодников.

Пьер Шарден работает в сборочной. Он прикрепляет задние рессоры. В его руке железная серьга. Шасси движутся. У Пьера Шардена 1 минута 12 секунд. Он нацепляет серьгу. Он работает исправно: у него ведь трое детей. Он получает 4 франка 75 сантимов в час. Он хочет получать больше. Он хочет купить новую кровать. Он мечтает даже о светлой квартире: его окна выходят на глухой двор и его младшая дочка, которой уже четыре года, еще не начала ходить. Он о многом мечтает. Он старается нацеплять серьги скорее, он хочет выиграть десять или двадцать секунд.

Чтобы нацепить серьгу, достаточно 55 секунд. Это учтено. Теперь в час мимо Пьера проходит 70 шасси. Он получает все те же 4 франка 75. Он не купил кровати. Его дочка так и не начала ходить. Он приходит домой унылый и непонятный. Он всегда молчит. Он, кажется, разучился говорить. Он знает одно: нацепить серьгу. В 55 секунд. Он умрет на пять лет раньше. Зато каждый автомобить теперь обходится на 6 сантимов дешевле.

Жан Лебак, тот работает в Сюренн. Он изготовляет шарниры. У него старуха мать и двое ребят. Как и Пьер, он о многом мечтает. За 100 шарниров ему платят 4 франка. Он забывает о жизни. Он входит в раж. Он больше не Жан Лебек, который играл в кости или подтрунивал над товарищами, нет, он американская машина. Вместо 120 шарниров в час он изготовляет 220. Вот то порадует он своих!.. Но нет — автомобиль должен стоить дешево. Если Жан Лебек делает шарниры быстрее, надо переменить расценку. Вместо 4 франков он теперь получает за 100 штук всего 2 франка 80. Он пробует работать еще скорее. 230. Но нет, он всетаки не американская машина. Он валится без сил. Врач говорит, что это грип. Он знает, что это отчаянье. Как бы он ни работал, больше положенного ему не выработать. Надеяться не на что. Он должен просто спешить, спешить ради спешки.

Торопятся рабочие. Торопятся инженеры. Торопится и г. Ситроен.

В просторной конторе стучат машинистки. Люси Невиль. Номер 318. Скорее! Вложить листы — 44 секунды. Письмо — 3 минуты 19 секунд. Перечесть — 50 секунд. Положить копию в ящик — 4 секунды.

Хронометрщик носится от станка к станку. У него часы и доска. Он ведет счет секундами. Он смотрит на руку и на стрелку. Он записывает. Это не смертные приговоры, это только удешевленные автомобили.

Торопятся инженеры. Они выдумывают новый тип машины. Повысить скорость. Увеличить удобства. Уменьшить стоимость. Мотор должен поглощать как можно меньше горючего. «Форду» на 100 километров нужно 11 литров. Что же, у американцев и нефть, и доллары. «Ситроен» должен довольствоваться малым. 7 литров. Покупатель сноб, он требует шесть цилиндров. Покупатель нервен, он тре-

бует бесшумный мотор. Покупатель бережлив, он не хочет платить дорого. Нужно все продумать: фильтр для масла и форму приставных стульев. Вот он, этот неведомый покупатель, он стоит у витрины магазина. Он смотрит на машины различных марок. Инженер едет домой в вагоне метро. У него нет автомобиля. Но неведомый покупатель уже остановился у витрины. Инженер торопится: новая модель должна быть выпущена к очередному «Салону». Через несколько месяцев эта модель станет устаревшей. Инженеры будут тогда выдумывать новую. Живыми они отсюда не уйдут. Это ведь лента, та, что движется.

Г. Андре Ситроен хмурится. У него немало забот. Пежо расширяет производство. Пежо выпускает машину на кордонной передаче. Старик Форд снова открыл заводы. У Форда тоже инженеры. Они тоже сидят и думают. Надо найти новые рынки! Надо усилить рекламу!

Г. Ситроен работает, как Пьер Шарден. Помнит ли он о жизни?..

Перед ним автомобили Форда, Фиата, Пежо, Рено. Миллионы. Орды. А земля так мала! Так легко ее объехать!..

Японцы не ездят в автомобилях. Они ездят на людях. Какие варвары! Человек это 8 километров в час. «Ситроен» это 80. Разве можно медлить? Тебя обгонит другой японец! Но японцы упрямы. Форду хорошо: там у всех рабочих свои машины. Рабочие Ситроена мечтают о велосипеде. Что же, если г. Ситроен повысит производство до 3000 в день, его рабочие, пожалуй, начнут мечтать об автомобиле. Вот оно счастье, их и его! Следовательно надо повысить производство. Но для этого надо повысить спрос. Хорошо бы рекламировать воздух: кто не ездит в воскресенье за город, тот укорачивает свою жизнь на одну треть. Хорошо бы рекламировать жизнь: она одна, другой нет.

Зловеще хрипят «Форды» и «Пежо», «Рено» и «Фиаты». Они хрипят сдавленно: они ведь тоже бесшумны. У них тоже фильтры для масла. А земля так мала! В России революция. Китайцы режут друг друга. Негры, те просто лазят по деревьям.

Все знают, что г. Андре Ситроен — игрок. Он обожает бакара. У него четверка или пятерка. Остается одно прикупать: ведь кто знает, может быть у Форда девять. Долго длится эта игра. Г. Ситроен то срывает банк, то проигрывает. Он удешевляет тарифы. Он выпускает новые модели. Он всем рискует. Только бы поскорей!..

Пьер Шарден иногда думает о г. Андре Ситроен. Он думает, что этот Ситроен наверное очень счастлив, что у него не только светлая квартира, но и светлая жизнь. Если б Пьер Шарден знал, что г. Андре Ситроен не смеет перевести дыхания, что г. Андре Ситроен связан с ним, с Пьером Шарденом железной цепью, той самой, которая никогда не останавливается!..

Заводы Ситроена прекрасно оборудованы. В них не только привозные машины, в них центральное отопление, мощные вентиляторы, стеклянные крыши. Г. Андре Ситроен просвещеннейший фабрикант. Разве виноват он, что люди выдумали автомобиль, что они торопятся жить, что существуют на свете химия и нищета, что покупатель с каждым днем становится все требовательней? Г. Ситроен повинуется своему времени.

На заводах Ситроена 25.000 рабочих. Когда-то говорили они на разных языках. Теперь они молчат. Приглядываясь к лицам, можно увидеть, что эти люди пришли сюда из разных стран. Здесь парижане и арабы, русские и бретонцы, провансальцы и китайцы, испанцы и поляки, негры и аннамиты. Поляк

когда-то пахал землю, итальянец пас баранов, а донской казак верой-правдой служил государю. Теперь все они у одной ленты. Они не разговаривают друг с другом. Постепенно забывают они человеческие слова, слова теплые и шершавые, как овечий мех или как комья свеже вспаханного поля.

Они слушают голоса машин. Каждая кричит по своему. Огромные песты нагло ворчат. Взвизгивают фразерные станки. Пищат пробоины. Грохочут прессы. Кряхтят жернова. Вопят блоки. И ехидно присвистывает железная цепь.

От рева машин глохнут провансальцы и китайцы. Глаза их становятся светлыми и пустыми. Они забывают все на свете: цвет неба и имя родной деревушки. Они продолжают приставлять гайки. Автомобиль должен быть бесшумным. Инженеры сидят и думают, как бы сделать немой мотор. Вот эти клапаны еще пробуют разговаривать: надо заняться клапанами. Покупатель так нервен! У тех, что стоят возле ленты, нервов нет. У них только руки: приставить гайку, нацепить колесо.

Агенты Ситроена рекламируют море и горы, берега Луары, перевал через Альпы, сосны, озон. Мастерские Ситроена наполнены недобрым дыханием машин. Это ядовитые газы, это вонь горячего масла, резкость кислот, спирт, жидкий уголь, краски и лак. Металл травят кислотами, — у рабочих экзема. Металл чистят песком, — рабочих караулит чахотка. Металл окрашивают из автоматических пистолетов, — испарения отравляют рабочих. В литейных мастерских от масла и серы у рабочих слезятся глаза. Мало по малу перестают они выносить солнечный свет. Но в мастерских нет солнца. Они продолжают оттаскивать рамы. Зачем им глаза, уши или жизнь? У них руки, они стоят возле ленты.

Новичек спрашивает Пьера Шардена:

— Ты придешь вечером на собрание?

Пьер качает головой — нет, он не придет. Новичек еще зелен. Он еще ничего не знает. Он верит в книжки и в споры, в кружки самообразования и в мировую революцию. Пьер больше ни во что не верит. Когда он был молод, он работал тихо и спокойно. Он работал десять часов, но никто его не подгонял. Он любил тогда инструменты и железо. Он работал со вкусом. Он учился своему ремеслу. Тогда он читал книжки и ходил на митинги. Он верил в победу труда и в человеческое братство. Потом оказалось, что уменье его ни к чему: фразерный станок работает с точностью в одну сотую миллиметра. Пьер перестал управлять машиной, машина стала управлять им. Теперь он нацепляет серьги. Он забыл о человеческом братстве. Он понял одно: ничего нельзя изменить. Лента движется. Против этого бессильны все доводы. Если он будет кричать, его прогонят. На его место возьмут другого — негра или мальчика. Кто же не сумеет нацеплять эти серьги?.. Пьер больше не ходит на собрания. Он чуждается товарищей. Зачем человек человеку? Чтобы молчать?..

Жена, та еще мечтает:

— Вот повезет и переедем в Ванв... Там воздух чистый...

Пьер молчит. Ему повезет? Серьги всегда останутся серьгами. Набавят 5 су — вздорожает масло. В Ванв чистый воздух? Может быть. Но из Ванв на завод — час, час — обратно. А он так устает! Странная это усталость. Он мог бы сейчас, кажется, наколоть дрова — целый воз или пробежать километр без передышки. Тело его не устало. Устала голова. Скорей нацепить серьгу, пока не ушла машина!.. Он забывает имена и лица товарищей. Он не понимает, о чем его спрашивает жена. Он только жалобно отмахивается: оставь ты!..

Иногда жена уводит его в кино. Он сидит там тяжелый и сонный. От темноты слипаются глаза. Трудно понять, почему этот банкир так приветлив с на-

хальным посетителем... Рядом, в рыжей духоте, среди дыма и снопов дрожащего света угрюмо копошатся мысли соседей: тех, что вытаскивают оси, или тех, что вставляют штифтики. Это мысли без ног, без плавников, без крыльев; они копошатся как дождевые черви, рассеченные заступом. Это даже не мысли, это механическая сцепка полузаботых образов, это сны пещерного человека, мычание глухонемого и это горячечный бред калькулятора: вместо обоев, вместо губ, вместо микстур все те же шеренги цифр. В кино сидит, казалось бы, обыкновенная публика. Каждый заплатил за вход один франк или два. Они смотрят светскую мелодраму, разрешенную цензурой. Это искусство, культура низов, это Париж тот, что «светоч мира». Копошатся мысли, оттекают ноги, в глазах рябь экрана и перламутр. Трещит аппарат. Лента все движется.

И вдруг грохот. Это смех ста глоток, смех грубый и громкий, как рев клапана, смех на «о» — «го-го-го»! Зал гогочет. На экране нахальный посетитель танцуя упал. Он упал и разбил монокль. Как он здорово шлепнулся! Как правильно растянулся! Как дрыгнул ножкой! Как утер нос! Го-го! Го-го! Пещерный человек на минуту расправляет лапы и рычит. В его глазах отчаянное веселье. Потом вспыхивает электричество и глаза гаснут.

Г. Андре Ситроен может быть спокоен. Пьер Шарден будет нацеплять серьги до последнего часа. Он никогда не устроит революции. Он даже не попробует в праздник побуянить. Машина сделала свое дело: человека разобрали и собрали заново. Руки его стали двигаться быстрее, веки реже моргать. Свиду он похож на обыкновенного человека. У него брови и жилетка. Он ходит в кино. Но разговаривать с ним не о чем. Он уже не человек. Он только частица ленты: болт, колесо или штифт. Он живет не просто, как другие люди, чтобы есть, спать с женщинами и смеяться, нет, жизнь его полна глубокого смысла — он

живет, чтобы изготовлять автомобили: 10 лошадиных сил, бесшумный ход, стальной кузов.

Пьер молча идет домой. Жена пробует разговаривать:

— Интересная картина, я сразу догадалась, что этот брюнет подлец. А ты?..

Пьер не отвечает. Жена его весь день работала: она стирала белье, носила уголь, мыла полы. У нее болит поясница. У нее болят плечи. У нее все болит. Но она не стояла возле ленты. Она еще может разговаривать о каком то брюнете. А Пьер молчит. Молча он раздевается. Молча ложится. Он о чем то думает сосредоточенно, ревниво. О брюнете? Об автомобиле? О смерти? Нет, он думает о пятне на обоях возле самой подушки. До чего это пятно похоже на голову с трубкой! Какая гадость! Ну да, вот и дым!.. Он долго думает об этом. Потом он говорит:

— Послушай, здесь надо что нибудь повесить...

Жена еще штопает носки. Пьер смотрит, широко раскрыв глаза, на электрическую ампульку. Он смотрит, не моргая. Холодный свет льется внутрь. На минуту он освещает: голова с трубкой, брюнет, как упал — смешно, скорей нацепить серьгу!.. Рука Пьера по привычке подымается; правая рука, левая, та лежит спокойно. Пьер засыпает. Рука поверх одеяла судорожно шевелится. Дыхание переходит на ночной счет.

Жена смотрит на Пьера. Какой он стал худой и бледный! Проклятый завод!.. Жена тихо вздыхает, очень тихо — ведь Пьер теперь спит. Он спит, но его пальцы едва заметно вздрагивают. Он наверное еще нацепляет серьги: до утра, до ночи, до смерти.

2.

Г. Андре Ситроен, если верить светским хроникерам, любимец всех казино. Без него не бывает настоящей партии. Он обладает высоким даром: он умеет

проигрывать. Он проигрывает небрежно и красиво. Зеленое сукно это не грубая пожива, это прежде всего поэзия бессонных ночей, проглоченные вздохи, тщательно скрываемый пот, отмирание пальцев, поединок с судьбой и еле приметная улыбка, ее надо быстро стереть шелковым платочком, как капли пота на висках.

Г. Андре Ситроен игрок по природе. Его заводы это жетоны в жилетном кармане. Не упорством достиг он своего, не хитростью, не гением — азартом. Правда, оффициозные биографы говорят о зубчатках, придуманных в свое время молодым инженером Андре Ситроеном, который окончил парижский политехникум. Но мало ли на свете толковых инженеров и даже новых зубчаток?..

В 1915 г. г. Ситроен открыл в Париже завод. Он, конечно, изготовлял товар по сезону: он делал снаряды. Недостатка в заказах не было. Патриотизм сочетался с хорошими барышами. Но кончилась война. Перед г. Ситроеном были американские машины, а также неизвестное будущее. Одни ставили на новую войну, другие на длительный кризис, третьи на революцию. Г. Ситроен поставил на Америку. Он понял, что отжили свой век стихи и ландо, митинги и развалка, лошади и любовь. Вчерашний домосед, мечтатель, растяпа завтра будет судорожно хвататься за часы.

В первый же год заводы Ситроена выпустили 3300 машин. Кругом забастовки, волнения, цены растут, рабочие выбирают делегатов, дадаисты кричат о светопреставлении, предусмотрительные патриоты переводят капиталы в лондонские банки; кругом страх и надежды. Г. Ситроен поставил на хорошие шоссе и на жестокую борьбу за существование.

Он обдумывает, как бы совместить американский размах с европейской нищетой. Надо строить дешевые машины. Надо, чтобы эти машины поглощали мало горючего. Надо, чтобы эти дешевые машины

выглядели понарядней. Европеец беден, но тщеславен, он ведь так горд своей тысячелетней культурой! Он согласится на слабосильный мотор, но не на дурные пропорции.

Два года спустя заводы Ситроена выпустили тридцатитысячную машину. Это немало, но г. Ситроен любит только крупную игру. Автомобиль не жемчужное колье и не скрипка Страдивариуса. Автомобиль это новое божество. Ему должны все поклоняться. Следовательно мало понизить его стоимость. Г. Ситроен ставит на новую карту. Он меняет оборудование мастерских. Он рекламирует свою последнюю модель: 5 лошадиных сил. Это доступно всем. Счастье за пол-цены! Счастье на выплату! Заводы выпускают 200 машин в день. Обороты увеличиваются. Улицы Парижа становятся опасными. Об автомобилях теперь мечтают мелкие лавочники и фермеры.

Железо стоит дорого. Уголь стоит дорого. Краска стоит дорого. Но в графе расходов имеется одна рубрика. На нее направлено все внимание г. Ситроена. Если нельзя понизить цены на материал, можно понизить цены на труд. 19-ый год позади. Рабочие комитеты давно распущены. Стачки проиграны. Г. Ситроен показывает своим рабочим новую заморскую игрушку: это лента, та что движется. Пусть рабочие и ворчат, их ропот покрывается громыханием новых прессов. Автомобили Ситроена теперь стоят еще дешевле. Г. Ситроен снова взял банк.

Но тогда игра перестает его занимать: она слишком мелка. 5 сил приносят недостаточно доходов. Игрок пренебрегает осторожностью. Он бросает ходкую марку. Все растеряны. Подержанные автомобили 5 сил продаются за бесценок: завод больше их не выпускает. Г. Ситроен ставит на обогащение одних, на безрассудство других. Без автомобиля жить нельзя: это доказано. Следовательно покупатели кинутся на новую машину — 10 сил Б. 12. Он сам шел на жертвы. Его рабочие шли на жертвы. Пусть теперь вся Фран-

ция пойдет на жертвы. Пусть пьют меньше аперитивов, пусть реже ходят в кино, пусть носят пальто не два, а три года.

Покупатели сдаются не сразу. Пауза для дельца это крах, для хорошего игрока это только жемчужины на висках и шелковый платочек. Он быстро вытирает лоб. Он сорвал и этот банк. Новая модель куда выгодней прежней. Дивиденды растут. Игра стоила сердцебиения.

— Прикупаете?

— Прикупаю.

Восьмерка. Игрок прикупил и перекупил. Деликатно улыбаются соседи. Деликатно шелестят карты. Деликатно посвечивают жетоны. И снова:

— Прикупаете?

И снова деликатные улыбки. За спущенными шторами шумит море. Игра никогда не может кончиться. Игрок то проигрывает, то отыгрывается, но он не уходит. Он хочет выиграть. Наконец то он выигрывает. Но он все таки не уходит. Он хочет выиграть больше. Тогда он снова начинает проигрывать. Это как прилив и отлив. Игра постоянна. Игрок и не хочет выиграть. Он хочет только играть. Разве не похожи на детские игрушки эти костяные жетоны? Нет, он даже не хочет играть. Он очень устал. Рябят масти. Девятка сморщивается в мизерную четверку. Он вытирает лоб. Он бледен и уныл. Он не хочет больше играть. Впрочем это неважно — хочет он или не хочет. Его ведь спрашивают об одном:

— Прикупаете?

Он должен играть. Это уж не игра, это лента, железная лента. Немного жестче улыбка. Немного быстрее летит в пепельницу чересчур длинный окурок. Но голос его ровен:

— Прикупаю.

Потом просачивается рассвет. В этот час на заводах Ситроена меняются смены. Лица рабочих неподвижны и серы, как будто они не из мяса. Лицо игрока еще неподвижней, еще серее. Это не лицо, но игральный жетон.

— Следовательно вы проиграли 4.000.000...

Игрок ничего не понимает. Его рука еще тянется к колоде, но колоды больше нет. Казино уже закрыли. Рука нечаянно натыкается на ветку, всю мокрую от обычной предутренней жалости. Перед игроком море. Движения его законны и неизменны. Оно сначала бьется о камни, потом шарахается прочь. Игрок и море остаются вдвоем. Они глядят друг на друга с легким недоверием, которое постепенно переходит в безразличье. Оба устали и оба должны продолжать свое дело. Для жалоб у них нет времени, а философия устарела. Начинается прилив. Игрок задумался, хоть он и не думает ни о чем. Его приводит в себя гудок автомобиля. Четыре миллиона... Еще две недели... Еще двадцать или тридцать лет... Послушливо игрок уступает дорогу машине. Это последняя модель Ситроена, 6 цилиндров, 10 сил, Б. 14. Игрок улыбается. Улыбка его ничего не означает, как и роса на щеке.

3.

У Ситроена 5000 агентов. Они рыщут по городам и селам. У них энергия мистера Хувера и собачий нюх. Они мудры как библейский змий. Они находчивы, догадливы и терпеливы. Одни из них замечательные ораторы: Гамбетты, Анри Роберы, Брианы. Другие могут быть названы тончайшими психологами. Человечество они делят на несколько категорий: те, что купят автомобиль немедленно, те, что купят его через шесть месяцев, наконец те, что купят его через год. Людей, которые никогда не купят автомобиля, для

агентов не существует: агенты верят в человеческое счастье и в прогресс. Этот фермер выгодно продал зеленый горошек: он может купить машину тотчас же. Что касается молодого доктора, то у него завелись уже первые больные, следовательно через полгода он созреет для очаровательного автомобиля. А с булочником придется подождать до весны.

5000 агентов разносят по счастливой Франции новое десятисильное счастье и облака серебряной пыли. Они шлют в Париж донесения. Они восхваляют выносливость и легкость машин. Они просят об одном: дешевле! еще дешевле! Вот булочник, тот никак не может. Да и доктору трудно. Здесь ведь платят по 10 франков за визит. Франция не Америка!..

Г. Ситроен сам знает, что Франция не Америка. А вот в этой золотой Америке автомобиль стоит вдвое дешевле. Но что же тут поделаешь?.. Кривая цен по прежнему рвется ввысь. Вздорожали даже леденцы и фиалки. На г. Ситроена возложена непосильная миссия: он должен дать автомобили всем. Это не заказы. Это обет.

Г. Ситроен продает для рекламы игрушечные автомобили. Их дарят детям на елку. Деревянные лошади давно уж не в моде. Дети теперь играют в перемену скоростей. Но дети кроме того растут. Вот уж надоели им любимые игрушки. Скоро они обратятся к одному из пяти тысяч. Если они не смогут приобрести автомобиля, они станут мизантропами или, хуже того, коммунистами. Г. Андре Ситроен должен спасти молодую Францию от губительного разочарования.

Служащие вывешивают в мастерских беленькие листочки: «Необходимы жертвы. Дирекция это поняла. Теперь это должны понять и рабочие...» Г. Ситроен весь преисполнен самопожертвования. Пусть мы-

ло или нитки дорожают — это заслуженные ветераны. Они входят в жизнь человека с первых же слов, вместе с продранными штанишками и с теплой губкой. Они общепризнаны, как солнце и как полиция. Изготовлять мыло или нитки почтенное, но до чего же скучное дело! Г. Андре Ситроен — апостол новейшего завета. Он твердит, что автомобиль нужнее спокойствия. 5000 агентов выдают уверовавшим столько то тонн железа и столько то крупиц непоседливости. Ради этого он согласен на любые жертвы. Он согласен немного подождать с доходами. Да, он согласен. Очередь за рабочими.

Чтобы продавать автомобили, нужны агенты, чтобы править миром нужны поэзия, химия и тщательный отбор; нужно иному солдату подарить погоны, нужно разукрасить социалиста почетной ленточкой, нужно во время выписать несколько деликатных чеков. Г. Ситроен не вмешивается в политику. Он не мечтает о кресле депутата, не субсидирует правую печать и не организовывает «лиги гражданского единения». Он вне этого. Он выше этого. Он изготовляет автомобили сериями. Как для всевышнего, нет для него ни эллина, ни иудея. На его заводах работают бок о бок благоразумные патриоты и завзятые коммунисты. Г. Ситроена занимает только одно: скорость. Для продажи он создал агентов, для производства «показчиков». Показчика самого можно показывать на ярмарках или в университетских клиниках: «интереснейший экземпляр! Живая машина!» Он не наблюдает за порядком. Он и не стоит у ленты. Он только показывает. Он показывает, как легко любому человеку забыть о том, что он человек.

Жозеф Лепон прекрасный показчик. Он обучает рабочих сборочной мастерской. Сколько времени тратит вот этот парнишка на установку ручного рычага?

4 минуты? Лепон берется за дело. Быстро прилаживает он болт и быстро ввинчивает винты. 1 минута 40 секунд. Заведующий определяет: для среднего рабочего достаточно 2 минуты. Тогда показчик идет к ленте. Показчик показывает. В течение одного часа устанавливает он 30 рычагов. Потом он уходит прочь — показывать другим и другое. Рабочий остается с рычагами. То, что показчик делал один час, он должен делать восемь часов подряд, восемь лет, может быть и всю свою жизнь. Рабочий смотрит на спину Лепона и злобно шепчет:

— Сволочь!..

Лепона все ненавидят. Ситроен—далеко, это почти миф, это вроде господа-бога или кабинета министров. Трудно ненавидеть инженеров. У них свои резоны. Разве они знают, что такое ввинчивать весь день винты?.. Лепон же свой, рабочий, он получает всего на один франк в час больше других. От него вся беда. От него лента. От него секунды. От него вечером проклятая одурь, когда нельзя ни посмеяться, ни поспорить, ни даже уснуть.

Офицерам отдают честь, имена знаменитых актеров печатают на афише крупным шрифтом, хорошего инженера то и дело вызывают в кабинет директора. Жозеф Лепон живет среди рабочих и рабочие его ненавидят. Он работает как они, даже больше; он создает новые рекорды; он изумляет инженеров. Он может простоять на одном месте не двигаясь хоть десять часов подряд. Он может проработать весь день, не выходя до ветру. Он может не есть и не спать. На руках его, кажется, не пальцы, но зубила, щипцы, кусачки, сверлы, коловороты; внутри же вместо сердца мотор. Он не помнит своего детства. Об его человеческом происхождении свидетельствует только метрика и родимое пятно. Он столь же нов и божествен, как автомобиль. Но здесь то и начинается несправедливость. Об автомобиле мечтают все; даже рабочие, выходя из мастерских, с завистью посматривают на ма-

шины старших инженеров; даже рабочие боготворят автомобиль. А вот встречаясь с Лепоном, они сердито отплевываются. Оказывается Лепон еще несовершенен: внутри у него помимо мотора архаические чувства, он способен кривиться от обиды.

Вот он вышел из ворот. Он подзывает Дюрана, приемщика:

— Зайдем ка, опрокинем по рюмочке!

Угощает конечно он. Но Дюран бормочет:

— В другой раз. Я сегодня спешу...

Дюран любит ром, но он боится, как бы товарищи не увидали его с Лепоном. И Лепон понимает это. Он тихо ругается. Уныло идет он по улице. Спешить больше незачем. Теперь вечер, сон некому показывать, все сами умеют спать. Он заглядывает в зеркало возле булочной. Обыкновенное лицо. Рыжие усы. Каскетка. Ну да, он самый обыкновенный человек. Но когда он подходит к рабочему, зрачки рабочего ширятся от ужаса, как будто подходит к нему смерть. Лепон не раз это видел. Нечего сказать, веселая должность: разыгрывать самое смерть!

Он заходит в кабачек. У стойки незнакомые рабочие. Он заговаривает. Он ставит по рюмке. Трогательно жмет он руку каждому. Он глотает ром медленно и мечтательно. Он старается всем сказать что нибудь да приятное:

— Вот и весна... Совсем потеплело...

Он показывает на проходящую мимо девушку:

— Шляпка то какая!..

Он жалуется:

— Устал я... Ну и работа!..

Но тогда он слышит, как один из собутыльников говорит:

— Это показчик из сборочной... Известная гадина!

Лепон швыряет монеты на стойку и молча уходит. Он идет вдоль пустынной набережной. Неприязненно поблескивает вода. В нее вот кидаются люди. А в окнах свет. Там уют — граммофон и карты. Чорт

бы их всех побрал! Пусть лучше бросаются в Сену! Может ли ром развеселить Лепона? Если он снова зайдет в кабак, снова все выпьют и выругаются. Возьмет девушку — чего доброго, та тоже скажет: «эх ты, показчик»... И потом он так устал! Надо спать. Завтра он будет показывать, как в 30 секунд подвешивать кольца.

Но он не завертывает в улицу направо. Он не идет домой. Он никуда не идет. Он стоит на мосту и смотрит вниз. Вода все так же злобно посвечивает. Жозеф Лепон обыкновенный человек. Он не может жить. Он очень несчастен.

Полицейский заметил человека на мосту. Полицейский знает, что внизу не ловят рыбу и не разгружают баржу. Внизу только холодная вода. Полицейский стоит на этом углу уже четыре года. Он хорошо знает, почему люди смотрят так пристально вниз. Привычными шагами направляется он к Лепону.

Г. Андре Ситроен читает: «Наше дело, как мы и предвидели, развивается вполне удовлетворительно. Действительно, в отчетном году оборот равнялся 1.210.000.000 франков, при 73.802 выпущенных автомобилей, против 1.005.000.000 за предшествующий год...»

Г. Андре Ситроен тяжел дышет: от духоты и от цифр. Июньский горячий день. За окнами ревут, пищат, хрипят, задыхаются тысячи машин. В их хрипе все: ночь лотарингских рудокопов, зной каучуковых плантаций, тяжелое зловонье нефтяных промыслов где-то далеко, в Венецуеле, и визг железной ленты, той, что здесь рядом. В хрипе машин агония миллионов людей, которые жили и умерли ради одного, чтобы сделать эти автомобили. В их хрипе и задержанное дыхание г. Андре Ситроена и чахоточный при-

свист шлифовщика. Автомобили за окнами надрываются.

Отдышавшись, г. Ситроен бесстрастно продолжает: «и против 872.000.000...»

4.

У фермера давно своя машина. Доктор перед Пасхой купил кабриолет. Вчера, наконец-то, сдался и булочник: он подписал бланк, поднесенный ему красноречивым агентом. При этом он загадочно улыбался, точь в точь как Фауст. Впрочем он самый обыкновенный булочник из местечка Монтрей.

Г. Ситроен мужественно выполняет свою миссию: скоро автомобиль будет даже у чахоточного шлифовщика. Бедняга поймет умирая, зачем он жил на этой земле.

Но чем дольше играет игрок, тем дальше неведомый розыгрыш. Во Франции один автомобиль на 42 жителя, в Америке на 5. Игрок берет новую карту. Апостол снова идет к упрямым язычникам. У него нет ни чудодейственных исцелений, ни раскатов грома, ни стигматов. Зато он находчив и упорен. Как никто умеет он прославлять своего нового бога.

Говорят, что в Париже Палата Депутатов и Венера Милосская, египетский обелиск и Поль Валери, замечательные портные и премудрая Сорбонна. Чужестранец, приехав впервые в этот город к вечеру, когда спят и Венера, и профессора Сорбонны, видит перед собой только одно слово; оно пылает на Эйфелевой башне саженными буквами: это визитная карточка г. Андре Ситроена. Великое имя сияет. Вокруг него извиваются молнии, и от земли к небу рвутся языки мистического пламени. Это 200.000 электрических лампочек и 90 километров проводов. Это также новое откровение, скрижали Синая: опомнитесь! Приобщи-

тесь! Вы должны немедленно приобрести — 10 сил, новая модель!..

Г. Ситроен поясняет: это не реклама, это только посильное участие заводов Ситроена в Международной выставке декоративных искусств. Рекламировать можно мыло или папиросы. Владелец автомобильного завода—поборник культуры. Г. Ситроен строит, например, автомобили с гусеничной передачей. Нечестивцы заверяют, будто эти гусеницы выращиваются для очередной войны. Они шепчут о польских заказах. Они забывают, что г. Ситроен прежде всего апостол. Его гусеницы переползли через пески Сахары.

Это была чрезвычайно романтическая экспедиция. Завидев автомобили Ситроена, львы и негры падали ниц. Писатели написали замечательные книги. Художники привезли из Африки экзотические полотна. Во всех кино мира шла картина «Черный Переход». Г. Ситроен привез эту фильму даже в Палату Депутатов. На экране львы и негры падали ниц. На экране трепетало заветное имя: Ситроен, Ситроен, Ситроен.

Г. Ситроен пригласил восхищенных депутатов к себе в гости: осмотреть его заводы. Почтенные законодатели, радикал-социалисты и социал-радикалы увидели американские прессы, а также знаменитую ленту. Это было куда сложнее всех законопроэктов и перебаллотировок. Депутаты поняли, что г. Ситроен, действительно, великий гражданин: он не произносит речей, молча строит он автомобили. Впрочем в честь столь красноречивых гостей г. Ситроен произнес небольшой тост, он произнес его, разумеется, во время дессерта, с традиционным бокалом в руке:

— Я полагаю, что тем, кто призван управлять страной, кто призван поддерживать гармоническое равновесие всех ее жизненных сил небезинтересно было ознакомиться с рациональным устройством автомобильного завода...

Один из депутатов, радикал-социалист или социал-радикал вспомнил шеренги рабочих и он от страха зажмурился. Уж не предлагает ли этот Ситроен перевести всю жизнь на ленточную систему? Например он, депутат, говорит с трибуны, другой в это время вносит поправки, третий голосует, четвертый аппелирует к стране, пятый в буфете пьет липовый чай, шестой... Впрочем, может быть впечатлительный депутат зажмурился от чересчур плотного завтрака...

Отвечал г. Ситроену г. Ле Трокер, бывший министр Общественных работ и товарищ г. Ситроена по Политехнической школе.

— О, это не цепь, которая порабощает человека! Нет, это дорога к социальному совершенствованию!.. Позволь же, дорогой друг, поздравить тебя...

Речь г. Ле Трокера, как и его портрет, были тотчас же воспроизведены в «Газете Ситроена». Внизу значилось: «Новые цены! Рассрочка на 18 месяцев!»

Кто только не приходит на заводы Ситроена? Студенты из Бухареста и «содружество автомобилистов-пулеметчиков 5-го кавалерийского дивизиона», польские конькобежцы и «лига журналистов», певицы, боксеры, делегации хоровых обществ, члены дипломатического корпуса, даже карнавальные королевы. Как хозяйка светского салона, г. Ситроен не пропускает ни одной знаменитости. В Париж прилетел Линдберг. Линдберг — герой Парижа. Следовательно Линдберг должен посетить заводы Ситроена. И г. Андре Ситроен привозит в автомобиле застенчиво улыбающегося летчика. Он показывает Линдбергу: вот лента. Рабочим он показывает: вот Линдберг. Завтра об этом посещении напишут во всех газетах. В проспектах Ситроена будет указано: «Заводы Ситроена (крупным шрифтом) стали символом французской индустрии. Герой Атлантики Линдберг (тоже крупным шрифтом) передал им привет от индустрии Америки». Если до сих пор люди еще не знали, зачем именно отважный летчик перелетел через океан, теперь они наверное до-

гадаются: как же, чтобы передать привет заводам Ситроена!..

Эйфелева башня высока. Над ней только небо. Следовательно надо заняться небом. Продавцы мыла расписываются на жалких заборах. Г. Ситроен должен расписаться на голубой лазури. Он заказывает аэропланы. Скромные сотоварищи Линдберга должны теперь выписать дымом по небу имя г. Ситроена. Внизу парижане стоят задрав головы и дивятся. Они еще никогда ничего не читали на небе, кроме звездных иероглифов. Но иероглифы это для египтологов или для детей. А г. Ситроен расписывается обыкновенными латинскими буквами. Больше некуда скрыться от назойливых букв. Они внизу и наверху. Они повсюду. Они гудят. Они светятся. Они покрывают поля. Они заслоняют солнце.

С неба г. Ситроен быстро возвращается назад, на землю. Тираж «Газеты Ситроена» 15.000.000 экземпляров. Там печатаются акафисты автомобилю, беседы с автомобилем, анекдоты об автомобиле. Там пишут депутаты, поэты, даже опереточные актеры. Все они пишут, разумеется, об одном: о божественной сущности 10 сил. Их мистические размышления окружены цифрами: «Торпедо — 22.600».

Г. Ситроен жертвует юноше, который лучше всех сдаст экзамен на аттестат зрелости превосходный автомобиль. Г. Ситроен расставляет на дорогах Франции 150.000 указательных столбов со своим именем. Г. Ситроен продает 400.000 игрушечных автомобилей. Г. Ситроен принимает участие во всех выставках: в Марокко и в Перу, в Испании и в Австралии. Кост и Ле Бри перелетели через океан. Они в Монтевидео. Куда идут они прежде всего? Конечно же к представителю Ситроена. В Париж приезжают британские легионеры. Г. Ситроен тотчас же посылает им целый эскадрон машин. Агенты Ситроена интервьюируют г. Тардье и г. Декобра, г. Саша Гитри и г. Пьера Милля. Каждый день газеты переполнены сенсацион-

ными новостями: Ситроен предполагает иллюминовать Площадь Согласия, Ситроен организует новую экспедицию в Тибет, Ситроен удваивает производство. Ситроен... Ситроен... Ситроен... Внизу — Париж, внизу депутаты и писатели, внизу Лувр, внизу гробница Наполеона, внизу голубая музейная пыль. Над всем этим — Эйфелева башня. В нее влюблены поэты-сюрреалисты и ей собираются теперь выдать военную медаль. Это самая гордая из всех парижанок. Она выше Нотр-Дам и знаменитой расиновской Федры. На ней пылают семь роковых букв: «С-И-Т-Р-О-Е-Н». Спешите же, пока не поздно!..

Г. Ситроен любит ошеломлять цифрами. Цифры всегда таинственны и патетичны. Он настаивает: наши заводы занимают 70 гектаров. В наших машинах 46.000 лошадиных сил. По 31 декабря 1927 г. нами выпущено 319.074 автомобиля. Мы способны теперь выпускать 1000 машин в день.

Г. Ситроен о многом рассказывает, о многом, но не обо всем. В своих проспектах он, например, не говорит о том, что чистый доход заводов Ситроен за первые шесть месяцев 1928 г. равняется 106.000.000 франков. Покупателю автомобиля это неинтересно. Это интересно только держателям акций. Об этом пишут в финансовых отделах солидных газет. Но есть цифры, которые не интересуют ни автомобилистов, ни биржевиков, хоть они столь же таинственны и патетичны, как справка о гектарах площади. На одном из заводов Ситроена, а именно в Сан-Уэн, за 9 месяцев было зарегистрировано 1200 несчастных случаев.

В Сан-Уэн штамповальные мастерские. Там гордость г. Ситроена — гигантские прессы. Кроме прессов там — рабочие и секундная стрелка. Вот отчет за один месяц:

7-го сентября у рабочего оторван палец. 10-го у женщины — три пальца, у рабочего — рука, у другой женщины — три пальцы. 11-го — два пальца под прессом, рука отхвачена ленточной пилой. 26-го — один палец под прессом. 5-го октября — два пальца. 6-го крупный день: у одного рабочего — три пальца, у другого — четыре пальца, у третьего — рука.

К цифрам проспектов можно прибавить новую: на одном из заводов Ситроена в течение одного месяца — 33 оторванных пальца. 12.000 автомобилей, 18.000.000 чистого дохода. 33 пальца.

Г. Ситроен бесспорно заботится о своих рабочих. Его мастерские куда чище и светлее других. Но автомобиль должен стоить дешево. Г. Ситроен дорого платит за американские машины. А людей он сегодня берет, завтра отсылает: бретонцев, провансальцев, арабов, русских, женщин, подростков. Грохочат гигантские прессы и летят, летят хлопья человеческого мяса.

Секундная стрелка это скорая стрелка. Рабочий к вечеру мало что понимает. В его голове гуд и зиянье. 800 раз он опускал и подымал руку с точностью пресса. На этот раз рука замешкалась — кровь марает замечательный пресс. Уж не слушаются руки, они путаются и дрожат — пила проходит по кисти. Это очень просто и против этого ничего нельзя возразить. Автомобили ведь нужны всем. 33 пальца — не варварство и не легкомыслие, это только дешевые тарифы и это высокая миссия, возложенная своенравной судьбой на обыкновенного человека, которого зовут «Андре Ситроен».

5.

Прежде иностранцы и провинциалы, приезжая в Париж, спешили к химерам Нотр-Дам или к Джиоконде. Теперь первым делом они осматривают заво-

ды Ситроена. Вчера любознательная миссис Доран была в Лувре, завтра она едет в Версаль. А сегодня? Сегодня — к Ситроену. Парижане тоже приходят посмотреть, как ловко этот молодчина Ситроен изготовляет свои 10 сил. Один из них только мечтают о собственной машине; почтительно смотрят они на любой болт. Другие, напротив, фамильярно оглядывают огромные печи; им кажется, что они у себя дома; ведь, помилуйте, у каждого из них свой «Ситроен», и каждый в воскресенье спешит за город подышать пылью и бензином.

Вот идут они гуськом: снобы в спортивных каскетках, солидные рентьеры с ленточками «почетного легиона», гипсовые красавицы, англичанки, тетушки из Оверни и десять или двадцать анонимных котелков. В литейной, где брызжет рыжий как солнце металл, где покрытые маслом и угольной пудрой рабочие сгибаются, разгибаются и снова сгибаются, один из котелков предупредительно говорит своей половине:

— Мамочка, сними горжетку, не то ты простудишься!..

В руках посетителей специальный бедекер: «дощечка номер 7. Обратить особое внимание на 4 котла «Стерлинг». 16.000 кило пара». Впереди человек с эмблемой Ситроена в петлице. Это гид. Он поясняет:

— Обработка металла песком и сгущенным воздухом с помощью автоматического пескоструя. Этим достигается чистота тона.

Один из обладателей «Ситроена» улыбается: да, да, чистота тона! В общем этот Ситроен умница и он притом настоящий француз. Он понимает, что автомобиль должен быть не только прочен, но и красив.

— Обратите внимание... Интересное нововведение... Наша химическая лаборатория... Только, пожалуйста, не приближайтесь!..

Предупреждение излишне: тетушки давно убежали прочь. Только миссис с любопытством расправляет

лорнетку. Она все видала: факиров, апашей, кенгуру. Она не боится никакой опасности.

Перед ней человек в маске водолаза. Резиновая трубочка с воздухом. Он окружен ядовитыми испарениями. Он работает. Он работает, как и все здесь, залпом, боясь упустить секунду. Но вот его сменили. Десять минут отдыха. Он снимает маску. Он сосредоточенно дышет. Обыкновенный воздух для него лакомство. Он очень бледен. Лицо мокрое. Мокрые ладони. В его дыхание входит легкий присвист. Потом он кашляет, выпивает глоток молока и снова надевает маску. Миссис удовлетворена:

— Очень интересно! Это вроде «Собачьей Пещеры» возле Капри.

Счастливый обладатель продолжает восторгаться:

— Подумайте — чистота тона!..

Вокруг сухопутного водолаза смертельное облачко. Он не думает ни о Капри, ни о чистоте тона, ни о своей скорой смерти. Он просто работает.

— Нам предстоит еще многое осмотреть. Не стоит здесь больше задерживаться...

Стрелки. Надписи. Перечень достопримечательностей. С трудом удается гиду перекричать рев машин:

— Самый мощный пресс в Европе, типа «Толедо». 1400 тонн. Приводится в движение двумя электрическими моторами: один в 100 лошадиных сил, другой...

Сноб вздыхает:

— Вот вам новая эстетика! Идеи Корбюзье-Сонье... Разве можно после этого всерьез говорить о человеке?.. Посмотрите только на его зубы! Как они впиваются в сталь! Это прекрасней всякой картины!..

Огромный пест опускается на матрицу. Посетители почтительно ахают.

— Вы слыхали — он весит 150 тонн! А какая абсолютная точность!

— Это вам не рука рабочего. Он не ошибется ни на миллиметр.

Вдруг происходит некоторое замешательство. Мастер кричит. Подбегают рабочие. Они оставили свои машины. Через две-три минуты все приходит в порядок. Только одного из рабочих куда-то быстро уводят. Он идет, зажмурив глаза и спотыкаясь. Он потерял шапку.

Котелок спрашивает:

— Что же случилось?

С рабочими разговаривать не полагается. Но котелок так взволнован непорядком, что забыл даже о разумной дисциплине. А рабочий уж бежит к своей машине. Находу он отвечает:

— Два пальца... Такой уж пресс...

Молоденькая провинциалка растеряна. Чего доброго она сейчас заплачет. Муж ее утешает:

— Это еще неизвестно... Его могут и вылечить. У Ситроена наверное замечательная клиника.

Женщина шепчет:

— Хорошо еще, что я не видела крови...

А миссис не смущена. Миссис все видела: бой быков и глотателя шпаг. Она только спрашивает гида:

— На какой руке?

Гид не отвечает. Гид думает как бы загладить все. Он лопочет:

— Это не наша вина!.. Мы тратим в год 7.000.000 на страхование. Но они никак не хотят считаться с машиной!

Экскурсанты, однако, его не слушают. Они уже увлечены другим.

— В двадцать пять минут собирают мотор. А сколько здесь частей!..

Сноб усмехается:

— Да, это несколько посложней человека!

Вот и последние ворота. Гид раздает литературу. Не забывайте, мы продаем в рассрочку! Кабриолет-люкс. Часы. Километрический счетчик. Показатель

скоростей. Показатель уровня бензина. Показатель давления масла. Амперометр. Нитро-целулоидовая окраска. Тройной ковер. Стекла подымаются с помощью рукоятки. И всего 27.600 франков. При заказе 2.500. Ввиду близких каникул следует торопиться...

Один из котелков мечтательно улыбнулся. Этот наверное купит. Если не кабриолет, то торпедо. Он теперь побывал на кухне. Он все видел. Какая точность и тщательность! За такую машину, действительно, нечего опасаться. А чистота тона!..

Ползет с визгом железная цепь. Пылают печи. Течет железо. Вокруг водолазов нежные облака. Пресс типа «Толедо» работает. Пест опускается на металл. 25.000 человеческих сил и 46.000 лошадиных выполняют свое божественное назначение.

6.

На зеленом сукне жетоны то скапливаются в одну горсточку, то растекаются. Часы прилива сменяет отлив. Сколько рабочих на заводе Ситроена? Недавно было их 25.000, теперь 18.000, завтра говорят будет 30.000. Это зависит от неведомого покупателя.

Ситроен платит на несколько су больше, нежели другие заводы. Стоит только ему повесить дошечку: «здесь нанимают», как от рабочих отбоя нет. Миновала горячая пора, Ситроен рассчитывает. Впрок он не работает. Автомобили ведь не акции, они должны дешеветь.

К Ситроену берут всех. Ситроен требует одного: молодости. 47? Не подходит. В 47 лет человек это старая шина. Он слишком близок к концу, чтобы жить по секундной стрелке. Ему хочется сесть и спокойно подумать: как же все это так вышло?.. Г. Андре Ситроен хорошо знает, что такое года и усталость.

Он предпочитает молодых. Заводы Ситроена это вечная молодость, это Америка, это весна.

Восемь лет Андре Видаль прикреплял шатуны к поршням. Он знал, что шатуны делают в Клиши — там работал племянник Видаля. А зачем эти шатуны существуют, он не знал, и он никогда не слыхал о прямолинейно-возвратном движении. Это знали инженеры. А Видаль прикреплял шатуны. Он получал в час 5 франков 50 сантимов. По дорогам всего мира неслись тысячи автомобилей. В них, во всех были, разумеется, шатуны и эти шатуны были прикреплены руками Андре Видаля. Но на девятый год Видаль не угодил новому мастеру. Глазами? Голосом? Или тем, как кашлял? Кто знает — человеческие чувства темны, даже на заводах Ситроена, где все точно и ясно.

Видалю было 44 года. При ближайшем сокращении его уволили. Шатуны стал прикреплять молоденький итальянец. Видаль сначала выругался. Он покрыл всех: мастера, Италию и даже г. Ситроена. Потом он пошел домой. Он шел и он думал, что ему теперь делать? Он попробовал было наняться на угольный склад. Через день его прогнали. Он работал у Ситроена восемь лет. Он ничему не научился. Он только разучился таскать на спине кули. Он отдал свою силу каким-то таинственным шатунам, и десятки тысяч автомобилей неслись во весь дух.

А Видаль шатался возле Центральных Рынков. Он помогал разгружать возы и подбирал мерзлую репу. Потом он шел на Елисейские Поля. Там он останавливался возле прекрасных автомобилей. Когда владельцы выходили из магазина или из кафе, Видаль открывал дверцу и снимал шапку. Автомобиль с поршнем и шатуном уносился прочь. Иногда Видалю давали несколько су. Тогда он мокал хлеб в красное вино и блаженно подсапывал. Осенью он простудился и умер в госпитале Отель-Дье. Его похоронили на городской счет. Пять лет он будет спокойно лежать

на кладбище Иври. На шестой год его кости, еще не совсем опрятные выроют и на его место положат другого: литейщика или штамповщика.

Теперь весна и даже на кладбище нищих нежен, дивен зеленый покров земли. Теперь весна — свежий воздух подымается в цене как акции. Покупатели останавливаются возле витрины. Они смотрят на автомобили. Ситроен вывесил заветную дощечку. Возле ворот — толпа: это люди мечтают о царстве вечной молодости. Место Видаля возле ленты освободилось. Через пять лет освободится и его место на кладбище Иври.

7.

Вот уже налажен кузов. Вот уже разостлан коврик и повешена пепельница. Лента все движется. Человек подымает насос с бензином. В ответ раздается громкое дыхание. Автомобиль родился. За сегодняшний день это 317-ый. Открываются ворота: он выбегает в просторный гараж. Там уже ждет его заказчик. Через 6 минут выбежит новый автомобиль. Это точно и непреложно.

Имена заказчиков проставлены на огромной доске рядом с пятизначными числами: г. Ситроен понимает пафос арифметики. Вы 68917? Это — ваша машина.

Встреча человека со своим новым повелителем донельзя суха и лаконична. Это — проверка номеров. Вот агент бюро похоронных процессий. Он забьет всех конкурентов и тогда то он женится. Раньше всех примчится он в дом покойника. Он женится и он будет счастлив. Вот молодожены. Они устраивают свою жизнь: она забеременела, он заказал автомобиль. Вот ловелас, мечтающий о пригородных приключениях: беседка, модистка и бесплатная любовь среди пропыленной сирени. Вот солидный владелец аптекарского магазина. Вот начинающий адвокат.

Все они почтительно смотрят на автомобили, сверкающие, как хирургическая палата. Перед ними километры, доходы, похождения, перед ними новая жизнь.

Каждые шесть минут раскрываются ворота и очередной номер с черной доски мечтательно вздрагивает. Там, откуда выбегают эти блестящие автомобили — грохот прессов и лента. Покупатели расписываются. На вид они вполне спокойны, как будто покупают они открытки или апельсины. Только росчерк порой выдает волнение. Вот все, о чем они так долго мечтали: десятисильное счастье в рассрочку! В их прищуренных глазах томление. Сейчас они дотронутся до руля. Они потеряются среди десятков тысяч других машин, уже запыленных и обветренных.

Они никогда не поймут, что именно они получили. Спесиво будут они показывать своим друзьям замечательную обновку. Они забудут об этих минутах, а случайно вспомнив, усмехнутся: дрожь новичка!.. Завтра они перестанут вовсе думать. Но сейчас, в этом огромном сарае, заполненном железным рокотом, они уныло оглядываются по сторонам. Они как бы ищут защиты у живого человека. Но людей здесь нет. На доске — номера. За воротами — лента. Они должны покориться. Дрожат моторы и нет здесь места простой человеческой дрожи.

8.

Приходят из деревни рабочие и умирают, льется умиротворяющее масло на замечательные прессы, по дорогам Европы, по этим древним тропам крестоносцев и шарлатанов, несутся машины. Г. Андре Ситроен — только маленький шатун или поршень. Его имя горит на Эйфелевой башне и оно в миллионах голов. Но он не богат, как Форд, не славен, как Линдберг, он и не всесилен, как директоры банка «Братья Лазар и Ко». Свою жизнь он положит за высокую идею:

он даст Европе скорость, как Будда дал Азии покой. Но на площадях Парижа никогда не поставят памятника г. Ситроену. Никто о нем не напишет прочувственных стихов. Он должен довольствоваться статистикой заказов.

Г. Ситроен — живой человек. У него усы и страсти. Американские прессы кромсают рабочих. Автомобили — 10 сил давят бессильных пешеходов. Машина не мирится ни с усами, ни с чувствами.

В жаркий августовский день, когда зной плавил тела литейщиков, когда автомобили туристов, сбившись в кучу, как овцы, мяли друг друга, отчаянно блеяли и сходили с ума, в этот томительнейший день капитал «анонимного общества Андре Ситроен» сразу возрос со 100.000.000 до 300.000.000. Акции Ситроена начали котироваться на бирже. Они стали бредом, пляской цифр на черных досках, молитвой игроков, полдневным воем маклерской своры, который выливается на улицы Парижа, сливаясь с сиренами ситроеновских автомобилей. В этот день г. Андре Ситроен, самодержец Клиши, Сан-Уэна, Жавель, Гуттенберга, Сюренн, Гренель и Левалуа исчез. Это не было ни оплошностью пресса типа «Толедо», ни автомобильной катастрофой. Это было сложной финансовой операцией. Г. Андре Ситроена разобрали и собрали заново. Он стал «председателем административного совета». Биржевые газеты соблазняли клиентов «расширением финансовой базы» и «благодетельным контролем одного из самых могущественных банков».

Товарищем председателя административного совета выбран был г. Филипп, представитель банка «Братья Лазар и Ко». Конечно, г. Филипп только товарищ председателя. Но за спиной этого Филиппа крохотная дощечка «Братья Лазар и Ко». Велик и вездесущ банк «братьев Лазар»! Кто в Сити не знает «Лазар Братерс»? Банк Лазар связан с «Индо-Китайским Банком», во главе которого стоит г. Октав

Гомберг, король каучука. Он связан и с «Рояль-Детчем» — ему хорошо известны различные запахи: запах нефти и запах канастера от трубки сэра Генри Детердинга. Для Пьера Шардена г. Андре Ситроен это господь-бог. Для банка «Братья Лазар и Ко» он только управляющий одним из многочисленных предприятий.

Г. Ситроен расширил дело, но ему пришлось сузить себя. Он узнал то высокое самоограничение, которое предписывает Гете подлинным творцам. Он теперь — председатель административного совета.

Автомобиль 10 сил выдерживает 100.000 километров. Рабочий хорош до 40 лет. Г. Андре Ситроен неутомим. Французский рынок почти насыщен. Что же, г. Ситроен отодвигает карту Франции, милой Франции, где 5000 агентов и 150.000 указательных стлобов. Он берет карту Европы. Он весь обвит таможенными тарифами и дипломатической паутиной. Разумеется, он сторонник Паневропы. Ах, он так ненавидит эти пошлые границы! Пестрота карты оскорбляет его глаз. Он восклицает:

— У американцев рынок в 100.000.000 душ. Здесь в Европе через каждые двести или триста километров — китайская стена. Национальной индустрии грозит опасность. Она может задохнуться...

Национальная индустрия это прежде всего он сам. И г. Ситроен тяжело дышит. Он любит свежий воздух и крупные рынки. Но покорить Европу не в его власти. Он должен прибегать к военным уловкам, к разведке, к камуфляжу, к сапе. Он строит сборочные мастерские в Лондоне и в Кельне, в Милане и в Брюсселе. Осторожно пробирается он в Голландию и в Португалию, в Испанию и в Данию. Он укрепляется во французских колониях. Он ведет переговоры с

польским правительством о постройке большого завода. Он устраивает новую экспедицию своих «гусениц». На этот раз он мечтает о Средней Азии. Ведь он отнюдь не враг Советского Союза. Он даже начинает проповедывать. Он читает лекции. Он выступает на конгрессах. Повсюду он говорит об одном: «нам необходимы новые рынки!...» Он мечется среди департаментов дорогого отечества, где, что ни шаг, то столб и агент, как мечутся хищники в зоологических садах Лейпцига или Рима, без клеток, с иллюзией свободы: прыгай, если хочешь, но между тобой и миром ров достаточно широкий и достаточно глубокий, между тобой и миром — смерть.

Министры всех европейских государств, будь то фашисты или социалисты, говорят с американскими банкирами так, как говорили с Золотой Ордой суздальские князья. При этих беседах они отнюдь не вспоминают о тысячелетней культуре: о Рафаэле, о дворцах Версаля или о «Фаусте». Они ведь хорошо знают, что «Фауст» приносит куда меньше, нежели фильмы Гарольд-Лойда, что версальские дворцы лишены современного комфорта и что мистеру Моргану ничего не стоит закупить всех Рафаэлей.

Г. Андре Ситроен умеет чтить святыни. Наверное в особо торжественные минуты он смотрит на запад, хоть там и нет никаких рынков, хоть там только вода, а за водою Форд. Он смотрит на запад, как смотрят на восток набожные евреи, совершая молитву. Сион г. Ситроена это Детройт, где один автомобиль на два с третью человека.

В Детройте сидит старик Форд. Его не могут пронять богомольные взоры г. Ситроена. Перед Фордом карта. Эта карта куда больше той, что волнует г. Ситроена. На карте Форда два полушария. Форд

ведь тоже ищет новых рынков, и Европа для него то, что для г. Ситроена Португалия. Он должен ее завоевать. Он измеряет емкость новых колоний: в Англию 200.000 автомобилей, в Германию 100.000, в Россию 100.000.

Г. Андре Ситроен понижает расценки. Лента движется все быстрее. Жан Лебак, тот, что изготовляет шарниры, скоро или умрет, или сойдет с ума. Г. Ситроен еще пробует отшучиваться: он, видите ли, рационализирует, следовательно, он ситроенизирует. Сложный глагол! Действие еще сложнее. Он делает все, что может. Но Форд все таки впереди, его машины стоят вдвое дешевле. Во Франции г. Ситроена защищает та самая китайская стена, которую он ежечасно проклинает, Но как ему тягаться с Фордом в Голландии или в Швейцарии?

На каравеллы Колумба Америка теперь отвечает тысячетонными пароходами. В их трюмах автомобили. Форд тщится проникнуть даже в заветные департаменты г. Ситроена, где 5000 агентов и 150.000 столбов. Он уже спустил во Франции цену до 25.700. Это в точности цена Ситроена. Но Форд не успокаивается. Он хочет пробить китайскую стену. Он строит во Франции заводы. Он выпустил новые акции. Эти акции распространяет банк «Устрик», тот самый, что поддерживает заводы Пежо, так же как банк Лазар поддерживает заводы Ситроена.

Г. Андре Ситроен окружен врагами. Пежо наверное сговорился с Фордом! Пежо изготовляет либо маленькие машины в 5 сил, либо дорогие многосильные лимузины. Средних автомобилей он вовсе не изготовляет. Поход Форда ему не страшен. Форд не на него идет. Форд идет на Ситроена.

Но Форд не вся Америка. У всемогущего Форда тоже враги. Они тут, под боком, в Детройте. Это автомобильный трест «Дженераль Моторс». Как и Форд, трест хочет перейти океан. Только «Дженераль Моторс» выбрал другую дорогу. Он не собира-

ется строить в Европе свои заводы. Он шлет в Старый Свет не инженеров, но дипломатов и дельцов. Он расчищает путь долларами: во главе «Дженераль Моторс» стоит мистер Пьерпонт Морган. Трест уже наладил соглашение с немецкими заводами Оппеля. Трест хочет сразить Форда. Франция — превосходный рынок и «Дженераль Моторс» понижает во Франции цены на «Шевроле».

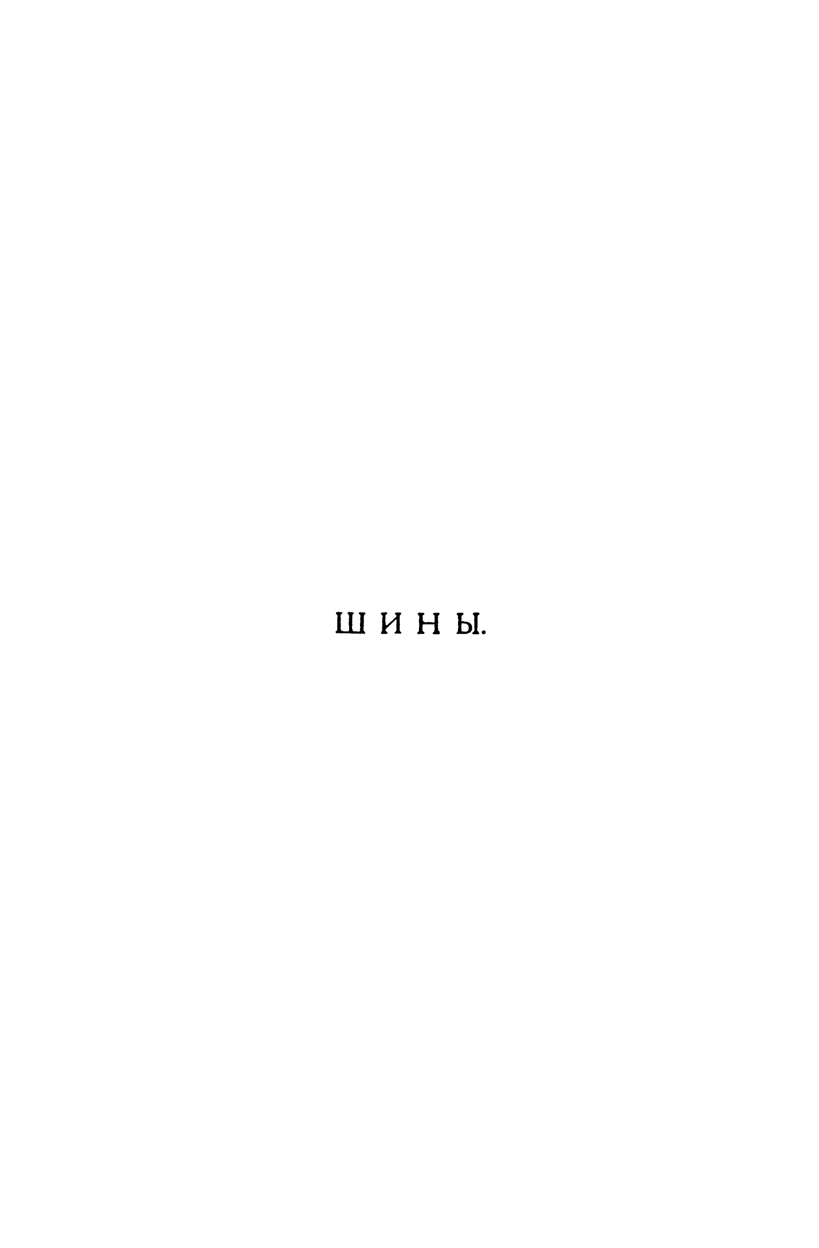
Г. Ситроен наблюдает. Г. Ситроен взвешивает. Он уж узнал однажды, что такое банк «Братья Лазар и Ко». Ему предстоят новые испытания. Он может себя утешать одним: он не одинок. Мистер Морган знает цену всему: конституциям, независимости, гордости, химии, «Лиге Наций» и тысячелетней культуре. Мистер Морган может не только сменить министров, он может перечертить карту Европы. Соглашение «Дженераль Моторс» с «Анонимным обществом Андре Ситроен» для него деталь рабочего дня, одна строчка настольного блок-нота. Для г. Андре Ситроена это жестокий искус. Оказывается, что американские прессы умеют кромсать не только пальцы рабочих: они хорошо штампуют железо, они хорошо штампуют и человеческую жизнь. Из Нью-Иорка не видно огненных букв на Эйфелевой башне: там много своих башень и своих огней.

Когда Жану Лебаку из литейной сбавили 1 франк 20 сантимов на 100 шарниров, он вздохнул, выругался, но он продолжал работать. Он знал, что лента не останавливается. Г. Ситроен продолжает изготовлять автомобили. Он уже не в силах ни передумать, ни передохнуть. Он отдал все, чтобы дать людям дешевое счастье. У него не осталось даже собственного имени. Его имя превратилось в ходкую марку. Оно принадлежит теперь не только ему, но и всем акционерам «анонимного общества». Он сам пустил эту ленту. Теперь он к ней прикован. Завтра будет отстроен завод Форда. Завтра придется снова понижать тарифы. Еще скорее закружится лента. Это

значит столько то смертей. Это значит увечья, отчаянье, безумие тридцати тысяч. Это значит унылый пот г. Ситроена. Он больше не игрок. Он только карта. А у зеленого сукна — заатлантические понтеры: мистер Морган и мистер Форд.

Г. Андре Ситроен работает. В Персию! В Болгарию! В Сахару! На полюс! Новых агентов! Новые столбы! Это уж не азарт. Это рок. Скорее!.. Ведь автомобили должны стоить дешево.

ШИНЫ.

1.

В лесах Бразилии много деревьев. Их имена известны только ботаникам. Одно дерево называется, например, «гевея». Это рослое ветвистое дерево с корой светлосерой и пятнистой, обыкновенное дерево. Оно могло бы остаться в лесах Бразилии среди других деревьев. Ведь в Бразилии люди живут как лес —медленно, мудро и тупо. Но на севере, в Нью-Иорке люди торопятся жить. Они наверно боятся умереть слишком поздно. В Париже, Лондоне, в Берлине повсюду люди спешат. Там нет ветвистых деревьев. Зато там много автомобилей. С каждым днем их все больше и больше.

Скромное дерево с пятнистой корой оставило дикие леса. В него сразу влюбились англичане, голландцы, французы. О нем теперь мечтает каждый толковый янки. Оно стало огромными плантациями. За его судьбу тревожатся все банки мира. О нем говорят в дипломатических нотах. Подсчитывая аэропланы или оценивая боевоспособность нового дредноута, министры думают все о том же пятнистом дереве. Впрочем они и не знают, что это дерево пятнистое. Они никогда его не видали. Они спешат жить и им нужны автомобили.

На Яве и на Цейлоне, в Малайке и в Индокитае, в тихие вечера, среди лихорадки и горя, среди центов и пиастров, среди желтых слез и желтых долларов тихо шумят стройные рощи. Они шумят нежно и мно-

гозначительно, как акции «Ребер Ассосиешен». Белым людям они приносят дивиденды, желтым людям смерть. Они шумят потому, что под ними жадность и нищета: они шумят вечером потому, что каждое утро голые кули кривыми ножами надрезают нежно-серую кору и бередят старые раны. Кули и деревья понимают друг друга: они равно истекают кровью. Но кровь кули ничего не стоит и о ней никто не говорит, а белая, как молоко, кровь ветвистого дерева воистинну драгоценна. Она котируется на всех биржах. Она сводит людей с ума. Ради нее они готовы тотчас же пролить тонны человеческой крови. Деревья знают это и они сострадательно шумят. Раны на их коре никогда не заживают.

У мистера Девиса 1000 гектаров плантаций. У мистера Девиса 350.000 деревьев. У мистера Девиса 1000 кулей. Один кули на 350 деревьев. Молочная кровь течет в чашки. Каждое дерево дает в год два кило. Мистер Девис собирает в год 700.000 кило каучука. У него прелестный коттедж. У него три лимузина. У него площадка для тениса. У него ручной питон и пухлое руководство для приготовления коктайлей. Питон ловит крыс, как самая обыкновенная кошка, а мистер Девис в свободные часы изготовляет новые, таинственные коктайли: «Южный полюс» или «королева Александра». Мистеру Девису скучно. У него тропическая лихорадка. Ему не с кем играть в тенис.

Вот уж четырнадцать лет, как он в Пенгаме. Когда он уехал из Лондона, там еще никто не пил коктайлей. Он был тогда молод и мечтателен. Он глядел на море и ему казалось, что глаза Анни удивительно похожи на воду Индийского океана. Анни тогда была тоже молодой. Однажды он поцеловал ее русый

локон. Теперь Анни срезала волосы, седые волосы. Впрочем он забыл, как выглядит Анни. Два раза в год она пишет ему длинные письма. Она пишет о пьесах Бернара Шоу и о концертах Стравинского. Она пишет о бурном Лондоне и о своей неудачливой жизни. Она спрашивает мистера Девиса, не собирается ли он вернуться в Англию. Получив письмо, мистер Девис долго шагает длинными шагами по длинным коридорам пустого дома. Он отвечает: «Мой добрый друг! Вы меня бы не узнали. Я опустился и огрубел. Здесь нет порядочного общества. Я даже перестал читать газеты. Возьму «Таймс», чтобы справиться о ценах на каучук и брошу. Что мне теперь театры или концерты?.. Я — животное вроде моих кули. Иногда мы собираемся, несколько плантаторов, но даже покер не выходит: слишком сложно. Джемсон снова показывает фокусы, Ричард повторяет старые, надоевшие анекдоты, а я, чтобы хоть немного развлечься, приготовляю коктайли. Потом разговор переходит обязательно на одну и ту же тему:

— Вы как надрезаете? Я спиралью и через день.

— Ну и неправильно! Я углом вниз и ежедневно.

— Посмотрим, сколько они выдержат ваши деревья!..

— Это вы начали на шестой год, как туземец!..

И так далее. Следовательно — ссора. Потом примирение. Милая, добрая Анни, узнали бы вы в косолапом плантаторе вашего Петера? Нет, слово даю, что нет! А годы идут... Четырнадцать лет — страшно подумать. Я должен был бы съездить хоть на один год в Англию. Но что же станет с плантациями? Все мои помощники ротозеи и невежды. Деревья вещь деликатная. Их надо беречь. Я вот както пролежал в жару две недели — загубили целый гектар. А о том, чтобы надолго отлучиться, и мечтать не смею. Недавно только насадил 300 новых гектаров. Корчевать и распахивать было, ох, как трудно! Человек пятьдесят погибло на этом. Теперь

надо следить в оба. Через семь-восемь лет мои детки вырастут. Значит в 1933 году я совсем поглупею: 10.000 новых деревьев! Нет, Анни, видно меня здесь похоронят! Друзья выпьют и начнут спорить, хорошо ли я надрезал. Только вот вы вздохнете...»

Закончив письмо, мистер Девис не изготовляет новых коктайлей. Залпом выпивает он большой стакан виски, и хриплый от уныния, кричит смуглой, пугливой как лист гевеи двенадцатилетней малайке: «сюда»! Он зовет ее «Анни» и он бьет ее, нежно бьет и злобно. Потом он ложится с ней. Потом засыпает. Во сне он видит деревья, которые истекают белой кровью.

Мистер Девис отнюдь не алчен. Он купил рояль; на нем никто не играет. Он купил жемчуг и он послал его Анни. Анни спрятала жемчуг в комод, под белье, рядом со срезанными косами: у Анни теперь муж. Мистеру Девису ненужны деньги. Но ревниво следит он за ценами на каучук. Он кричит:

— Ни цента меньше!

Он платит кули 40 центов в день. Один коктайль обходится ему куда дороже. Он кричит:

— Ни цента больше!

Он ест без аппетита — жарко, ох, жарко! И все малайки, все индуски, все китаянки ему не по вкусу. Они пахнут гнилыми бананами, сыростью, папортником. А порядочная женщина должна пахнуть бельем и глицериновым мылом: так пахла Анни. Он глотает горький хинин. Он умрет в Пенгаме. Его держат ветвистые деревья, из которых струятся доллары. Он бьет хлыстом боя и нежно гладит он светлосерую кору. Он покупает все новые и новые участки. Он нанимает новых кули. Он боится поглядеть в зеркало: владелец тысячи гектаров заведомо мертв. Он мертв, как мертвы его кули. Он мертв, как мертвы изрезанные вдоль и поперек деревья. Но каучук стоит в Ливерпуле 4 шиллинга 5 пенсов, и люди на свете торопятся жить. Мертвый мистер Девис приготовля-

ет коктайли. Питон, объевшись крысами, уснул, уснул на много дней, уснул навсегда.

Кули приходят из Индии и из Китая. Их привозят также с Зондских островов. Сотни тысяч кули сгибаются под ветвистыми деревьями. В Малайке их бьет мистер Девис, на Яве голландец Ван Kpoor, в Индо-Китае уроженец Каркассоны, сын парфюмера и поклонник Ростана, г. Гастон Вальтасар.

Белые ругаются на разных языках, но у всех в руке палка. Что делать — кули ленивы и непонятны, сильнее долларов любят они опиум и сон. Белые защищают культуру, ту, что Эллада и Рим. Они защищают также каучук. Спины кули изрубцованы, как кора гевеи. Если они умирают, на их место привозят новых. Вербуют служащие, вербуют полицейские, вербует голод.

Когда ветвистому дереву исполняется семь лет, его начинают надрезать. Когда маленькому индусу исполняется семь лет, его берут на плантации. Он вырабатывает в день 10 центов. На это можно купить несколько горсточек риса — сколько же нужно крохотному индусу?.. У него еще слабые ноги и он не поспевает за другими. Ему хочется поймать ящерицу или перевернуть жука. Тогда надсмотрщик, грозный «кангани» проводит по смуглой спине красную черточку.

Мистеру Девису докладывают:

— Человек убежал. Человека поймали.

Кули не смеет бросить работу. В конторе Девиса листы и печати: это контракты. Он заплатил за проезд кули. Он стал их господином на пять лет. Перед ним дезертир. Он говорит надсмотрщику:

— Спроси его, что он хочет: тюрьму или урок?

Мистер Девис не знает тамильского языка. Переводит кангани.

— Он умоляет мистера не отдавать его полиции.

Дезертир лежит на земле. Он прилип к земле, только его глаза, огромные и влажные, как вся ночь Индии, жадно следят за крючковатыми пальцами мистера Девиса.

— Он умоляет мистера, чтобы мистер поучил его сам.

Гевею следует надрезать осторожно дабы не повредить ствола. Одни надрезают спиралью, другие зигзагом. Со спиной кули куда меньше хлопот. Мистер Девис считает:

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

Кули тих, как земля. Куда хотел он уйти? На родину, к голодной семье? Или просто в лес, навстречу смерти? Он хотел уйти от ветвистых деревьев. Безумец! От них не может уйти даже всесильный мистер Девис.

— Двадцать четыре, двадцать пять...

Кули больше никуда не уйдет.

В Сингапуре помещаются правления каучуковых компаний. Специалисты составляют таблицу: минимальный оклад служащего на плантациях 200 сингапурских долларов — это должно хватить одинокому человеку на скромную жизнь. Служащие компании, подписывая договор, обязуются столько-то лет не жениться. Малайки или китаянки стоят дешево.

Новичек проклинает небо Азии и скупость дирекции. Это белобрысый долговязый юноша. У него нет ни денег, ни удачи. Но у него все же белая кожа. Он получает 200 долларов в месяц. Кули работает с пяти утра. Сначала он надрезает деревья, потом собирает сок. Кули вырабатывает в месяц 10 долла-

ров. Он может при этом жениться. У него может быть хоть дюжина детей. Это его, туземное дело. Европейцы принесли ему счастье: контракт с крестиком вместо подписи, 10 долларов в месяц и добродушную проповедь обыкновенной палки.

Новичек проклинает каучук и дороговизну: извольте прожить здесь на 200 долларов! Он сегодня в дурном настроении.

— Кто это так надрезал?.. Кангани, кто здесь работает? Вычесть 10 центов. Проклятая страна!

Новичек вспоминает огни Пикадилли. Зачем он сюда приехал? Он, кажется, попался. Клейкие листья. Клейкий сок. Клейкое золото. Он не выберется отсюда, вот как этот кули. Он только сменит мистера Девиса, когда тот взаправду умрет.

В Индо-Китае тоже сочатся ветвистые деревья и спины кули. Франция, как известно, не бессердечная Англия, Франция издавна защитница всех угнетенных и когда на Францию напали враги, маленьких аннамитов повезли в Марсель: защищать защитницу угнетенных.

Во Франции, в городе Клермон-Феран у г. Мишлена превосходный завод. Там из молочной крови изготовляют прочные шины. Г. Мишлен любит Тайлора и рационализацию. Он любит Америку. Еще сильнее он любит Индо-Китай.

Г. Мишлен не одинок. Г. Октав Гомберг тоже любит Индо-Китай. Г. Гомберг — писатель. Он написал несколько книг о колониальном величии Франции. Кроме того он глава «Каучуковой Компании Индо-Китая», Он зарабатывает деньги в колониях. Проживать их он хочет во Франции. Это не мистер Девис с его питоном. Это француз и отменный патриот. Он оплот 18 акционерных обществ Сайгона: каучук,

сахар, хлопок, фосфат. Но он мечтает стать депутатом Ривьеры, где главная промышленность — зеленое сукно рулетки. Пусть кули собирают драгоценный сок! Что может сравниться с небом Франции? Так думает г. Гомберг. Так думают и держатели акций «Каучуковой Компании Индо-Китая».

А кули? Кули не думают. Кули умирают как святые — без обременительных мыслей. Они умирают молча и дружно. На плантациях Фу-Риег, принадлежащих г. Мишлену и Ко., за один год вымерла треть рабочих. На плантациях Бодой из тысячи кули к концу года осталось 536 душ — остальные умерли.

Если же кули не умеет просто умереть, великодушные колонизаторы приходят к нему на помощь. Для утешения туземцев существует: «Р. О.» и «Р. А.» — винная монополия и монополия опиума. Генерал-губернатор Индо-Китая разослал недавно своим подчиненным циркуляр: «Я позволяю себе препроводить вам список казенных лавок, которые надлежит открыть в поселках, еще вовсе лишенных и алкоголя, и опиума...»

Этот губернатор известен во Франции, как тонкий ценитель искусств. У него превосходная коллекция современной живописи. Может быть, в его библиотеке хранится первое издание «Искусственного Рая». Но губернатор не только эстет, он также государственный деятель. Он знает, например, что такое бюджет. За опиум кули отдаст последний пиастр. Во Францию на радость г. Мишлену и г. Гомбергу спешат пароходы, груженные белыми пластами каучука. Кули потрудились. Они потрудились притом бескорыстно: полученные ими деньги давно у сидельцев «Р. О.» или «Р. А.».

Зато кули умирают с улыбкой. Умирая они видят сны трогательные, как ландшафты Анри Руссо, сны способные умилить до слез господина генерал-губернатора.

В Сингапуре волнение. В Ливерпуле волнение. Мистер Девис забыл о своих коктайлях. Кули теперь не убегают — кангани сами гонят их прочь. Они могут умирать, где им вздумается. Раны на гевеях рубцуются, заживают. Еще месяц другой и гевеи станут самыми обыкновенными деревьями. Но что будет делать мистер Девис? Не ехать же к этой сантиментальной Анни! Притом у нее ревнивый муж...

Держатели каучуковых акций осаждают банки. В Лондоне на узкой улице Минчинг-Лайн каучуковые маклера стоят и вздыхают, точь в точь как евреи возле иерусалимской «стены плача». Кабинет министров устраивает секретные заседания. Кули умирают. Плантаторы бросают все и бегут в Европу. Это катастрофа!

Что же приключилось? Может быть, взбунтовались индусы или малайцы? Может быть, это интриги мистера Красина? Нет, кули послушливо умирают под ветвистыми деревьями. Те, что еще не умерли, носят ведра молочного сока. Но каучук в Ливерпуле стоит всего на всего 9 пенсов. Это разорение! Это конец каучука! Мистер Девис прогадал: он насадил чересчур много деревьев. Каучук летит вниз. Каучук никому не нужен, хоть Генри Форд и трудится, не покладая рук, хоть пыхтят, хоть хрипят, мчатся, агонизируют миллионы автомобилей.

Мистер Черчиль говорит сэру Джону Стевенсону:

— Вы должны спасти каучук... От этого теперь зависит мощь империи...

Сэр Джон Стевенсон садится за работу. Вскоре план его готов:

— Чтобы спасти плантации, необходимо искусственно сократить добычу. Чем ниже падают цены, тем меньше мы выпускаем каучука. Тогда цены не-

минуемо подымаются и ограничение соответственно ослабевает.

Один из депутатов сокрушенно вздыхает:

— Но ведь это большевизм! Это вмешательство государства в частную торговлю. Это противоречит всем нашим принципам...

— Уважаемому депутату придется выбрать между чистотой принципов и спасением плантаций. От этого теперь зависит мощь империи...

Уважаемый депутат, вздохнув для приличия, выбирает не принципы. «План Стевенсона» одобрен. Производство каучука теперь будет эластичным, как каучук: оно сможет и стягиваться, и расширяться. В зависимости от этого кули будут умирать на плантациях или же вне плантаций. Они будут умирать потому, что все люди смертны.

Мистер Черчиль поздравляет сэра Джона Стевенсона:

— Ваше имя войдет в историю...

И после легкой запинки:

— ...каучука.

Мистер Черчиль большой шутник.

Каучуковые плантации принадлежат англичанам. Но автомобили делают в Америке и каучук у англичан покупают американцы. Для Сингапура новый закон — божественная мудрость. Для Детройта он бессмыслица и покушение на мораль. Его необходимо уничтожить заодно с теориями Дарвина и с советскими листовками. Сэр Джон Стевенсон лицемер и преступник. Он вполне достоен сэра Генри Детердинга.

Мистер Хувер раздраженно жует сигару. Сигара давно погасла и мистер Хувер жует мокрый горький табак.

— Вмешательство государства прежде всего безнравственно. Мы недаром враги монополий. Они хотят парализовать нашу промышленность, но это им не удастся!..

Мистер Хувер не болтун. Он знает, что такое каучук. Вместе с окурком выплевывает он сонм имен и цифр. Он советуется с дипломатами и ботаниками. Он готовится к длительной войне.

А каучук?.. Каучук подымается. Мистер Девис снова изготовляет коктайли. Маклера на Минчинг-Лайн оживились; они уже не стонут, они бодро верещат:

— Один шиллинг 4 пенса!

— Один шиллинг 6!

Велики и многолики Соединенные Штаты! В них водятся кедры и бананы, негры и ку-клукс-клан, нефть и бизоны, мистер Хувер и Чарли Чаплин. Но ветвистое дерево никак не может расти в Соединенных Штатах. Ботаники докладывают:

— Ни одно из деревьев этой породы не способно произростать вне экваториальной зоны, то есть вне зоны, расположенной в десяти градусах на север или на юг от экватора...

Тогда мистер Хувер отсылает ботаников. Он зовет к себе адмиралов:

— Нам надо потолковать о Никарагуа. Также о Филиппинских островах...

Они говорят. Но каучук пока что растет. Сперва покупатели храбрятся: они, видите ли, не хотят переплачивать. Они могут подождать. Не сегодня-завтра англичане опомнятся. В Соединенных Штатах объявлен сбор старого каучука. К заводам тянутся грузовики с дырявыми шинами. Но омоложенный каучук дрябл и непрочен. Прожорливые автомобили требуют все новых и новых шин. Тогда в Лондон отбывают влиятельные ходатаи.

Мистер Стюарт Готшкис — вице-председатель «Американской Каучуковой Компании» предлагает мистеру Черчилю отменить все ограничения:

— В наших обоюдных интересах свобода торговли...

Мистер Черчиль вежливо улыбается.

— Не следует поддаваться власти слов... Я не совсем понимаю, почему английские плантаторы обязаны продавать вам каучук в убыток?

Американцы любуются галстухом мистера Черчиля — всем известно, что мистер Черчиль денди. Они выслушивают также несколько очаровательных каламбуров. Уходят они с пустыми руками.

Мистер Черчиль азартный человек. Он любит войну и покер. Он был в жизни либералом и консерватором, писателем и живописцем, морским министром и канцлером казначейства. Занимала его только игра. Ему не удалось потопить германский флот: это было зевком. Ему не удалось уничтожить и русскую революцию: у противника оказались про запас козыри. Зато, может быть, теперь он обыграет американцев. Игра идет крупная, и мистер Черчиль увлечен игрой. Вместо уступок он отвечает на домогательства американцев новой атакой: он отдает приказ о беспощадной борьбе с контрабандой. По Тихому Океану пробираются суда груженные ромом и каучуком. Ром отбирают добродетельные янки. А каучук?.. Каучук, разумеется, — англичане.

Мистер Хувер хорошо знает, что ни старые шины, ни контрабанда не помогут делу. Он обращается ко всем гражданам всех штатов: «Нам необходимо обзавестись собственным каучуком».

Каучук же продолжает расти. Американские заводчики теперь в панике. Они готовы повторить все трагические телодвижения маклеров с Минчинг-Лайн. Заводы в Акроне сокращают производство. Безработные кричат: «Хлеба»! Американские рабочие не умеют голодать мудро и тихо, как кули. Они ругают-

ся и устраивают подозрительные сборища. Несколько акционерных обществ объявили, что в этом году они не выплачивают дивидендов. Биржа мрачна.

Мрачен и мистер Хувер. Правительство Соединенных Штатов обращается к правительству Великобритании. Оно говорит дружески. Оно говорит чуть ли не задушевно. Оно просит отменить ограничения. Что делать — гевеи растут в Пенгаме, а американцам необходим каучук.

Но мистер Черчиль непреклонен. Даже неожиданная нежность мистера Хувера не способна растрогать этого взбалмошного поэта. Вы хотите покупать? Что же, мы согласны. Но цены назначаем мы.

Мистер Черчиль обещал сэру Джону Стевенсону, что его имя войдет в историю. Однако в Америке все говорят не о «плане Стевенсона», а о «плане Черчиля». Англия должна выплачивать Америке старые долги. Хитрый мистер Черчиль решил продавать каучук втридорога, чтобы платить американцам американскими долларами! Один журналист объявил, что Черчиль хочет стереть резинкой карточные долги. Это понравилось. На да, как советы!.. Мистера Черчиля, основателя «Клуба пятидесяти» и вдохновителя интервенции, сноба и посредственного преемника Питта рассерженные американцы зовут «безнравственным большевиком». Помилуйте, им нужен каучук, а здесь в дело вмешивается глупейшая ботаника! Экваториальная зона!.. Конечно можно завладеть мелкими республиками Центральной Америки и развести там плантации. Но, извольте ждать восемь лет!.. Как будто кто-нибудь в Америке согласится обождать хоть одну минуту! Акционеры торопятся получать дивиденды. Автомобилисты торопятся извести шины. А безработные торопятся есть. Все торопятся. И всем необходим каучук.

Далеко от Акрона, в Пенгаме сидит мистер Девис. Он недавно засеял 200 новых гектаров. Он получает теперь три шиллинга за фунт. Впрочем он очень не-

счастен. Питон его сдох. Коктайли окончательно надоели. Теперь уж ясно, что он никогда не увидит Лондона — ведь каучук подымается в цене.

3.

Нью-Иорк. Биржа каучука. Экран, на котором то и дело появляются последние курсы Лондона. Шиллинг 9 пенсов.

Один из клиентов шепчет:

— Не дай бог, если он сдаст хоть пол-пенса!..

Это покупатель. Конечно он хочет платить дешево. Но игра мистера Черчиля — хитрая игра. Если каучук будет стоить шиллинг 8, войдет в силу новое ограничение. Американцам необходим каучук. Они проклинают Черчиля, но они стараются поднять цены. Шиллинг 9 пенсов.

— Слава богу!..

Лондону даже незачем стараться: Нью-Иорк сам работает на него. Мистер Черчиль выиграл партию.

Он рад бы закончить на этом игру. Но игра только начинается. У мистера Черчиля ум и к тому же Малайский полуостров. Но кто знает, что придумает завтра упрямый мистер Хувер?..

Недаром он советуется с дипломатами и ботаниками. Он наверное что-нибудь да придумает! У этого человека железный лоб. Он сын фермера и заправский квакер. Он пьет только чистую воду. Он ненавидит фантазию. Мистер Черчиль рядом с ним легкомысленнейшее дитя. Ведь мистер Черчиль пьет портвейн и пишет романы. А мистер Хувер тупо, нудно думает о своем каучуке.

Фараону когда-то снились ужасные сны: семь тощих коров пожрали семь толстых. Мистер Хувер

пьет только чистую воду и он не фараон, он инженер, он квакер, он американец. Однако, его преследуют сны фараона. Ветвистое дерево должно расти семь лет. Только тогда его можно надрезать. Когда цены на каучук падали, мистер Девис вовсе не засаживал новых участков. Правда теперь он трудится во всю. Через семь-восемь лет добыча удвоится. Через семь... Но что будет через четыре года? Люди торопятся жить. Каждую минуту рождается новый автомобиль. Через четыре года наступит каучуковый голод. Наука оказалась бездарной. Можно изобрести, мистеру Хуверу на зло, искусственный джин. Нельзя изобрести искусственного каучука. Соединенные Штаты должны зависеть от какого-то легкомысленного джентельмена. Нет, это не может продолжаться! Америке необходим свой каучук!

Перед мистером Хувером большая карта двух полушарий. Красными чернилами обведены некоторые страны, в которых способны произростать привередливые деревья. Красныя чернила — не аллегория, это только для четкости. Но обитатели обведенных стран могут молиться всемогущему богу всех квакеров: перед смертью ведь принято молиться. Красные чернила делового американца означают многое. Они означают каучук, они означают и кровь.

Либерия? Дать заем, скупить землю, послать администраторов. С этими неграми нечего церемониться. Хватит с них и поэтической клички. Дальше! Филиппинские острова? Здесь предвидятся некоторые затруднения. Прежде всего закупить участки и привести китайских кули. Местные законы препятствуют? Чтоже, приостановить действие законов. Соединенные Штаты обещали Филиппинам независимость? Конечно, обещали. Но ведь с тех пор многое переменилось. Эти острова созданы сами богом для каучука: мистер Шонг говорит, что у него там превосходные плантации, а мистер Шонг председатель «Каучуковой Компании». Следовательно за-

купить и привести. Дальше! Бразилия? Укрепить наши позиции. Купить прессу. Купить министров. Перед расходами не останавливаться. Заткнуть рот Аргентине. Здесь начинается самое любопытное... Гватемала? Сделано? Очень хорошо. Никарагау?.. Чтож, это мы сделаем в два счета...

У мистера Хувера железный лоб. Он сидит и он думает.

4.

Ночь горячая и тягучая приторно пахнет бананами. На севере бананы лакомство, здесь это только хлеб, тот хлеб, что рифмуется с потом: так заверяют почтенные патеры всех пяти ста семинарий. Ночью впрочем нет ни патеров, ни заученного на зубок проклятья, только темнота. Она состоит из тысячи мельчайших шумов, из шороха отяжелевшей ветки, из шелеста летучей мыши, из свиста боа.

— Кто там?

Это спрашивает человек человека. Сначала по ошибке отвечает ночь, отвечает нервическим припадком листьев: ах! ах! Потом снова:

— Кто там?

Молчание. Один человек не понимает другого. Даже ночь зовут они по разному. Один светел и широк, как пшеничное поле. Другой, черный весь и горячий едва может отделиться от ночи. На одном военная фуражка с бляхой, на другом широкополая войлочная шляпа. Как им сговориться друг с другом?.. Про что говорить? Про ночь? Про бананы? Про сиротство?

Нет, они не беседуют. Молча катаются они по траве и молча друг друга душат. Ночь, вся ночь, с ветками, с птицами, даже с боа, перепуганная, шарахается прочь. В догонку несется обидный свет про-

жектора. Ночь изодрана, добита. Теперь верещат винтовки и как балды в цирке рукоплещут гранаты: бах!

Двух людей больше нет, они пропали вместе с ночью. Фуражка и шляпа на траве. Рядом также два грузных мешка, набитых тем, что еще недавно было жизнью: руками, кровью, письмами Дженни и Марии, папиросами. Все это медленно остывает, как земля. На всем роса — наверное по доверенности Дженни и Марии.

Здесь нет кинооператора. Прогадали!.. Такая шляпа! такая смерть! А треск все еще длится. Следовательно утро застанет двадцать или двести прежалко распластавшихся людей под бананами, под теми, которые хлеб. Кстати их никто не соберет, а несобранные бананы это докучливо и патетично, как несжатая полоса. Что касается Дженни и Марии [двадцать? двести], то без беленьких листочков со смешными завитушками нет человеческой жизни, как нет ночи без едкой внезапной росы.

Одни назовут «телеграммами». Они понесутся в огромные города, насвистывая по дороге: «служебный номер... шестнадцать слов... Джон... Ричард... Эдуард... в пять пополуночи... на посту...» Быстро они превратятся в черные платья [их ведь шьют срочно на каждой улице] и в кропотливо высчитанные пенсии.

Другие же мулами поползут по горам, крича от стыда и от усталости, чтобы упасть на белый поселок, как граната: бах! «Пабло... Диего... возле деревни Моробина...» Вместо подписи каракулями: «отечество и свобода». Все это без операторов, всерьез, с большим горем и все это петит нью-иоркской газеты: «Наш экспедиционный корпус вчера окружил одну из шаек бандита Сандино. Преступники уничтожены. Наши потери невелики».

Генерал Сандино в белом поселке, среди гор, среди горя, среди крикливых мулов пишет воззвание; всем республикам латинской Америки. Янки хотят проглотить Никарагуа, как они проглотили Панаму, Кубу, Порто-Рико, Гаити, Сан-Доминико. Братья, вспомните о Боливаре и о Сан-Мартино! Вот уже восемь месяцев, как мы боремся. Наши силы иссякли!..

Долго пишет он. Слова его торжественны и пышны. Но рука дрожит от волнения. На помощь! Скорее!.. Притаились за горами Гондурас и Сан-Сальвадор. Угрюмо молчит Мексика. Напрасно генерал Сандино рядом с печатью ставит: «отечество и свобода». Еще два пышных слова... Не милее ли всех слов длинные зеленые бумажки, которые летят из Вашингтона на юг? Что значат патроны вокруг пояса! Вот они в портах, опрятные как лазарет, новенькие миноносцы... Соединенные Штаты тоже отечество. А свобода у них как дома, она даже стала статуей, прес-папье, миллионом открыток.

Письмо из Неровы-Сеговии: «вчера воздушная флотилия снова обстреляла четыре деревни. Янки также скинули свыше 100 бомб. Убиты 72 человека, среди них 18 женщин».

Генерал Сандино сидит и пишет: «позор убийцам женщин! Нас мало, но мы не уступим...» На генерале Сандино широкополая шляпа и он верит в благородство. С ним три тысячи партизанов.

Мистер Хувер отнюдь не волнуется. Он знает: чтобы уничтожить три тысячи, нужно столько-то недель, столько-то долларов, столько-то человеческих жизней. Солдаты Соединенных Штатов любят свое отечество. Кроме того они получают отменное содержание. Следовательно они могут при случае умереть. Жаль? Разумеется, жаль. Мистер Хувер не злодей. Мистер Хувер гуманист. Разве не кормил он венских детей и даже людоедов с Волги? Он охотно пощадил бы этого Сандино. Он сказал бы ему: «в Хо-

ливуд! там вы будете нормальным фигурантом». Никарагуа, как и все земли мечтает только об одном: о благосостоянии. А этот вздорный Сандино вздумал говорить о своем отечестве, о своей свободе, не о статуе, нет, о глупейшей свободе, хотя бы о свободе жить в белых поселках и собирать или даже не собирать бананы. Чтоже, в таком случае этот Сандино должен быть уничтожен.

Перед мистером Хувером карта. Никарагуа давно обведена красными чернилами. Ему очень жаль не только Дженни, вдову честного американского солдата, ему жаль и Марию, вдову какого-то никарагуаского разбойника. Ведь в настольной книге Хувера сказано: «не убий». Но там же сказано и про обетованную землю. Без крови она не далась. Праведные израильтяне истребляли язычников. Даже господь-бог допускает исключения. Убито 18 женщин? Это печально. Однако бывают и железнодорожные катастрофы. Автомобили, что ни день давят женщин. Мы несем Никарагуа подлинное благосостояние и потом — мы не раз это повторяли: нам необходим собственный каучук!

5.

Они резвятся на всех стенах во всех городах и селах Франции, эти три любимца Республики. Нежный, наивный младенец, еще не способный лгать, расхваливает замечательное мыло «Кадом». Задумчивая корова день и ночь мычит о молочном шоколаде. Что касается третьего гражданина, в больших автомобильных очках, то он сделан не из мяса, как все прочие люди или даже коровы Республики, нет, он сделан из резиновых шин. Зовут его «Шины Мишлен». Он упруг и легок. Он нужен всем: без шин нет автомобиля.

Г. Андре Мишлен никак не похож на своего популярного двойника. Нет у него ни кольцеобразного

животика, ни баснословной улыбки. Он носит окладистую бороду и пенсне. Внутри у него не воздух, но самые обыкновенные внутренности. Это даже не фокусник. Это превосходный фабрикант. Он привозит кохинхинский каучук. Он покупает каучук у англичан. Из каучука приготовляет он крепчайшие шины. В горячих и грозных мастерских, на неистовом огне каучук закаляют как сталь. Кровь гевеи, дотоле мягкая и податливая, становится упругой. Шины не боятся ни камней Карпат, ни сибирских ухабов.

По заводу Мишлена ходят служащие с хронометрами: завод Мишлен устроен на американский лад. Правда, г. Мишлен не сбрил бороды. Но это не мешает ему уважать Америку. Он выпускает журнал под названием «Благосостояние». Мистер Хувер стал президентом Соединенных Штатов потому, что его лозунгог было именно это слово: «благосостояние». Г. Мишлен раздает свой журнал бесплатно всем желающим. Он раздает также множество книжек: трогательное жизнеописание Тайлора, рассказы о детских яслях при его заводе, апологию мира между капиталистами и рабочими. Он не просто хороший фабрикант. Он и не игрок, как г, Ситроен. Он великомученик рационализации.

Из коробки скоростей выскочил смешной человечек с кольцами вместо живота. Он требует: скорее! Скорей готовьте шины! Скорей покупайте автомобили! Стоит ли медленно умирать, если можнс умереть быстро, надорвавшись на работе среди хронометрщиков и образцовых яслей, если можно умереть на длинном шоссе, лопнуть, как лопается шина?..

Рабочие Мишлена не кули. Это скорее гевеи: их надо надрезать с толком. Г. Мишлен устраивает ясли для новой смены. Он выдает особо плодовитым семьям наградные. Чем больше у рабочего детей, тем скорее он должен работать. Хронометр отмечает новые рекорды.

Г. Андре Мишлен издает журнал, каждый день придумывает он новые усовершенствования: выиграть еще минуту, еще 40 секунд. Двойник его только улыбается. У двойника внутри не кровь, а воздух. Он катится по дорогам. Он смеется и это чрезвычайно подозрительный смех. Пусть люди тоже катятся, как он. У них внутри кровь?.. Неважно! Пусть катятся!..

Здесь уже никто не может остановиться: ни автомобили, ни рабочие, ни каучуковый человечек.

Может быть г. Мишлена иногда одолевает усталость. Ведь у него внутри не воздух, а вязкая кровь. И потом он не мистер Хувер: лоб у него обыкновенный. Но во Франции 1.000.000 автомобилей. Каждый автомобиль пожирает в год 20 кило каучука. Торопитесь рабочие! Вы не кули. У вас ясли. Вы не смеете останавливаться. Вы должны работать скорее. Голод повсюду голод: в Индо-Китае и в Оверни. Смерть повсюду смерть. Спешат рабочие. Вот еще одну минуту выиграл у жизни каучуковый человечек. Несутся автомобили, и он несется. У него большие очки. У него невыносимая улыбка. У него внутри пустота. Это новая смерть, без кустарной косы, без смешного старомодного савана, вся из колец, вся из шин, она мчится — 100, 200, 300 в час и она высматривает кого бы взять, чей пришел час, она здесь, там, везде, на всех заборах беспечной Франции.

6.

Мистер Хувер смотрит на карту. Давно высохли красные чернила. Высохла и кровь. Мистер Хувер должен быть счастлив: он теперь президент самой мощной республики мира. Все граждане мечтают пожать его широкую деловую руку. Немцы зовут его«гуманистом»: они помнят вонючее сало «Ара». Негры зовут его «Линкольном»: он победил демократа Смитса. Ку-Клукс-Клан зовет его «славным пар-

нем»: он наследственный квакер. Мисс и миссис зовут его «добрым Гербертом»: он ведь за абсолютную трезвость. Контрабандисты зовут его «толковым малым»: виски при нем вздорожало на сто процентов. Все американцы уважают мистера Хувера. Против него только анархисты или неисправимые алкоголики. Мистер Хувер должен быть счастлив.

Но железный лоб ко многому обязывает. Мистер Хувер сидит и думает. Укрощена Никарагуа. Бразилия приручена. На Филиппинах дело подвигается. На Суматре американцы закупили огромные плантации. Теперь и ботаники идут на уступки: они расширили эту заклятую зону. Оказывается Мексика не так уж плоха!.. Через десять лет у Америки будет вдоволь каучука. Но кто знает, не изобретут ли прежде искусственный каучук? Не придумают ли новых способов передвижения? Десять лет для Америки это столетие. Десять лет для мистера Хувера это старость и мемуары. Через три года начнется каучуковый голод. «План Стевенсона» уж отменен — он больше ненужен. Каучук теперь сам постоит за себя. Мистер Черчиль перехитрил мистера Хувера: он спас малайские плантации. И мистер Хувер злится. Его железный лоб покрывается рябью морщин. Он должен ждать, хоть ждать нельзя, хоть ждать для Америки это смерть. Он хочет забыть о каучуке, отдохнуть, выпить со вкусом стакан чистой воды, поглядеть на голубое небо, на это единственное увеселение всех квакеров, но каучуковые мысли тягучи, неотвязны. Он пьет воду — вода пахнет паленой резиной. Он глядит на небо — небо белеет, как молочный сок. Он засыпает — ему снова снятся фараоновы сны. Мистер Хувер что то шепчет со сна, шопот этот горек и вечен, как шелест ветвистых деревьев.

У мистера Черчиля больше фантазии. Недаром он воевал с бурами и писал трагические пейзажи. Но мистер Черчиль тоже невесел, хоть он и выиграл партию, хоть мистер Девис и зовет его «спасителем кау-

чука». Янки взялись за дело: скоро у них будут свои плантации. Голландцы должны во всем подчиняться Великобритании. Иначе зачем у этих флегматичных пигмеев богатейшие колонии? Голландия — негласный «доминион». Поскольку дело касалось нефти, голландцы отстаивали интересы Великобритании. А вот с каучуком они подвели. Суматрские плантаторы не приняли «плана Стевенсона». Они воспользовались заминкой, чтобы выдвинуться на американском рынке. Хуже того — они продали американцам большие плантации. Мистер Черчиль не торговец. Ему наплевать на дивиденды. Но он у зеленого сукна. Здесь каждая карта событие. Голландцы подпортили. Какой нибудь Кайнс снова будет издеваться над экономическими познаниями мистера Черчиля. Битой картой воспользуются либералы. Он не может выносить насмешек, а люди только и делают, что насмехаются над ним, над его военными похождениями, над его романами, над его планом морских сражений, даже над его галстухами. Теперь они будут насмехаться над его каучуковой политикой. Он должен выиграть! Через три года цены удвоятся. Через три... А через семь? Ведь игра только началась и нельзя бросить колоду, нельзя сказать, что уже пора по домам, что скоро и утро. Надо играть, играть всю жизнь, играть, хоть впереди верный проигрыш. Проклятые карты! Лучше уж писать романы... Но нет, он обязан думать о каучуке. Простите, что такое каучук? Резина в руке художника Черчиля? Непромокаемое пальто на Черчиле-путешественнике? Клистирные груши, калоши, подметки?.. Вздор! Каучук это автомобили, это грузовики, это траншеи, это победа. Каучук у нас!..

Но завтра? Но Суматра, Индо-Китай, Бразилия. Филиппины? Мистер Черчиль судорожно зевает. До чего он бледен! До чего устал! С таким лицом выходит под утро фанатик «девятки» — в кармане револьвер или просто таблетка веронала. Уснуть!.. Но игра продолжается. Через океан плывет каучук, его все

больше и больше, он у этих, у тех, он у всех. Существуют ли на самом деле пейзажи и портвейн? Мир сделан из каучука. С удивлением мистер Черчиль ощупывает свой жилет — вот так штука, он только теперь заметил, что у него каучуковое сердце! Ему все равно кем быть — правым или левым, ему все равно с кем бороться. Он не любит никого и ни во что не верит. Нечто в груди сначала растягивается, потом сжимается. Домашний врач мистера Черчиля по привычке еще зовет это «сердцем».

Днем мистеру Девису сказали, что кули пытался украсть фунт каучука. Мистер Девис приказал всыпать злодею тридцать и хороших. Вечером мистер Девис играл с приятелем в покер. Теперь ночь и он спит. Он спит неуютно и уродливо: большой волосатый — жарко, сползла простыня, спит один в длинном пустом доме. Даже питон и тот сдох. Мистеру Девису снятся отвратительные сны: его Анни больше не пахнет глицериновым мылом. Она пахнет чрезвычайно неприятно. Что это за запах?.. Малайки и те пахнут лучше. Волосатый человек долго ворочается. Он не в силах освободиться от навязчивого запаха.

— Анни, мой старый друг, простите грубому плантатору его нескромность. Анни, чем же вы пахнете?..

Анни молчит. Она только смущенно подрагивает. Может быть она хочет покраснеть, но не может: она вся белая, чересчур белая. Какой гнусный запах! Так пахнет молочный сок гевей, скисая в чанах. Но ведь это не сок, это Анни. Едва превозмогая отвращение, мистер Девис решает поцеловать руку Анни. У нее муж? Зато у мистера Девиса горячее сердце. Мистер Девис берет руку Анни. Рука отскакивает. Волосатый голый человек пронзительно кричит. Кру-

гом горячая ночь, небо Азии, спящие кули и сотни тысяч ветвистых деревьев. Рука Анни упруга и холодна. Это не человеческое мясо!..

— Анни, из чего ваши руки?

Молчит Анни. Молчат кули и геван.

Кули, тот, что получил тридцать хороших, не спит. Он кашляет, и на землю, хорошо знающую белую кровь гевей, вылетает красный сгусток: кули прежде не надрезал деревья, он возил в тележке плантаторов. Он не может говорить, он только свистит. Он очень болен. Нет, он не болен, он умирает. Он плетется в молельню. Там видит он бога. Бог из бронзы, бог спокоен и непонятен. Толстый Будда улыбается точь в точь, как улыбается на заборах Франции каучуковый человечек. Но Будда никуда не торопится: неподвижно сидит он в прохладной молельне, сидит год, век, вечность. Под Буддой написано: «одни придут ко мне путями подвига, другие путями жертвы, третьи путями усталости и этими путями ко мне придут все». Кули не умеет читать, но кули очень устал. Десять лет он возил людей и четыре года надрезал деревья. Он лежит на земле перед богом и бог обещает ему только одно, то одно, что могут обещать даже толстые бронзовые боги: великодушный покой.

Вокруг тихо шумят ветвистые деревья. Они сочатся и шумят. Они тоже устали, как Хувер, как Черчиль, как мистер Девис, как кули, как каучуковый человечек, как все люди и все автомобили. Они просят: «покой! покой!» и пустыми бронзовыми глазами смотрит толстопузый Будда в ночь, которая не знает ни будущего, ни прошлого, пустыми глазами в пустую ночь.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ.

1.

Стояла ясная осень. Париж жил обыкновенной жизнью. Аббаты говорили прихожанкам о вечности, те слушали и душились духами: «День придет». В книжных лавках выставлены были сенсационные новинки: «Твое тело принадлежит тебе», «Ты будешь куртизанкой», «Конец адюльтера». Театральные афиши возвещали очередные постановки: театр «Жимназ» — «Радость любви», театр «Фоли-Драматик» — «Грум Максима». Поэты-сюрреалисты клялись уничтожить цивилизацию и для этого записывали свои сны: одному приснился большой кокосовый орех, другому консьержка. Любители живописи обозревали шестьсот очередных выставок, взволнованные, если не полотнами, то многозначными цифрами: на последнем аукционе Пикассо поднялся до 45.000, а Модильяни перешагнул через 100.000. Конфекционный магазин Эсдер, празднуя годовщину открытия, отпускал товары со скидкой. Хозяйки уверяли, что там можно приобрести вязанную кофту за 27 франков 95 сантимов. В высоко политических сферах только и говорили, что о важнейшем событии: на ниццском конгрессе радикальной партии г. Эррио победил г. Кайо. За день было зарегистрировано 16 автомобильных столкновений, 2 пожара и 4 самоубийства: это никак не превышало нормы. Обывателей занимали свои заботы, не поражение г. Кайо и даже не «Конец адюльтера»: через три дня предстоял «терм», то есть срок пла-

тежа домохозяевам. Биржа отметила повышение нефтяных и электрических групп, румынские займы колебались, а тунисский фосфат потерял один пункт. Словом, все было благополучно в этом благополучнейшем городе.

Вдруг приключилась маленькая заминка. Среди афиш «Радость любви», среди мыла «Кадум» и налога на собак замелькали восклицательные знаки. Какие то люди писали о крови. Но в дело была замешана нефть. Англичане поддерживали арабов. На беду и в Рифе оказались нефтяные источники. Здесь были бессильны любые восклицания. Тогда, как бомба, шлепнулось на стену слово: «забастовка». Бомба, однако, не взорвалась. Это был последний, вдоволь слабый раскат послевоенной грозы, память о 19-ом годе, когда дрожала площадь Оперы и когда по тонким проводам улепетывали заграницу, казалось столь неповоротливые, капиталы.

С тех пор прошло шесть лет. В Париже победа г. Эррио, «терм» и «Твое тело принадлежит тебе». В Париже нет никакой революции. Но сегодня в Париже маленькая заминка. Улицы стали сразу пустынными и прозрачными, как осенние просеки. Упрямо теснятся в гаражах автомобили. По бульварам пробегают, как всегда, озабоченные люди. Они думают об акциях, которые, что ни час, растут. На Елисейских Полях гипсовые красавицы прогуливают свою постоянную тоску, а также низкорослых шотландских терьеров. Спокойно усмехаются полицейские. Блистают витрины. Растут акции. Тявкают псы. Только на одну минуту пустота улиц рождает легкую тревогу: это как напоминание о смерти. Тишина предместий доходит до площади Согласия, до площади Звезды, до гипсового сердца Парижа. Город, видавший на своем веку четыре революции и свыше четырехсот мятежей, этот город улыбается; он улыбается с законной иронией, а может быть и с незаконной тоской.

На одних бульварах Парижа каштаны, на других чинары, на третьих липы. Улица Мира славится ювелирами и портными, Елисейские поля магазинами автомобилей или духов, Монпарнасс художниками, Пасси тишиной, площадь Биржи ревом маклеров, а квартал Сан-Жермен старосветскими особняками.

В предместьях Парижа вместо деревьев трубы. Улицы здесь унылы, как дождливый рассвет. В маленьких лавках продают маргарин, пуговицы и марсельское мыло. Сипит орган кабака. Обрывки афиш на заборе: сегодня новинка «Смертельный поцелуй». Красный фонарь участка. Взъерошенный котенок. По середине улицы мочится большеголовое уродливое дитя. Женщина выбивает тюфяк, она бьет его яростно, с сердцем, как будто тюфяк это ее злая судьба. Жидкие пегие волосы треплются на ветру. Пыль от тюфяка смешивается со всей тяжелой, неповоротливой пылью, которая здесь — небо. Улица Республики или Жан-Жореса, длинная, пустая — номера домов, обрывки афиш, мыло, маргарин. Такой длинной и пустой кажется жизнь в ветрянное ноябрьское утро под гуд фабричных сирен.

Среди чахлых пришибленных домов — огромные корпуса заводов. Утром они вбирают людей, вечером их выкидывают. Человек оставляет здесь триста отлитых винтов и толику своего тепла. Он уходит с монетами в кулаке. Он может купить полфунта маргарина, может также швырнуть монеты на цинковую стойку кабака, чтобы жалобно они звякнули, чтобы в ответ замычала шарманка, чтобы от яблочного спирта свилась бы в клубок нестерпимо длинная улица, вот эта самая — Республики или Жан-Жореса.

Сюренн — предместье Парижа. Здесь автомобильные заводы Ситроена и Тальбо, арсенал, сталелитейная, здесь, конечно же, улица Жан-Жореса, а на

ней кооператив с марсельским мылом. Здесь изготовляют сорокосильные моторы и кряхтя от усталости засыпают в девять густым как деготь сном. Здесь голосуют за коммунистов, смотрят, обливаясь слезами, «Смертельный поцелуй», а мечтают здесь о зеркальном шкапе. Летом по длинным улицам проносятся автомобили: это парижане спешат к океану подышать солью и иодом. Они жаждут скал и готических церквей. Сюренн никак не заслуживает остановки, Сюренн воняет копотью, машинным маслом, бензином, и проезжая мимо автомобильного завода, автомобилисты отворачиваются.

Сегодня зря торопился рассвет, зря прокричали сирены, зря раскрыли ворота пасть. Сегодня не воскресенье и не конец света. Черные закорючины календаря требуют: идите. Машины возмущены:

— Сегодня — понедельник. Вы сошли с ума!..

— Объявить расчет! Схватить зачинщиков! Позвать жандармов!

— Послушайте, вы не дети. Вы обязаны работать. Иначе мы не выполним заказов. Наконец, у вас семьи, вы должны есть...

— Что это? Массовый гипноз? Лень? Подкуп?

— Раздробить! Расплавить! Отлить заново! Чтобы были не люди, знаки без пауз. Даже без зеркального шкапа. 800 оборотов в секунду!..

Молчат дома. Молчит вся улица Республики, как и улица Жан-Жореса или улица Карно. Только ветер треплет клочья афиши: «Смертельный поцелуй».

В Париже, на площади Согласия молоденький сюрреалист иронически щурясь говорит своей немолодой уже почитательнице:

— Если я не ошибаюсь, в теории словесности это называется «поэтическим отступлением».

2.

Они теперь бродят по длинным улицам. У иных ворот они останавливаются и подолгу шумят. Это шутки и брань, это хрипота, это тоскливый разгул. Они глядят на ворота злобно и ласково, как дезертир на борт корабля.

Улица Карно. Бетон. Засовы. Это фабрика «Общества Радиотехники». Ворота закрыты. Сквозь решетку виден пустой двор. В мастерских еще работают женщины, слишком упрямые или слишком боязливые. Толпа горланит:

— Бросайте работу! Стыдно!.. Желтые!..

Возле окон — тени, одни смущенные, другие разгневанные. Впрочем, трудно угадать, о чем они сейчас думают, эти тени: тень директора, тень механика, тень телефонистки.

Голоса на улице становятся все громче и жестче:

— Трусы! Изменники!

Директор фабрики г. Демеле несколько растерян. Ему всего 29 лет и он никак не привык к поэтическим отступлениям. Притом у него чересчур вежливый профиль. Правда, ворота солидные. Покричат и уйдут... Однако, фабрика это не только предприятие или дивиденды. Это священное место. Здесь люди трудятся. Они создают прекрасные вещи. При чем тут восклицательные знаки на заборах?.. Пусть лодыри кричат на митингах. Честные рабочие хотят работать. Никто не вправе мешать им. Это святотатство!

Вот они, возле самых ворот! Что же теперь делать?.. Г. Демеле колеблется.

На помощь ему приходит один из инженеров — Леон Лафосс. Он старше своего хозяина и он немало видел на своем веку. Он работал прежде на автомобильном заводе Рено. По профессии он чертежник, но на фабрике он занят отнюдь не чертежами: он смотрит за порядком, штрафует, расчитывает. Он — опора, верная опора, стоит только посмотреть на него:

богатырь! Он любит похвастаться ростом: неугодно ли, один метр восемьдесят! Широкие плечи, на них большущая круглая голова, круглое лицо, круглые глаза, круглые американские очки. Если он и не много думает, все его мысли чрезвычайно полезны «Обществу Радиотехники». Он и не белоручка. Он вышел из рабочей семьи. Поэтому он искренно презирает рабочих: талантливому человеку ничего не стоит выдвинуться. Говорит он нескладно, но слова выбирает покрепче. Покрепче выбирают и напитки: кабатчики Сюренн хорошо знают, что г. Лафосс пьет вермут исключительно из больших стаканов, никогда не разбавляя его водой.

Лафос возмущен: как смеют эти крикуны посягать на самое высокое — на часы работы, на прогулы, на премии, на святость дирекции, на его круглые американские очки?..

— Я их проучу, г. Демеле...

Лафос идет во двор к пожарному крану. Помогает ему старый сторож. Сторож, как всегда, пьян. У окон инженеры. Один из них пожимает плечами: зачем?.. Ведь все произошло так быстро! Они не успели опомниться. Какое им дело до политики. Они работают. Беспроволочный телеграф нужен всем. Почему эти люди против них?.. Только что они были обыкновенными инженерами, теперь они солдаты в осажденной крепости. Нервически ощупывают они брючные карманы: здесь ли револьвер? Один проверяет патроны. Другой угрюмо отвернулся — он был на войне, он не хочет больше воевать, вы слышите: не хочет!..

Но никто ничего не слышит. Телефонистка выронила трубку и закрыла глаза. В мастерских у станков работницы. Может быть они и дрожат, но как заметить эту дрожь среди железного озноба машин? Машины продолжают работать, им нипочем и рев толпы, и бледность молоденького инженера. Надо выполнить

к сроку заказы. Сегодня не воскресенье. 800 оборотов в секунду.

Тень директора судорожно заметалась: боже, этот верзила его погубит!.. Лафосс просчитался: вода только разожгла огонь. Теперь забастовщикам не до шуток. Плечи навалились на решотку. Трагически взвизгивает оконное стекло. Кусок штукатурки попал в лицо Лафосса и богатырь стонет. Это не прогулы работниц! Их много! У них камни! Зачем только затеял он эту историю? Он вспоминает, как семь лет тому назад рабочие сбросили мастера в Сену. Это было у Рено. Спрятаться? Но что скажет директор?..

В кармане Лафосса револьвер. Он бежит за другим — военного образца. Он чертежник. Он семейный человек. Он любит вермут. Он вовсе не вояка. Но теперь он уж не в силах остановиться. Он идет к будке сторожа — это хороший наблюдательный пункт.

Ворота, кажется, начинают поддаваться. Больше нельзя медлить. Вот этого... Лафосс целится, но рука его дрожит. Мимо! В окно летят камни. Он снова стреляет. Тогда раздается, покрывая рев толпы, одинокий крик. Кричит женщина.

3.

Отец Андре Сабатье был металлистом Его мать работала на фабрике. Когда Андре исполнилось 14 лет, он тоже пошел на завод. Сабатье не Лафосс, он так и остался рабочим. В семье Сабатье было заведено: мужчины работали в арсенале, женщины на фабрике «Общества Радиотехники».

Министры велеречиво говорили о моральных высотах французского рабочего. Поэты, думающие как бы им не отстать от своего века, прославляли красоту приводных ремней или поэзию расплавленной стали. Газета «Юманите» писала восторженно то о китайских генералах, то о новой речи Ворошилова. А здесь

из года в год трепал ветер клочья афиш и по утрам кричали сирены. Андре обжигался кофе и нырял в прожорливые ворота. Шли годы. Не было ни пожара, ни революции, ни катастрофы.

В Париже танцовали фокс-трот и зачитывались «Холостячкой». Когда Андре исполнилось 20 лет, он встретил Жанну. Это было просто и надолго, как улицы Сюренн. Андре призвали на военную службу, Жанна пошла на фабрику. Она была женой Сабатье, следовательно она пошла на фабрику «Общества Радиотехники». Потом родился ребенок. Андре был в казарме. Потом Андре вернулся, погладил сына и пошел на завод.

Вечерами Андре читал; он читал об отважных путешественниках, о Луизе Мишель и о русской революции. В соседнем кооперативе торговали марсельским мылом. Первого мая рабочие шли на митинг с целулоидовыми шиповниками в петлицах. Они шли и пели. А второго мая снова насмешливо кричали сирены.

Так жил Андре Сабатье до 24 лет. Знали его только соседи и товарищи по мастерской: он был тих и застенчив. Наступило 12 октября. В жизни Сюренн произошла маленькая заминка.

Сестра Андре работает на фабрике «Общества Радиотехники». Сегодня она бастует. Вместе с другими она кричит у ворот:

— Выходите!..

Андре дома. Сестры нет. Куда же она запряталась? На улице полиция. Андре идет узнать, уж не приключилос ли что? Он долго не возвращается: он сам увлекся, он стоит у ворот и ругает «желтых»:

— Трусишки!..

Теперь мать Андре, заволновавшись, идет к фабрике: сколько полиции нагнали — далеко ли тут до беды!..

Лафосс. Струя воды. Ругань. Андре подбегает к решотке:

— Предатели!..

Кто то сзади уговаривает:

— Идемте ка отсюда!.. Хватит!..

Но разве можно теперь уйти? Андре налег на решетку; та не поддается. Выстрел. Сзади кричат:

— Засада! Ах, негодяи!.. Убийцы!..

На мгновение толпа шарахается. Руки ищут: осколки бутылок, камни, кирпичи. Андре не отходит от решетки. Его глаза, обычно кроткие, сейчас сухи и жестки. Он не уйдет отсюда: ни за что не уйдет.

— Убийцы!..

Еще один выстрел. На этот раз Лафосс не промахнулся. Андре падает навзничь. Он падает молча. Кричит его мать: она рядом, она все видала — кровь, мозг, короткую агонию.

— Помогите!.. Ради бога!..

Но здесь уж никто не в силах остановиться. Снова Лафосс стреляет. Снова летят камни. А пьяный сторож, тот все еще поливает водой тело Андре.

За окнами бьются тени.

— Полицию! Солдат!

Кого они боятся? Мертвого Андре? Женщин? Или может быть длинных улиц?.. Сотню жандармов! Скорее!..

Лафосс ползком пробирается в погреб. Конечно метр восемьдесят и огромные кулаки... Но их много! Их уж не тридцать, их тридцать тысяч, миллионы. Они кидаются все на Лафосса. Он пробует утешить себя: никто не видел. Он скажет — другие. Чорт с ним, с повышением! Здесь надо спасать себя.

Лафосс бежит в нужник, там он выкидывает патроны. Не он стрелял! Честное слово не он! У него и револьвер то не заряжен. Так он разговаривает с

трубами и с темнотой. Он лежит в погребе, прикрыв руками голову. Здесь его находит директор.

— Можете итти наверх.

Лафосс недоверчиво озирается:

— Но... но...

— Я вам говорю — можете итти. Все кончено. Здесь полиция.

Лафосс однако не выходит. Перед ним тени, тысячи теней и одна: Лафосс конечно предан «Обществу Радиотехники», но Лафосс, как никак, человек. Он лопочет:

— Там?..

Г. Демеле понял. Он отвечает скороговоркой:

— Один... и кажется тяжело...

Над трупом Андре — три женщины: мать, жена, сестра. Они плачут. О них сейчас все забыли: и директор,и Лафосс, и улицы Сюренн, и авторы восклицательных знаков. Они вне истории. Они плачут обыкновенными женскими слезами.

Бригадир Баллера допрашивает г. Демеле. Тот отвечает:

— Я ничего не видел. Я в это время ездил за полицией. Дело впрочем ясное: стреляли забастовщики и по ошибке убили своего.

Лафосс тоже ничего не видел. Он только старался успокоить толпу. При этом он жестоко пострадал. Лафосс показывает на свой лоб: вот поглядите какая рана! С трудом бригадир замечает маленькую ссадину.

На улице Жан-Жореса полицейский говорит со всей мудростью возраста и профессии:

— Одного положили... Знаете пословицу: чтобы приготовить яичницу, друг мой, надо сперва разбить яйца...

Андре Сабатье лежит теперь на кровати. Приходят товарищи, угрюмо мнут они шапки. У соседки хнычет трехлетний мальчуган. Его тоже зовут Андре и он наверное тоже будет рабочим.

4.

Директор, а за ним и служащие показали: Сабатье убили забастовщики. То же самое сообщили газеты.

«Общество Радиотехники» — французское ответвление гигантского треста. Биржа хорошо знает, что такое «группа Маркони». Это знает не только биржа.

Бригадир Баллера, однако, простой бригадир. Ему поручено произвести расследование. Без особого труда он установил, что стреляли из будки сторожа, что Сабатье стоял возле решетки, лицом ко двору, что пуля попала в левый висок, следовательно, что Сабатье убили никак не забастовщики.

Г. Демеле направляется к комиссару полиции Ламберу. Деликатно он спрашивает:

— Если бы случилось так, что убийца назвал бы себя, мог бы он по вашему расчитывать, что его имя не будет сразу предано огласке?..

Во Франции существует свод законов и г. Демеле наверное слыхал об этом. Но г. Демеле директор «Общества Радиотехники» и он вежливо улыбается. Комиссар удивлен: он не привык к дипломатическим переговорам. Может быть г. директор хочет дать полиции некоторые указания, как разыскать убийцу?.. Комиссар чересчур простодушен. Г. Демеле с ним не о чем разговаривать.

Лафоссу необходимо признаться: не то его арестуют, как самого вульгарного убийцу. Если он сам явится, газеты напишут о законной самозащите. На счастье этот Сабатье оказался коммунистом! Можно нанять первосортного адвоката...

Г. Демеле о чем то долго беседует с Лафоссом и Лафосс вдруг испытывает раскаянье. Он жаждет правосудия. В участок его отвозит г. Демеле. Перед этим Лафосс заходит домой, чтобы проститься с женой и сыном. У него тоже маленький сын. Он будет

инженером, если не директором. Круглая голова. Круглые глаза. Круглые очки.

Лафсс едет в прекрасном автомобиле г. директора. Перед ним длинные улицы. На одной из них: гроб, незнакомая женщина, чужой ребенок. Лафосс теперь грустен. Как никак, Лафосс — человек.

Пока Сабатье жил, мало кто знал о нем. Мертвый, он стал героем. Он лежал в гробу и он метался по предместьям. Одни крестились, другие сжимали кулаки. Он был повсюду: в кабаках, в редакциях, в мастерских. Он заходил запросто и в кооператив, и в Палату Депутатов. Когда он выступил в поход, за ним пошло 100.000 душ. Суетливо трепыхались полотнища, блекли астры и нестройное пение напоминало рев сирен. Здесь были журналисты и матросы, автомобили и венки, Марокко и мокрый песок, здесь были все длинные улицы парижских предместий. Андре Сабатье нырнул в землю, как он нырял в ворота завода.

Прошло еще несколько дней. Газеты писали о новых убийствах. Восклицательные знаки сморщившись упали вместе с последними листьями. Зарядили частые дожди. О Сабатье больше никто не помнил. Он снова стал скромным и неизвестным, каким был при жизни: фотографией на комоде и скупыми слезами Жанны.

О Лафоссе говорили: «бедняга». Некоторые удивлялись: неужели он еще сидит?... Лафосс пробыл в тюрьме недолго: шесть дней. Возле тюремных ворот поджидал его автомобиль. Он быстро захлопнул дверцу. Он был попрежнему высок и дороден, но не так ухмылялись щеки, не так сияли круглые глаза, даже очки на нем уж не так сидели. Пусть все забыли о Сабатье, Лафосс о нем хорошо помнил.

Он поселился в другой части города. Он переменил имя. Леон Лафосс исчез. Теперь пьет вермут г. Лебляи. До чего горек этот вермут!.. Изменился ли вкус настойки? Или вместе с именем изменилось нёбо Лафосса?.. Он кажется до сих пор не вышел из темного погреба. У него была жизнь. Теперь у него только страх. На улице он боится людей, дома — тишины. Следователю он говорит, что опасается мести. Кто знает, может быть он боится только воспоминаний?..

Попрежнему работает фабрика «Общество Радиотехники». На бирже котируются акции. Г. Демеле отдает приказы. Заместитель Лафосса штрафует работниц. А Лафосс лежит в погребе. Что он сделал? Он защищал собственность и право на труд, все самое высокое, самое святое. Об этом учат в школе и об этом шепчут умирая нотариусу. Разве виноват он, что не все люди счастливы? Он только мелкий служащий. Он получал 50 франков в день, немногим больше рабочего. Да, это правда, он первый побежал к крану; но ведь это входило в его обязанности: поливать при случае людей, как поливают известь. Он выстрелил. Иначе его бы убили. Стреляли же в немцев!.. У них тоже были семьи. Причем тогда эти шушукания о каком то ребенке. На круглом лице мучительно шевелятся круглые губы. Долго Лафосс оправдывается перед ночью, перед улицами, перед незнакомой женщиной. Потом наступает ночь и г. Лебляи залпом пьет горький вермут.

Машины вертятся. Бумаги «группы Маркони» продолжают расти.

5.

С того времени прошло пятнадцать месяцев. В Париже переменилось все: министры, платья, танцы. О г. Кайо больше никто не говорит. Политиков за-

нимают выборы председателя Сената. Принц Галльский упал с лошади. В театре «Матурен» ставят «Невинную грешницу». Магазины «Бон-Марше» объявили грандиозную распродажу белья. Стоит январь туманный и сизый. Зажиточные парижане спешат на юг. Франк поднялся на ноги и вся Франция франка благословляет г. Пуанкаре. Завсегдатаи кофеен спорят о факирах: медиумы это или просто жулики?..

Тогда неожиданно встает из под земли Андре Сабатье. Вот уж адвокаты нелепо взмахнули рукавами балахонов. Стряпчий оправил цепь. В графине — вода, теплая и желтоватая, как судейская совесть. Из боковой двери показываются круглые очки. Они смущенно отсвечивают. Лафосс снова стал Лафоссом. Он забыл о долготе ночей. Г. Демеле увидит только исполнительного служащего.

Председатель спрашивает:

— Скажите, вы сожалеете о происшедшем?

Со всей рьяностью Лафосс отвечает:

— Искренно.

Он говорит правду: конечно же сожалеет! Он отнюдь не доволен своей профессией. Что за радость поливать людей, как известку?.. Он получал всего 50 франков в день. Стрелял он по необходимости, Это тоже не тир на ярмарке. Но выбора не было. Иначе судили бы сегодня Сабатье по обвинению в убийстве инженера Лафосса.

Г. Демеле стоек и великодушен. Он показывает: ворота были взломаны, Сабатье находился во дворе, жизни Лафосса угрожала опасность. Кто посмеет после этого сказать, что «Общество Радиотехники» не заботится о своих служащих?..

Служащие поддерживают директора. Правда показания инженера Раке несколько противоречат словам г. Демеле, но инженер Раке уволен со службы после первого же допроса. Телеграфистка Коттен сидела возле окна. Она присягает — ворота не были взломаны.

— Вы и теперь работаете на фабрике «Общества Радиотехники»?

— Нет, меня расчитали...

Г. Демеле изысканно одет. Он изысканно отвечает на допросы. Он ездил за полицией. Когда раздался выстрел, он был в автомобиле перед самыми воротами. Он все видел своими глазами.

Г-жа Майндро живет напротив фабрики. Она смущена и балахонами адвокатов, и цепью стряпчего. Она отвечает очень тихо, но все таки отвечает:

— Я услышала шум и выбежала на улицу. Никакого автомобиля там не было. Люди кричали возле ворот. А ворота были заперты. Тогда раздался выстрел и один человек упал... Нет, он не был во дворе... Он упал на улице, возле самых ворот...

Председатель снова спрашивает у г. Демеле:

— Вы утверждаете?

— Да, утверждаю.

— А вы?

— Да, да...

Они стоят друг против друга: изысканно одетый директор и сюреннская хозяйка, одна из тех, что выбивают по утрам тюфяки. У них две правды... Две правды у присяжных. Две, одной нет.

Тогда адвокат Лафосса спрашивает игриво г-жу Майндро?

— Скажите, свидетельница, а вы не сочувствующая?..

Та не сразу понимает, поняв же, отвечает просто:

— Нет, нет, что вы, я никак не сочувствую коммунистической партии.

Г. Демеле директор большого предприятия, он не привык отступать перед трудностями, он настаивает:

— Я поехал за полицией. Я был у комиссара Ламбера.

Комиссар Ламбер на редкость бестактен. Он до сих пор не понял, что такое «Общество Радиотехники». Он говорит:

— Г. Демеле у меня тогда не был. Я узнал о приключившемся от полицейского агента.

Адвокат морщится: ведь комиссара нельзя даже спросить уж не «сочувствующий» ли он? С досадой адвокат говорит:

— Комиссар попросту струсил...

Публика удивленно переглядывается: чего же бояться комиссару? Мертвого Сабатье? Мятежа? Прокурора?.. Только Лафосс не удивляется: он знает, до чего бывают длинны даже самые короткие июньские ночи.

Эксперты приносят тщательно нарисованный план. На нем заштрихована «смертельная зона». Вот здесь был убит Сабатье... Присяжные вздыхают. Да, конечно, вот здесь... Но разве можно судить французов за то, что они стреляли в немцев?..

Над дверью мраморная Фемида. У нее повязка на глазах. Она держит весы, хорошие большие весы, как в кооперативе на улице Жан-Жореса.

А председатель все ищет правду — одну для всех. У него усталые глаза. Он напоминает:

— Вы убили невинного. Сабатье даже не был агитатором. Он ведь пошел за своей сестрой...

Но разве можно судить летчика за то, что бомба упала на детский сад?.. Развеваются рукава адвокатов. С двух сторон кричат: это война! Все забыли о тщательно заштрихованном плане.

— Нам известны происки Третьего Интернационала!..

— Рука Москвы...

— Буржуазия и социал-соглашатели...

Круглые очки погасли. Они вне спора. Они в стороне. Адвокаты щеголяют остроумием. У них пафос и цитаты. Они пьют теплую желтую воду и зловеще хрипят.

Присяжные тихонько позевывают. Уж поздно: скоро полночь. Они наспех пообедали, они не успели даже всласть покурить. Им давно надоели политиче-

ские споры. Как будто они сами не знают, за кого голосовать на выборах! До г. Пуанкаре франк падал, а теперь он окреп. О чем же тут толковать?.. Марокко, нефть, Моссул, Муссолини, Сталин, Москва... Без четверти двенадцать...

Адвокат Лафосса — дорогой адвокат. Он знает все помыслы присяжных. Он говорит:

— Если бы Сабатье в этот день работал, он бы не был убит.

Это просто и это понятно всем. Стряхнув полусон и важно выпрямившись, присяжные удаляются на совещание.

В зале теперь нечем дышать. Жандармы оттесняют от дверей толпу любопытных. На скамье — молодая женщина с ребенком. Она здесь как справка о том, что Андре Сабатье не миф, не афиши на стенах, что он взаправду жил и что он умер двадцати четырех лет от роду. Она отвертывается от взглядов зевак. Мальчик уснул на руках. Против нее — Лафосс. Он внимательно слушал все речи. Он отвечал на все вопросы председателя почтительно и кратко, как будто председатель суда это директор «Общества Радиотехники». Он ведь только мелкий служащий уважаемой всеми фирмы.

Присяжные совещались недолго. Война это война. Девять как один сказали:

— Он невиновен. Он защищался.

И потом прибавили уже проще, по семейному, как в кафе за партией «пике»:

— Мы тоже должны защищаться...

Трое попробовали спорить:

— Эксперты... Ворота... Пошел за сестрой...

Но их было трое. Война это война. Старшина прочел:

— По совести перед богом и перед людьми ...нет... нет... нет...

— Лафосс, вы свободны.

8

Лафосс вежливо поклонился и стал тотчас же Лебляном. Его выпустили с заднего хода. Там поджидал автомобиль. Снова началась для него томительная жизнь: длинные ночи, шорохи, взгляды прохожих и непонятная горечь вермута.

Ушла Жанна Сабатье. Ушли судья и жандармы. В зале осталась только желтая дряхлая богиня. Глаза ее закрыты. Жаль: она так и не видала великолепного покроя г. Демеле!

Сюренн. Длинные улицы. Гулять по ним глупо. По ним утром идут на работу, а вечером спать. По ним проносятся автомобили туристов. Те, что делают автомобили, стоят у станка. Человек может умереть. Машина не должна останавливаться. Это не роман; это биржевой бюллетень и это история государства. Здесь нет места поэтическим отступлениям.

БЕНЗИН.

1.

Шоссе. Длинная вереница автомобилей. В автомобилях, разумеется, люди. Этот едет, потому что он врач. Этот потому, что он обхаживает девушку. Этот продает электрические лампочки. А этот решил убить ювелира. Все едут потому, что у них автомобили. Едут не они, едут автомобили, а автомобили едут потому, что они автомобили.

Вдруг машина останавливается среди пригородного уныния, среди щебня, паршивых котят и назойливой детворы, под жестким белесым солнцем. Вокруг столбы с насосами. Автомобиль хочет жрать. На столбах различные знаки: буквы, языки пламени, зигзаги молнии. Мелом проставлена цена: 12.70 или 12.80. Автомобилист, тот, что с револьвером в кармане, или тот, что с образцами электрических лампочек, рассеянно смотрит на молнию и на пламя. Ему попросту нужен бензин. Он не думает о том, что перед ним война, братские могилы, трофеи победителей. Он платит 12.70 или 12.80. Он думает о лампочках или об ювелире. Он нажимает педаль. Ухмыляясь машина мчится дальше. Она одна знает куда и зачем.

Это можно представить так:

Вереск и тоскливая луна — юпитер подозрительних съемок, где фигуранты едят бутерброды героиче-

ски замедленно. Конечно, Шотландия. Конечно, замок. Конечно, пруд. И конечно же, в эту ночь одинокий чудак бродит по берегу, пытаясь разгадать, где вода, где звезды и где насмешливые глаза какой-нибудь Мери или Кет. Вот его легкая взволнованная тень. Он уж немолод: седые усы, смуглая кожа обожженная солнцем; в глазах его, черных, как черна ночь под иными небесами, то и дело показывается суровый огонь. Может быть и не влюблен он? Может быть только встревожен луной и сыростью, неожиданным скрещением теней, неожиданым поблескиванием воды, загодочной мелодией своих шагов, может быть встревожен он только тривиальным присутствием и не Мери, не Кет, а смерти, этой обязательной фигурантки, смерти, без которой не бывает ни пруда, ни замка, ни самой короткой человеческой ночи? Человек этот печален и неказист. На нем поношенный пиджак. Монокль его поцарапан и часы едва держатся на старом ремешке. Может быть это мечтательный бедняк, маниак, влюбленный в древности, который приплелся сюда, чтобы вдоволь наглядеться на замшенные камни, чтобы вообразить себя якобитом, готовым тотчас же жестко и томно умереть за независимость Шотландии? Может быть неудачливый это поэт, который зря посылает каждую субботу во все редакции Соединенного Королевства свои баллады бледные и тоскливые как луна?

У ворот замка — другая тень. Здесь нет ни пруда, ни пламени в глазах, ни романтики. Луна, однако и здесь, она помогает разглядеть светлое непромокаемое пальто, золотую пряжку «ваттермана», даже сжатые решительные губы. О, этот человек тверд и настойчив! Но ворота не раскрываются. Он был здесь утром, он был здесь и днем. Он снова здесь. Кет? Мери?.. Кто знает!.. Напрасно сует он привратнику, надменному, как сам король Яков, хрустящие карточки и хрустящие ассигнации. Ворота не раскрываются.

Потом луна падает, зеленая луна, в зеленую воду. Умирая, еще раз жалобно пронизывает она белый пар. Тогда тень, та, что вздыхала на берегу, та, что с суровым огнем и с поцарапанным моноклем, среди ив и тишины сталкивается с новой тенью. Об этом можно написать балладу. Шорох теней невыносим. Даже бесчувственная ночь и та вздрагивает. Это видно по шелесту листьев, по плеску воды, наконец, по узким и сосредоточенным окнам замка, которые сразу загораются. Новая тень — уж не смерть ли это? — скрипя склоняется, точнее склоняется только сухая металлическая шея тени:

— Мистер Тигль ждет вас в курительном салоне...

Тень у ворот ничего не знает. Тень у ворот зябко кутается в широкое, как старинный плащ, пальто.

Мистер Тигль осторожно закуривает гаванну. Хозяин же набивает свою трубку крепким, дешевым канастером. Легче переменить веру, друзей, убеждения, родину, нежели табак. Хозяин был некогда очень беден. С трудом платил он десять сентов за четверку табака. Он привык к его тяжелому густому дыму, к этому аромату матросских кабачков и грубой бесшабашной молодости. Да, табаку он не изменил!

Мистер Тигль осторожно выпускает струю драгоценного дыма. Осторожно говорит он:

— Что касается возможности сепаратного соглашения с Москвой...

Тогда на ковер сыпятся крошки канастера: рука хозяина чуть чуть дрожит. Впрочем он улыбается. Предстоит новая битва. Следовательно предстоит новая победа. Ведь это о нем сказал лорд Джон Фишер, создатель флота Великобритании: «вы Наполеон по отваге и Кромвель по глубине». Мистер Тигль может курить гаванну и говорить о сепаратном соглашении.

Наполеон, он же Кромвель, спокоен. Он окружен серым дымом победы.

— Это бессмысленно, следовательно, это и неморально...

Он знает, что победа за ним. А мистер Тигль и сепаратное соглашение, — это только туман, белесый туман, это как цвет пруда, как выдуманная поступь обязательной фигурантки, которая бродила по аллеям парка и которую поэты, а также при подходящих обстоятельствах и не поэты, зовут «смертью». Какой вздор! Вы говорите «смерть»? Но это же бессмысленно, следовательно, это и неморально.

Кто он? Адмирал? Фельдмаршал? Министр иностранных дел? Нет, он только негоциант. Правда король Георг пожаловал ему титул «сэра». Но он равнодушен к титулам. Он не равнодушен только к своему делу. Он попросту негоциант. Он торгует нефтью. Он глава «Рояль-Детча». Зовут его Генри-Вильгельм-Август Детердинг. С ним его гости: вот неожиданная тень возле пруда, — это сэр Джон Кедман, директор «Англо-Першен», союзник хозяина; а вот и мистер Тигль, председатель «Стандарт-Ойль оф Нью-Джерсей», который столь осторожно курит гаванну, боясь уронить пепел, боясь уронить слово; это соперник, если угодно, нежнолюбимый враг. За узкими окнами луна и вереск. Три джентельмена, ласково и загадочно улыбаясь, долго говорят о зловонной жиже.

У древних персов не было биржи, однако они предчувствовали все высокое значение бумажек, именуемых теперь хотя бы «Англо-Першен» — они обоже-

ствляли нефть. Возле колодцев загадочно улыбались жирные грязные жрецы и вечный огонь не угасал. Даже смрад нефти казался паломникам сладчайшим.

Загадочно улыбается сэр Джон Кедман. Во время войны он торжественно возгласил: «мы окропим вас маслом победы». Он позволил себе, несмотря на почетный титул председателя нефтяной комиссии очаровательный каламбур: «ойль» по английски—масло, «ойль» — по английски также — нефть. Сэр Джон Кедман совершал над храбрыми «томми», умиравшими в болотах Фландрии, высокий обряд миропомазания.

Теперь он — сэр. Он был прежде только мистером. Он был когда-то ребенком. Он не думал тогда о божественной сущности нефти. Добродушно, даже фамильярно обходился он с керосиновой лампой, которая мечтательно чадила, покрывая все его детство трогательной копотью. Романы Диккенса, домашний уют, золотое медовое счастье!.. Древние персы спокойно спали на страницах гимназических учебников и маленький Джон еще не помышлял о своем жреческом назначении.

Теперь сэр Джон Кедман преисполнен религиозного пафоса: он знает, кому поклоняются люди. Лет семь тому назад в Лиссабоне епископы римско-католической, единой, апостольской и воинствующей церкви, наследники бессеребренников и страстотерпцев служили препышные молебствия. Они просили всемогущего о поднятии курса «Англо-Першен». Ладан пахнет, конечно же, лучше нефти, но ладан, это только благоуханная смола. Епископам города Лиссабона пришлось повторять старые молитвы грязных персидских жрецов.

— Вспомните о Венецуеле...

Мистер Тигль пробует устрашить неприятеля. Он забывает, что перед ним не обыкновенный негоциант, который торгует нефтью так, как другие торгуют мылом или яблоками, но Кромвель и Наполеон. Сэр Генри Детердинг может бояться сырости и тишины. Американцев он не боится.

2.

Мистер Тигль не прочь порой похвастать:

— Я сам был рабочим на промыслах. Когда я кончил университет — последние экзамены — вдруг телеграмма от отца: «приезжай немедленно». Я подумал, что дома несчастье. Быстро собрался. Курьерским. Вхожу в кабинет отца, а он показывает мне на рабочую блузу: «надень-ка это, и за работу!..» Чтож, я не стал спорить. Я зарабатывал 20 центов в час, как простой рабочий. Зато я изучил мое дело на месте...

Как должен усмехаться Генри Детердинг, представляя себе эту назидательную картину! Биография мистера Тигля взята из пуританской христоматии. Предусмотрительный папаша оберегает своего первенца от всех семи грехов, рождаемых, как известно, праздностью. Вот уж и нефть узнала свою потомственную аристократию! Отец мистера Тигля был владельцем нефтяных промыслов «Скофильд-Шеммер энд Тигль», а дед его со стороны матери — первым компаньоном великого Рокфеллера.

Генри Детердинг никогда не учился в университете и никто его воспитанием не занимался. Он уехал из крохотной Голландии на Яву в поисках счастья. Скромный клерк одного из банков Батавии, он получал 60 флоринов в месяц — меньше чем юный Тигль на отцовских промыслах и на отцовских харчах. Клерк,

однако, не унывал. Он верил в счастье — скромным он был только свиду.

Когда ему исполнилось тридцать лет, он встретился с удачей. Это не было в старинном замке и удача никак не походила на традиционную фею. Звали удачу весьма прозаично: «господин Кесслер». Господин Кесслер был директором молодого, но солидного предприятия «Рояль-Детч». Он то и приметил скромного клерка. Банковские книги, скрип пера, дешевый галстучек... Господин Кесслер умел находить не только нефтяные источники. Исторически вздохнув, он промолвил: «этому молодому голландцу предстоит великое будущее». Клерк перестал быть клерком. Он занялся нефтью. Пять лет спустя он сменил господина Кесслера: он стал директором «Рояль-Детч». Через год он объединил «Рояль-Детч» с другой компанией «Шелль». Он проник в Мексику и Румынию, в Венецуелу и в Канаду. В маленьком банке Батавии еще справлялись о счетах клиентов по записям исчезнувшего клерка, а прозорливые биржевики уже толковали о новом короле нефти.

Всю жизнь томило Наполеона большое зеленое пятно географической карты. Став во главе «Рояль-Детч», Детердинг повел наступление на Россию. В 1903 г. он впервые проник на Кавказ. Накануне войны он вывозил из России сотни тысяч тонн.

В ненастный день, сырой и ветренный, жерла «Авроры» угрюмо пробасили «довольно»!.. Никто в России тогда не думал о Генри Детердинге. Люди думали о мире всего мира и о четверке паечного хлеба. Детердинг прочел: «всем, всем, всем... Сегодня рабочие, солдаты и крестьяне... Далее неразборчиво». Он был догадлив и понял значение стыдливого многоточия. В этот день его трубка наверное часто гасла. Детердинг нервно чиркал спичками.

Сейчас трубка курится. Добродушно поглядывает он на мистера Тигля. Тот осторожно улыбается.

— Десять лет тому назад «Россия» это означало — «революция». Теперь это означает — «нефть»...

Для мистера Тигля Россия — страна, в которой имеются большие, хоть и плохо оборудованные промыслы. Для сэра Генри это — загадочное пятно и его собственная биография, двадцать пять лет борьбы, неразборчивое радио, металлические глаза Красина, грузины, пулеметы, «Стандарт», вежливый, чуть насмешливый Раковский, Генуя, Гаага, переговоры, разрывы, уступки, ультиматумы, а за всем этим молчание, как пятно на карте — большое и непонятное.

Американцы продают нефть. Но кому же нужна нефть, если не американцам? Они продают сейчас. Через десять лет им придется покупать. В России 150.000.000 душ. Сейчас крестьяне требуют керосин для ламп. Завтра они потребуют бензин для тракторов. Сэр Генри добывает нефть там, где вовсе нет людей. Это осмысленно, следовательно это морально.

— Но переизбыток?.. Но Венецуела?.. Но независимые?..

У ворот замка попрежнему зябнет неизвестная тень. У этой тени превосходное перо «ваттермана». У нее отменные рекомендации и пухлый блок-нот. Она ведь не тень, она — специальный корреспондент газеты «Таймс». Ей так хочется поговорить с тремя джентельменами! Но ворота замка замкнуты наглухо.

Мир должен быть организован. Хаос преступен. Хаос — белесый туман и присутствие обязательной фигурантки. Организовать мир должны не политики, не военные, не дипломаты. На нем, на Генри Детердинге — высокая миссия. Он даст человечеству смысл, следовательно и мораль. Кто не трудится, тот не ест. Да, он тоже социалист, только его социа-

лизм — не ребяческая греза, это подлинное дело, это империя нефти.

Мечта жестоко преследовавшая Тамерлана, Цезаря, Наполеона жива. Она делает горячими и бессонными ночи Детердинга. Бедный корсиканец верил в отвагу подростков. Вудро Вильсон, среди сладостных забот запоздалого молодожена, преважно диктовал проект «ковенанта». С удовлетворением сэр Генри поглядывает на лакированный глобус. Он вправе его повертеть: Мексика, Кюракао, Глазгов, Румыния, Гибралтар, Албания, Порт-Саид, Суэц, Цейлон, Батавия, вот она воистину, «империя, над которой никогда не заходит солнце!»

Да, но зеленое пятно, расползшееся на две части света?.. Мир должен быть организован. Он пробовал все. Он забыл о радио и о погасавшей, что ни минута, трубке. Не мог же он уступить зеленое пятно американцам?.. Он говорил: «ни один порядочный человек не должен покупать советскую нефть; эта нефть — краденая». Говоря так, он любезно беседовал с Красиным, и хитро посвечивали глаза Красина, и сэр Генри покупал краденую нефть. Одновременно он скупал акции бывших владельцев промыслов. Эти акции ничего не стоили после сердитого баса «Авроры» и с их держателями было куда легче сговориться, нежели с подлинными владельцами нефти. Детердинг покупал нефть и продавал ее. Он покупал аннулированные акции и во всех газетах мира появлялись предупреждения: «осторожно, не покупайте краденой нефти!» Так говорили бывшие владельцы бывших акций. Так говорил и председатель нового общества бывших, однако же законных владельцев, сэр Генри Детердинг. Он говорил интервьюверам: «российская нефть принадлежит ее бывшим владельцам, следовательно она принадлежит мне». Он говорил советским продавцам: «вы можете продать эту нефть мне, но исключительно мне и притом с соответствующей

скидкой...» Он делал все, что мог, ибо мир должен быть организован.

3.

Одни называются фунтами стерлингов, другие долларами, третьи поэтично, как будто тюльпановые поля это флоринами. Все равно докучны. Детердинг не успевает даже переменить ремешка от часов. Он курит грошовый канастер. Правда, он любит спорт. В светском приложении к нефтяной газете была воспроизведена фотография: «сэр Генри и леди Детердинг катаются на коньках в Сан-Морице». Держатели акций «Рояль-Детч» могли радоваться крепости их шестидесятилетнего попечителя. Сэр Генри даже произнес спич в Амстердаме о пользе физкультуры. Но разве для коньков нужны миллионы? Зимой замерзают каналы Дельфта или Дордрехта и мальчуганы, вовсе не знающие, что такое акции, весело режут лед, голубой как фаянс.

Зачем Детердингу деньги? В стране Прометея было вдоволь тепло. Он мечтал об огне, не о печке. Вот другой повелитель, бывший оплот «Англо-Першен» — сэр Базиль Захаров. Его состояние измеряют миллионами английских фунтов. Ему 80 лет от роду и он одинок. Джон Рокфеллер долго копил деньги. Потом он начал раздавать их, со всем прилежанием квакера и домовода. Он роздал все. Это грустно, как стихи Экклезиаста. Это точно, как ход волн. Не ради денег трудится сэр Генри. Он хочет организовать мир.

Он верит в бессмертие духа. Он также торгует нефтью. Он не может отдать зеленое пятно американцам. Когда «Стандарт-Ойль» хотел заключить сделку с советами, Детердинг послал телеграмму благочестивому Рокфеллеру, который уже скребся в двери рая. Как?.. Рокфеллер хочет дать деньги заведомым безбожникам, которые угнетают христианскую

церковь?.. Сам Детердинг не боится ада. Он готов был платить деньги даже этим злодеям и рецидивистам. Он хотел одного: платить дешево.

Он пугал русских и он соблазнил их. Зеленое пятно оставалось загадкой. Тогда сэр Генри потерял терпение. У него густые жесткие брови. У него горячее сердце. Брови сгустились. Трубка угрюмо пыхтела. Сэр Генри Детердинг объявил зеленой загадке войну.

Красин как-то сказал Детердингу: «прошлое не в счет. Надо все начинать сызнова». Глаза при этом хитро посвечивали. Сэр Генри любовался их игрою. Он сам ненавидит старое. Старое — это белесая тень возле пруда. Старое — это смерть. Не раз он уничтожал все вокруг себя. Он всему изменял, кроме разве канастера. Акции бывших владельцев для него не догмат веры. Это просто хороший ход. Он готов все начать сызнова. Пусть на Красной площади сжигают чучело капитализма. Но пусть при этом помнят, что нефть принадлежит ему, Генри Детердингу, и не потому, что в его сейфе груды ничего не стоящих бумажек, нет, потому что он один способен создать великую империю нефти, а следовательно одарить человечество стройной моралью.

На северном призрачном море угрюмо дымит гигантский дредноут. Он правит пятью частями света. Для него растут пальмы, для него под землей сверкают алмазы, для него истекают смолой каучуковые рощи, для него Рабиндранат Тагор пишет стихи о мудрости Индии, все для него. Этот дредноут зовут Великобританией. Его орудия готовы салютовать поцарапанному моноклю. Правда Генри-Вильгельм-Август — иностранец, но свободолюбивые бриты изучают паспорта разве что нищих иммигрантов. На капи-

танском мостике, рядом с греческим профилем Базиля Захарова можно увидеть и голландскую трубку Детердинга.

Сэр Генри объявил войну шестой части света. У сэра Генри прекрасная армия. Несколько лет тому назад в лондонском суде слушалось дело подвластной ему компании «Астро-Романа».

Вот допрашивают бывшего заведующего великобританской контр-разведкой мистера Мак-Донога:

— Вы получали ежегодно 4000 фунтов. Между тем вы отнюдь не специалист по нефтяному делу. Может быть вы объясните нам, в чем именно состояла ваша служба?

Мистер Мак-Догон насмешливо вздыхает:

— Простите, но мои функции чрезвычайно трудно определить...

Сэр Генри говорит о Лойд-Джорже: «мой друг». Это не мешает ему ладить и с Чемберленом. Он ведь презирает низкую политику, выборы, смену кабинетов, пышные слова и пышные парики. Он объявил войну непокорной державе. Дредноут на славу оборудован. Дым дредноута черен и грозен.

В пригожий майский день полицейские бригады окружают тривиальный дом на улице Мургет. Шифровальщик советского торгпредства, некто Худяков видит перед собой спортивный кулак одного из агентов. Худяков может быть и хочет распросить незванного гостя о знаменитом «хабеас-корпусе», но он нетверд в английском языке, к тому же у спортсмена палка. Худяков молча падает на пол. Полицейский направляется к начальнику с победоносной реляцией.

Сэр Генри говорит: «побеждает тот, кто действует».

Две недели спустя Чемберлен подписывает воинственную ноту. Сэр Генри возьмет зеленую крепость измором. Он видит уже великую коалицию. Только ни слова о нефти! Говорите о крови растрелянных, о поругании церквей, о свободе слова, говорите, если

угодно стихами, говорите много, красиво и задушевно! Главнокомандующий остается незримым. Его имя неизреченно, как имя Иеговы. В анонимной комнате он курит простонародный канастер.

Наполеон идет на восток, чтобы создать единую империю нефти.

4.

Просторный кабинет. Зеленое сукно. Приторный запах табака с медом. Председатель «Норд Кокасен Ойльфильд» говорит уверенно и веско. Это дивизионный генерал, которого ознакомили с планом атаки.

— Наиболее существенным событием истекшего года было удаление русского посольства. Надо надеяться, что Франция последует примеру Великобритании. Сэр Генри Детердинг окажет на французское правительство все давление, которое он только может оказать...

Джентельмены облегченно вздыхают: раз сэр Генри!.. С восторгом шепчет один другому:

— Он сказал, что не пройдет и года, как кремлевская власть падет...

«Он» — это разумеется сэр Генри. Сэр Генри вспыльчив и неосторожен. Он любит изрекать. Возражений он не терпит. Над Кавказом могут разазвеваться какие угодно флаги, но кавказская нефть должна принадлежать ему.

Секретарь заказывает каюту: сэр Генри едет в Париж.

Париж смеется, пьет апервтивы, читает о скачках в Довиле и о новых автомобилях Ситроена. Он вовсе не ждет Детердинга. Под платанами целуются сантиментальные парочки. Энтузиасты требуют спасения

Сакко и Ванцети. В народных танцульках гармонисты играют залихватские «явы». Депутаты удят рыбу и задабривают избирателей. Париж, как всегда, пахнет пудрой и бензином. Он не знает, что бензин это нефть, что кабина уже заказана, что голубой дым над площадью Сан-Лазар — дорога сэра Генри к пожарищам Москвы.

Жорж Клемансо теперь заканчивает свою вдоволь тщеславную жизнь афоризмами о тщете всякой славы. Он пишет о Демосфене. Кроме того он любит наблюдать за своим шотландским терьером. Его пес не охоч до сухого хлеба, но стоит только Клемансо бросить крошки воробьям, как терьер немедленно их пожирает. Клемансо записывает: «неправда ли, сколь человеческое движение?..»

О Клемансо наивные люди говорят: циник! Сэр Генри Детердинг улыбается. Ведь Клемансо питался министерскими кризисами и обыкновенной человеческой тоской. Он верил в чары Мата-Хари, в барабанную дробь, в мистику крови, в ораторское совершенство. Он еще мог признать железо или уголь. Но нефть?.. Во время версальской конференции его предупреждали: англичане хотят нас провести. Они прибирают к рукам всю нефть. Шутники рассказывают будто бы грозный Клемансо в ответ презрительно усмехался: чтож, у нас останется электричество!

Год спустя другой француз, г. Мильеран гордо заявил: моссульская нефть наша и мы требуем свободных рук. Тогда-то усмехнулся сэр Генри: у них будут свободные руки. Свободные и пустые. После этого немало французских солдат осталось в Сирии. Стреляли арабы. Пули были английские.

А нефти у французов нет как нет. Зато кое-кто приобрел акции «Рояль-Детча». Когда подымается в

цене нефть, подымаются и бумаги. Это — ущерб для промышленности, это — кризис и безработица, но это — классическое счастье сотни-другой рентьеров.

У французов нет нефти и у них много автомобилей. Они покупают нефть «Рояль-Детча» или «Стандарт-Ойля». По Черному морю идут наливные суда. Но ведь сэр Генри воюет с зеленым пространством. Сэр Генри Детердинг хорошо знает, из чего сделана человеческая жизнь. Он знает, что такое высокая политика. Он знает также, что такое зловонная нефть.

Дипломаты люди загадочные и завлекательные вроде медиумов или чикагских бандитов. Г. Камбон, бывший посол Франции в Берлине, снисходя к любопытству непосвященных, выпустил недавно книжку под заглавием: «Дипломат». Подробно рассказывает он, как должен образцовый дипломат улыбаться и как должны улыбаться ему.

Непосвященных много. Кроме книги г. Камбона они читают обыкновенные парижские газеты: «Матэн» или «Эко де Пари». В этих газетах пишут об одном дипломате: «разбойник... палач... убийца... шпион...»

Г. Камбон, один из «бессмертных» Академии, неужто выдумал он все описанные им улыбки?.. Впрочем «разбойник» это не просто дипломат, это посол строптивой державы, которая не хочет отдать сэру Генри какие-то промыслы. Хоть г. Камбон, помимо Академии, состоит во главе французского отделения «Стандарт-Ойля», беседуя о дипломатическом этикете, он наверное забывает о нефти.

С настоящими дипломатами в Париже разговаривают согласно трактату г. Камбона. Вот очередной гость — премьер-министр Румынии г. Братиано. Он конечно же улыбается и французы улыбаются ему: г. Братиано ведь не Раковский!

Их трое братьев и все они Братиано. Они любят английские акции, румынскую нефть, дивиденды железнодорожных компаний и французские займы. Они любят даже скромненькие леи. Трудно сказать, как бы сложилась жизнь этого предприимчивого семейства в другой стране. Но румыны любят высокое искусство и братья Братиано на славу правят всеми румынами.

Братиано - главный вздыхает перед парижскими журналистами:

— Раковский?.. Я жалею об одном — почему я его во время не повесил...

Париж весь голубой и томный пьет оранжады. Сэр Генри для него один из богатых иностранцев, из тех, что швыряют тысячи, только чтобы увидеть гробницу Наполеона или Венеру Милосскую. Говорят будто бы иные из этих простачков даже плачут перед безрукой статуей! Может быть и месье Детердинг тоже плачет?.. Кто определит белизну мрамора и чувствительность человеческого сердца?

Париж не думает о нефти. Только один мечтатель, сидя на терассе кафе, под большими звездами, окруженный запахом левкоев и лимузинов, шепчет:

— Посмотри, что здесь написано!.. Номинальный капитал этого «Рояль-Детча» равняется 600.000.000 флоринов. Прибавь-ка «Шелль» — 500.000.000 флоринов. Прибавь-ка «Батавию» 300.000.000 флоринов. Прибавь-ка...

Приятель вздыхает — от цифр? от слова «флорины»? — до чего красивое слово!

Париж не думает о нефти. На минуту смущают его козни восточных варваров. В маленьком кабачке, на бульваре Сан-Марсель, который носит хоть длинное, но мудрое наименование: «Все обстоит благопо-

лучно» владелец мастерской надгробных памятников и младший бухгалтер «Парижского Учета» распивают пикон — кюрасо. На столике, рядом с промасленой колодой свежая вечерняя газета.

— Читали?.. В Нью-Иорке неслыханная жара. Три человека скончалось от солнечного удара.

— Ну всетаки это лучше холода. Помните зиму 17-го?.. Одиннадцать ниже нуля!.. Это вам не Нью-Иорк! Каждый день кто-нибудь падал на улице замертво.

Гробовщик вздыхает, хоть со смертью у него самые дружеские взаимоотношения.

— А что вы скажете о наших ротозеях? Болтуны! Англичане, те куда умнее. Держать у себя под боком немецкого шпиона! Он же может выкрасть все планы.

— Конечно! Потом он пытал тысячи порядочных людей. Он сам взламывал сейфы. Он национализировал для себя женщин.

— Если б у нас была настоящая твердая власть, его давно бы отправили в их замечательную Сибирь.

— А в Сибири теперь невредно... Уф, и жарко же!..

— Да, прямо Нью-Иорк... Давайте-ка, друг мой, сразимся... Вот везет!.. Уж наверное все козыри...

В тишайшем квартале Парижа, где живут титулованные старухи, аббаты, лакеи, а также посланники великих держав, где вместо кофеен церкви и полицейские, в этой богодельне, только однажды проветренной невежливыми санкюлотами находится почтенный дом. Он тих и пристоен, как все его соседи; ворота закрыты наглухо; двор посыпан рыжим песком. В почтенном особняке, в поместительном кабинете, среди старинных гобеленов, обрамляющих бороду Марк-

са, среди деловых папок и слегка бутафорских сигар, сидит одинокий человек. Он просматривает ту же газету, что читали философы с бульвара Сан-Марсель. «Громила... садист... шулер...» Он усмехается. Потом он снова становится жестким и темным, впадая в тень кабинета, в серость домов и дней.

Лицо его, чисто выбритое, чуть одутловатое, оживляемое еле приметной усмешкой — это лицо снисходительного аббата или же отчаявшегося актера. В глазах наивный пафос болгарского четника часто сменяется унынием человека, который много знает, который долго колесил по миру, как Кандид без Кунигунды, который видел и сэра Генри, и Украйну девятнадцатого века.

Да, посол зеленого пятна, Христиан Раковский видел сэра Генри. Судьба однажды свела их. Было это не на романтической баррикаде прошлого века, но в роскошном салоне отеля «Клеридж». Их окружали не повстанцы и не жандармы, а предупредительные лакеи, говорили же они не о мировой революции, но только о нефти.

Генри Детердинг сын небольшого народа и он сын достаточно скромных родителей. Он мог бы остаться заурядным клерком. Жизненный путь Раковского ему нравится и он его удивляет. Этот болгарин из Румынии мог бы тоже остаться учителем где-нибудь в Варне. Он стал посланником великой державы. Почему же связал он свою жизнь с какой-то глупейшей революцией?.. Сэр Генри не ненавидит революцию, он скорее всего ее презирает. Организовывать нужно, судари, а не разрушать! Разве не мог бы тот же Раковский стать вице-королем нефтяной Румынии? Вместо этого зеленое пятно и усмешка. После безупречного завтрака в «Клеридже» сэр Генри чувствовал легкую горечь.

В серой тишине кабинета Раковский читает вечерний листок. Перед ним брови Детердинга, густые,

жесткие брови. Раковский видел английские танки и он видел голод. Он знает, что такое война.

В кабинет входит ночь. У ворот уныло дремлют полицейские. Квартал богомольных шпионов и наследственных подагриков слушает колокольный звон, звон свыше, звон сладкий, как блеяние небесного агнеца.

К высокому дому на Кузнецком подъезжает автомобиль. Автомобиль корректен и корректен пассажир. Г. Эрберт улыбается согласно книге г. Камбона. Это настоящий дипломат. Он говорит о полученных им из Парижа инструкциях. Он говорит о достоинстве республики и об общественном мнении. Он говорит возвышенно и деликатно. Это как стихи Гюго. О нефти г. Эрберт ничего не говорит.

Сэр Генри Детердинг может возвратиться в Лондон. В почтенном особняке уже расшифровали телеграмму: уступка необходима.

У закрытых ворот толпятся журналисты. Они говорят об одном: когда же он уезжает?.. Молчат полицейские. Они ничего не знают. Это даже не люди, это голубые тени голубого Парижа. У них только кепи и номера. Журналисты озабоченно кудахчут: «когда же? когда?..» Стекла почтенного особняка меланхолично посвечивают. Сэр Генри выиграл еще одну битву.

В поместительном кабинете — раскрытые чемоданы, развороченные папки и золото камина, где тлеют исписанные листки. Это как поле битвы, и некоторые письма на полу еще стонут. Среди парадного беспорядка — все тот же усталый одинокий человек. Если глаза его и горят, это от бессонных ночей. Давно привык он к чужому предательству, к уюту изгнания, когда уносит с собой человек только сомнительный

жар торопливых рукопожатий, несколько имен, смену белья и свою печальную непримиримость.

Его дед был четником и слово «тюрьма» в семье Раковских звучало примерно так же, как звучит в других семьях слово «дача». Его мать была торжественно отлучена от церкви. Маленькому Христиану рай поднесли на кривом лезвие шашки. Один раз он заглянул в церковь, там вздумал он с амвона соблазнить крестьян высокими заветами евангельского коммунизма.

Когда потом его спрашивали, кто же он — болгарин? румын? он отвечал шуткой: «я не Гомер — две страны оспаривают честь не почитать меня за своего уроженца».

Он изучает в Женеве медицину. Он изучает также у русских эмигрантов, у Аксельрода, Плеханова. Засулич трудную науку рационализированной революции. Потом он меняет женевских профессоров на берлинских и Аксельрода на Либкнехта. Впрочем из Германии его быстро высылают. Диплом доктора выдает ему монпельевский университет. Он снова в Болгарии и в Румынии. В революционных кружках десяти стран, в этих добродушных и аскетических монастырях конца прошлого века все чаще и чаще можно услышать имя Раковского. Интернационализм для него не отвлеченный догмат. С легкостью меняет он одну страну на другую и он цитирует Маркса на любом наречьи. Вот он в Санкт-Петербурге. Северная романтика длится недолго: Раковский выслан из России. Остается Франция, «колыбель революции», «страна свободы», стыдливая, но горячая любовь всех этих разноплеменных бунтарей, еще колеблющихся на пороге нового непонятного века. Здесь та истома, которую французы называют «сладостью жизни», прозрачность неба, округлость холмов, ясность и слов и чувств на час или на год обволакивают Раковского. Он — врач в крохотном городишке Болье-сюр-Луар. Перед ним спокойно течет Луара.

Давно уж Иоахим Белле сказал, что Луара куда милее бурного Тибра. По случаю закладки нового моста Раковский произносит блистательную речь. Он говорит о благородстве революции и о всех добродетелях республики. Он готов стать французом, может быть депутатом. Он готов полюбить революцию 1793-го года и простое человеческое счастье года 1903-го. Но рай Болье-сюр-Луар это не рай на лезвие кривой шашки. Прошение о натурализации летит в камин, мост будет выстроен уж после отъезда симпатичного доктора и местные Гамбетты избавятся от опасного соперника.

В Румынии неспокойно. Следовательно Раковский едет в Румынию. Там тотчас же он становится вождем. Крестьяне и рабочие говорят: «наш доктор». Он арестован. Выслать? Разумеется выслать. Но полицию смущает одно обстоятельство: как никак Раковский румынский подданный. Тогда находчивые министры объявляют его иностранцем. На улицах Бухареста демонстрации. Жандармы разгоняют толпу. Один парнишка особенно громко горланит. Его ведут в участок. «Имя»? — «Панаит Истрати». Не думая еще о блеске французской письменности, подросток угрюмо щерится: «черти, они высылают нашего доктора!..»

Раковский выслан. Раковский возвращается. Его снова высылают. Эта игра длится немало времени. Константинополь. Младотурки не колеблются: арест, вся живописность турецких тюрем, а потом вульгарная высылка. В Швейцарии Раковский встречается с Лениным. Дед и отец Раковского верили в Россию. Это было сантиментальностью, а также самозащитой. Теперь лицо Христиана Раковского правовернейшего марксиста повертывается к востоку. Он любит романы Бальзака, он любит кофейни Латинского квартала, он любит французский пафос и французское легкомыслие. Но верит он только в русскую революцию.

Он снова в Румынии. Война. Он снова в Румы-

нии, следовательно он снова в тюрьме. На этот раз его, скорей всего, расстреляют. Тогда-то на выручку приходит столь долгожданная русская революция. Слово «Дно» не сразу доползает до румынского фронта. Но вот грамотей читает столичный листок и все пермские или пензенские земляки улыбаются. Они ругают капитана Петрова за гнилую капусту, они кричат: «пора по домам», на радостях они открывают ворота чужой румынской тюрьмы. Один из них весело кричит Раковскому: «вылезай-ка, товарищ!..»

Потом? Потом десять лет работы горячей, темной и астматичной, как копошение лавы: Махно, чека, деникинцы, жупаны, голод, броневики, победы, нэп, фрак дипломата, фракционные споры, кризис за кризисом, ночные заседания, хрипота, сердцебиение, потом — потом уж не биография Христиана Раковского, но история великой революции, о которой будет красноречиво говорить его внук при закладке нового моста через Хопер или через Сухону.

Завязаны баулы. Остыла в камине зола. Кажется, все готово... Журналисты передают друг другу:

— Его секретарь заказал два места в «норд-экспрессе».

— Значит завтра?..

— Да, завтра в три...

Они уходят. Возле почтенного дома остаются одни полицейские. Спит теперь весь квартал великолепных ханжей.

Усмехаясь Раковский считает: в восьмой раз... в восьмой или в девятый?..

Может быть гобелены и топорщатся раздосадованно, Маркс, тот усмехается, Маркс, кажется, удовлетворен: вместо дипломатического этикета наконец-то видит он классическую усмешку бунтаря.

Раннее утро. Во дворе сдержанно дышит автомобиль. Подходит Истрати. Он хочет уехать с Раковским. Его мало занимают переговоры о долгах, бакинские промыслы и гнев Детердинга. Но сейчас в этом средней руки автомобиле заключена душа революции. Истрати любит славу, как рахат-лукум. Но Истрати бродяга и он просит:

— Я — тоже!..

Шторы автомобиля были спущены. Полицейские так и не догадались, кто мог уехать из посольства в столь ранний час.

Осеннее небо чисто и высоко. Это небо Франции. Это небо утерянного рая, того, что не состоялся в Больье-сюр-Луар. Какого же цвета небо над подлинным раем, над тем, что был подан маленькому Христиану на лезвие шашки? Или вовсе нет этого рая?.. Мотор хорошо работает. Стрелка клонится: 60, 70, 80. Автомобиль мчится к границе Германии. Напрасно журналисты будут рыскать по вагонам норд-экспресса. Тот, о котором они так много писали, ушел внезапно, как уходит ветер.

Вдруг машина останавливается:

— Надо набрать бензина!..

На желтой будочке гордо значится: «Шелль». Это сэр Генри провожает Раковского.

5.

Палата депутатов. Швейцар с массивной цепью на шее торжественно возвещает:

— Господин председатель.

В зал входит г. Буиссон. Он социалист и он благородный человек. Свобода совести ему куда понятней топлива. Чуть недоуменно оглядывает зал фрачная манишка. Кресло ампир цепенеет. Депутаты шумят, как приготовишки, и г. Буиссон добродушно стучит

линейкой. Скучный урок! Сегодня ведь будут говорить о какой то нефти...

Немало мест пустеет: скоро выборы и самые шустрые уже на посту — в глухой провинции. Там они патетично жмут руки ветеринаров и нотариусов, любезничают с кабатчиками и со стряпчими, сулят кому место табачного сидельца, кому пенсию, кому всеобщее равенство, а кому и загробную жизнь. Там, стуча кулаком по столу, в накуренных кофейнях клянутся они защищать интересы промышленников, рентьеров, рабочих, фермеров, интересы всех и всякого, построить новый мост, проложить замечательное шоссе, удешевить квартирную плату, перехитрить американцев, и спасти в такой то раз пятидесятивосьмилетнюю Марианну.

Депутаты слушают одним ухом: кто, скажите, может интересовать нефть?.. Одни пишут письма избирателям: Дюран просит пристроить его племянника в Алжире, а Дюпон, тот возмущен происками конкурентов. Надобно всем ответить. Другие со скуки вырезывают на сиденьях свои инициалы. Даже скамья, на которой заседает правительство, вся испещрена вензелями, как самая тривиальная парта. Шушукание. Смех. Треск газетных листов. Время от времени стук председательской линейки: тише!

— Крекинг не может применяться к нефти, заключающей в себе серу...

Зевки. Гул голосов. Шорох бумаги. Звонок председателя. Зал оживает, когда один из ораторов говорит:

— Вместо «ищите женщину старых водевилей» мы вправе теперь сказать «ищите нефть».

Тотчас же другой депутат возражает:

— Не сравнивайте нефть с женщиной! Женщина это божество.

Смех и ремарка мизантропа:

— К тому же она не воспламеняется...

Вопрос о пылкости красоток здесь куда понятней и милей неведомого «крекинга».

Речи продолжаются. На трибуне теперь социалист Шарль Барон. Он южанин, у него седая грива и классический рык. Он, разумеется, преисполнен пафоса. Он любит рассказывать:

— Мой дед сидел в Конвенте и мой дед сказал Марату...

Он свято чтит «декларацию прав человека». О нефти он говорит так же красноречиво, как его дед говорил о заветах Жан-Жака.

Однако палата 1928 года не Конвент и гражданин Барон умеет соблюдать вежливость:

— Сэр Генри Детердинг пошел дальше, он пытался также повлиять на французское правительство. Я должен отдать честь нашему правительству и г. Пуанкаре...

Г. Пуанкаре сух и непреклонен. Г. Пуанкаре быстро прерывает восторженного южанина:

— Никто не пытался повлиять на меня.

Скрипят перья стенографистов. Застыли швейцары с цепями. Легкая серебряная пыль садится на лицо Клио, самой темной из всех муз.

Закон о ввозе нефти принят. В протоколе перечислены по алфавиту депутаты голосовавшие «за», голосовавшие «против», воздержавшиеся, находящиеся в отпуску. За сим следует: «не могли принять участия в голосовании гг. Кашен, Дорио, Дюкло, Марти, Вальян-Куттюрье». Это сказано ласково, абстрактно и, однако же, весьма точно: вышепереименованные депутаты не могли принять участия в голосовании, хотя бы по тому, что они находились в тюрьме Сантэ.

6.

Генри Детердинг выиграл битву. Но зеленое пятно он с карты не стер. В Баку продолжали добывать нефть и вопреки морали эта нефть не текла в резервуары «Рояль-Детча» или «Шелль». Детердинг готовился к новому наступлению. В то же время он вел переговоры. Он предлагал мировую. Что делать? Чем больше он выигрывает, тем больше теряет. Он искал нефть повсюду. Оказалось, что нефти чересчур много. Цены начали падать. Автомобилисты, те радовались. Сэр Генри хмурился: мораль в опасности! Эти восточные путанники продают нефть много ниже мировых цен. В Венецуеле, что ни день, открывают новые источники. «Независимые» выпускают нефть за бесценок. Сэр Генри с тревогой заглядывал в биржевой бюллетень. Белые листки — как тень возле пруда.

Тогда то кинулся на него его давнишний враг: «Стандарт-Ойль» спустил в Индии 20 долларов с тонны. Это было ударом в спину. Дивиденды «Рояль-Детч» понизились. Детердинг вел переговоры о займе в Америке. Он хотел получить 80.000.000 долларов. Но «Стандарт-Ойль» не дремал и американские банкиры тянули дело.

Мечта — единая империя, но человечество еще не доросло до этого. Что же, тогда пусть существуют три империи. Это лучше, чем хаос. Сэр Генри упрям, но он умеет уступать. Он приглашает союзника «Англо-Першен» и врага «Стандарт-Ойль» на совещание. Им предстоит разделить мир.

В старинный замок Эчекери приезжают гости: сэр Джон Кедман и мистер Тигль. Над замком луна. Возле замка пруд. Три джентельмена подолгу беседуют друг с другом. Ворота закрыты наглухо. Секретари и стенографистки отосланы в котедж за восемь миль от замка. Здесь нет места соглядатаям.

Они непохожи друг на друга, эти три нефтяных императора. Сэр Джон Кедман — ученый. Мирно читал он лекции по политической экономии. Потом сразу, как Ньютон закон тяготения, он понял закон господства над миром. С тех пор он знает одно только слово: «нефть». Это он научил правителей Великобритании, как им бороться с Америкой. Скромный профессор Бирмингамского университета, он стал главой «Англо-Першен» и сэром Джоном. Он здесь — выкладки. Мистер Тигль — сила, наследственная сила, держава Рокфеллера. А Детердинг? Детердинг только воля, воля, которая должна победить всех.

Осторожно покуривая гаванну, мистер Тигль говорит:

— Хорошо, мы поделим рынки, мы задавим независимых. Но Россия?..

Тогда сэр Генри усмехается:

— С ними легко сговориться.

Он возьмет зеленое пятно! Он возьмет его уступками, лаской, все равно чем! Он не отдаст его этому осторожному мистеру.

Тень долго зябла у ворот замка. Наконец то ворота раскрылись. Специальный корреспондент газеты «Таймс» был великодушно принят мистером Тиглем.

— Можно ли узнать цель вашего приезда в замок Эчекери?

Журналист затаил дыхание. Он получит самое сенсационное интервью. Он, анонимный репортер, станет завтра ответственным редактором.

Осторожно улыбаясь, мистер Тигль говорит:

— Я, а также сэр Джон Кедман были гостьми сэра Генри и леди Детердинг.

— Но цель? Простите меня, мистер Тигль, но цель вашего посещения?..

— Хорошо, я вам отвечу. Главная цель нашего приезда это рыбная ловля и охота на рябчиков. В окрестностях замка много рябчиков и мы с удовольствием предавались столь редкостному спорту.

— Но?.. Но?..

Журналист не может ничего вымолвить. Он подавлен. Рябчики вырастают. Они становятся мифическими грифами. Журналист бледен. Он роняет на пол прекрасное перо «ваттерман». А мистер Тигль, все так же осторожно улыбаясь, говорит:

— Впрочем я не скрою от вас, что в свободные минуты мы говорили о нефти. Мы установили, что нефти чересчур много и что необходимо сократить добычу для блага самих потребителей. Вы хорошо поняли меня? Для блага самих потребителей.

Полчаса спустя — журналист у телефонного аппарата:

— Алло? Да, да. Сначала — рябчики. Обыкновенные рябчики. Птица. Потом — просто. Вы не понимаете?.. Но они поделили весь мир. Только обождите, хорошо ли вы меня поняли? Это для блага самих потребителей...

На ступенях всех бирж, лондонской и парижской, нью-иоркской и амстердамской, буря. Летят соломенные шляпы и котелки. Трости высятся как жезлы. Вой тысяч глоток сливается в одно громыханье громадного рупора:

— «Рояль-Детч» вчера — 36.000, сегодня 41.000.

Сэр Генри спокойно косится на биржевой бюллетень. Настанет час и три империи сольются в одну!

Война это мечты, война это запрос, война для поэтов, это когда грозно дымится канастер, когда падают брови и сердце бьет: на приступ. Война это сон о нефтяной империи. Были басы «Авроры», козни аме-

рикандев, усмешка Раковского, скрипело перо Чемберлена, французы говорили о национальной чести, цитировали писание голландцы и сэр Генри, что ни час, отдавал новые приказы.

Сейчас мир подписан. Уступило зеленое пятно. Уступили американцы. Уступил и сэр Генри. Все уступили. О чем же басила «Аврора»? Зачем собирал грозную коалицию сэр Генри? Мир скучен и древен; он древнее войны. Мир это 60 флоринов в месяц и протертый рукав молодого клерка. Даже крепкий канастер порою пресен. У сэра Генри будни.

Эти будни глупым людям кажутся праздником. Детердинга все поздравляют. Он победил. Он ведь выторговал у советов 5 процентов. Он говорит, что эти деньги предназначаются для бывших собственников, что он, сэр Генри, защищает права обнищавших эмигрантов. Может быть, это и вправду победа?.. Он уступил, но уступая он выиграл. Он получил зеленое пятно. Эти безумцы больше не будут сбивать цен. Независимые уничтожены. Лакированный глобус послушливо вертится. С любовью сэр Генри поглядывает на знакомое пятно. Вот голубой единорог: это Каспийское море. Нефть течет... Кстати надо им напомнить: резервуары следует содержать в исправности. Чтобы не выдыхалась... Это его нефть!.. 5 процентов... Разумеется, победа! У сэра Генри империя нефти. У сэра Генри сын-престолонаследник. Ко всему сэр Генри верит в бессмертие.

Детердинг — у себя на родине, в Голландии. Правда его родина куда шире. Голландский поэт Ван Эден сказал: «родина купца — весь мир». Эти стихи должны нравиться Детердингу. Он повсюду дома: в Лондоне и в Батавии, в Гааге и в Баку. Но слов нет, он любил свою крохотную Голландию. Здесь все им

гордятся, как гордятся крестьяне односельчанином, который стал бригадиром или нотариусом. Вот и сегодня поэт Доурнебос написал о Детердинге поэму. Он называет сэра Генри «каменным столпом Нидерландов». Сэр Генри отвечает на любовь любовью. Он посылает бедных студентов в колонии: пусть ищут там удачу. Он дарит в музеи ценные полотна. У него в Гааге очаровательный котедж. Унего в Гааге и другой дом, видный издалека, весь красный, надменный. Это — правление империи. На фронтоне вместо геральдических львов или грифов одно торжественное слово: «Батавия». Каждый год, где бы он ни был, сэр Генри спешит к назначенному дню в Гаагу: на бал к своей королеве. Он — английский сэр. Он может, конечно, стать президентом Венецуелы или персидским шахом. Но он презирает титулы. Он — только верноподданный Вильгельмины, божьей милостью королевы Нидерландов.

А может быть это шутка? Сэр Генри ведь любит шутить. Может быть все здесь, от королевы Вильгельмины до газетчика, что разносит «Телеграф», только верноподданные Генри-Вильгельма-Августа Детердинга?

В тихом Дельфте сегодня торжество: Техникум присудил сэру Генри докторский диплом «гонорис кауза». Правда,сэр Генри не сэр Джон Кедман, он не сушил свой ум науками. Зато он «каменный столп Нидерландов» и все тот же поэт Доурнебос клянется, что сэр Генри наперсник Минервы. Профессора восторженно жмурятся: они ведь так уважают эту богиню. На ректоре традиционный колпак и цепь. Ректор говорит без запинки:

— Гордость Нидерландов... Весь мир почитает... И мы сочли за честь...

Большой зал переполнен. Верноподданные, те, что на хорах, затаили дыхание. Принц Генрих умилен. Принц Генрих не король, он только муж королевы, и он не император нефти, у него скромный цивильный лист. Принц Генрих хорошо понимает, кто перед ним. Он молитвенно сложил ручки. А новый доктор с легкой усмешкой выслушивает речи. Да, да, конечно, Минерва!..

На тихих улицах, вдоль обязательных каналов толпятся жалкие смертные, так и не попавшие на торжество. Они приветствуют сэра Генри. Они приветствуют доктора Детердинга. Они приветствуют нефтяного императора.

Потом?.. Потом люди расходятся. Из узких каналов выползает ночь. Здесь кончаются газетные отчеты. На смену приходит фантазия автора. Доктор Детердинг беседует теперь с ночью. Эта беседа неповоротлива, кропотлива, темна. Куда легче было беседовать с мистером Тиглем или даже с Раковским. Ночь не хочет уступать, а доктор упрям и вспыльчив.

Где он видел эту улицу?.. Ах, да, на старой картине! Он купил картину в Лондоне, на аукционе. Он подарил ее амстердамскому музею. Пусть висит там. И пусть молчит. Улицы не должны разговаривать. Ночь обязана молчать. Ректор техникума давно закончил приветствия. Голландцы за белыми шторами пьют кофе и читают, одни библию, другие биржевой бюллетень. Они читают: «Рояль Детч» — десять заповедей — чти — в поте работай — «Шелль» — по образу и подобию — дивиденды — не пожелай — цены на бензин снова поднялись — для блага самих потребителей — положить душу свою...

Так говорят газеты и писание. Так говорит доктор Детердинг. А ночь, надоедливая, несговорчивая ночь твердит иное. Ее даже нельзя перекричать: она ведь разговаривает молча. Доктор мечется вдоль обязательных каналов, по узким, почти невидимым, по только предполагаемым улицам.

Дельфт не разноязычный Роттердам. В Дельфте живут голландцы, скромные подданные королевы Вильгельмины. Откуда же взялись эти тени?..

— Сэр, мы ваши подданные.

— Нидерландов?

— Нет, нефти.

— Мы разорились. Мы разбогатели. Нас нет. Мы умерли. В окопах. Мы мексиканцы. Мы были за Обрегона. А мы — мы против. За вас. За нефть. Мы из Албании. Мы резали других. А мы из Рифа. Там ведь тоже нефть. Из Моссула. Клемансо не понял. Вы поняли. Вы, сэр. Мы французские солдаты. Мы грузины. Мы кричали: «сакартвела». Мы ведь не знали, что это — нефть. Нас расстреляли. Рано утром. Мы поляки. Мы из Венецуэлы. Мы маклера. Мы генералы. Мы дети...

— Довольно! К делу! Что вам нужно? Акции? Повышение цен? Мир?

— Сэр, мы мертвы.

— Так вы хотите смерти?

— Доктор, вы забыли — а бессмертие?..

— Теперь я понимаю — вы хотите бессмертия?

— Император, сжалься! Мы не хотим бессмертия. Мы ничего не хотим. Нас нет.

Сэр Генри оглядывается: все та же ночь, фонари и тень. Одна только тень.

— Леди — вы?.. Или простите, вы тоже из Венецуэлы?..

Тень молчит. Тогда он вспоминает: замок, пруд, луна. Мистер Тигль ждал его в курительном салоне. А тень металась по аллеям.

— Леди, вы — смерть.

Тень молчит. Тень чрезвычайно похожа на сэра Генри, на Генри-Августа-Вильгельма.

В каналах темная вода, вязкая вода. Может быть и не вода это, а нефть. Нефть повсюду. Необходимо срочно сократить добычу. Заткнуть. Объявить, что нефти больше нет. Нигде. А то сегодня — Венецу-

ела. Завтра — Колумбия или Урал. Цены летят. Империя рушится. Зачем он жил? Что он ответит Судие? Что он ответит этим бескостым из всех Венецуел?..

Но постойте! Нефть — это энергия мира. Нефть нужна всем. На благо потребителям. Пароходы, автомобили, аэропланы. Кружитесь! И скорее! Почему они сидят за шторами? Они обязаны нестись. Дом, взлетай! Мост, отчаливай! И бросьте библию! Я ее прочту за вас. Потом. Когда нибудь. После смерти. Я вам приказываю: мчитесь! 100, 200, 300 в час!..

А вдруг устанут? Вдруг взмолятся: «зачем же так быстро? Зачем? Куда? К смерти?.. Человеку ведь легче остановиться, нежели нефти. Нефть течет. Ее станут продавать за гроши. Акциями «Рояль-Детч» станут растапливать камины. Нефти так много! Это нефть в каналах. Или не нефть — кровь. Все равно! Тогда слишком много крови. И все устанут. Как он. Он устал, очень устал. Он шатается. Шатается и тень.

— Леди, я останусь с вами.

— Сэр Генри, вы ошиблись. Я для других. Я для албанцев. Набейте вашу трубку и вспомните: империя ждет. Я не для вас. Ведь вы, сэр Генри, бессмертны.

БИРЖА.

1.

— Ситроен — 1841...

Это Акрополь и собор святого Петра. Здесь почитают единого бога, имя его неизреченно, а поклоняются здесь трем тысячам святителей. Их имена, звонкие и загадочные, заполняют высокие своды; они выливаются на площадь, растекаются по узким улицам Парижа; они затопляют банкирские конторы, где рябь бухгалтерии, горе клерка и окурок сигары на стеклянном прилавке; они повсюду просачиваются: в редакции газет, в кабинеты министров, в спальные содержанок, просыпая там на ковер пудру или жемчуг; легко взлетают они на Эйфелеву башню, чтобы стать волнами божественного эфира, который обволакивает и нормандскую ферму, и палубу трансатлантического парохода, и автомобиль Ситроена среди песков Сахары. Великие имена, пот пряный и тяжелый, как мускус, вязкость крови, духота снов, память, благотворное отчаяние: «Рояль-Детч», «Рио-Тинто», «Томсон-Устон», «Канадиан Пасифик», «Малопольска», «Санта-Фе». Нет, не медь это, не нефть, не грубая плоть вселенной, но имена святителей, колебания цифр и волн, богомольный трепет человечества.

Где то далеко анонимные люди уныло умирают, даже не догадываясь, что здес, в этом храме с непременными колоннами, ежедневно от двенадцати до двух верующие истово за них молятся.

Румыния. Черная земля. Ни дерева, ни травинки. Только вышки промыслов, зной и смрад. Верноподданные сэра Генри копошатся среди труб и цистерн. Они угрюмы, грязны и они пропахли нефтью. Здесь же только нежное имя.

— «Астра-Романа»! Даю 80 по 376!

Возле Пенгама, как всегда, сочатся гевеи. Воняет, скисая, молочный сок. Мистер Девис мечется на сырых простынях, скошенный приступом лихорадки. Кули кружатся и падают, как комары.

— Беру «Малакка» по 311!

В Капштате негры ищут алмазы: «Иоганесбург»— 295. В салоникском порту грузят листья нежного табака: 1117. В Индо-Китае — фосфат: 310. Сантиментальные мистеры спешат со своими половинами в Европу: «Спальные вагоны» — 674. «Шведские спички» — 2895. Кому же не нужны спички?.. Доктора прописывают больным печенью минеральные воды: «Виши» 2645. Больные печенью дуют втихомолку ликеры: «Кюзенье» 2850. В Галиции стучат кирки рудокопов: «Домброва» — 1948. Вот входят в гостиницу блистательные молодожены. Шесть рослых швейцаров едва тащат длинные сундуки, все облепленные пестрыми как глобус этикетками: «Отель-Континенталь» — 655. В Женеве осуждают химическую войну, но остаются удобрения, но остается вся несовершенность человеческой природы: «Нитрат» — 323. На Монпарнасс в кафе приходят туристы поглядеть, как это живут великие художники; туристы пьют, разумеется, пиво и приглядывают недорогих девушек: «Ротонда» — 189.

Прихожане великого храма не видят ни нефти, ни девушек, ни цинка. Они не видят даже хорошеньких зеленых бумажек, на которых напечатаны гевеи, вышки, голые негры, трубы, поля пшеницы. Бумажки лежат в темноте несгораемого шкафа. Люди здесь передают друг другу только цифры, звук, легчайший эфир.

У них чуткие уши: они слушают, о чем говорит земля. Стоит только вспыхнуть пожару в Трансильвании или родиться новому мексиканскому генералу, как тотчас же вздрагивают колонки цифр. На выборах в Норвегии консерваторы провалились! Найдены новые залежи серебра! Дрожат цифры. Дрожит голос: даю, даю, даю!..

Экспорт каучука из английских колоний понизился в мае с 49.800 тонн до 43.960, а Форд снова открыл свои заводы. Акции «Паданг» подымаются.

Революция в Китае спадает. Можно везти товары... По дороге застава: господин капитан, выкладывайте ка 800 фунтов!.. За отчетный год — 6.084 судна. «Суэц» скачет вверх: 1.264. Беру!

Нью-Йорк отмечает переизбыток сахара. 145.000 тонн лишних. Держатели сахарных акций горестно вздыхают: «Пуант-а-Питр» катится вниз — 2.685.

Изобретен новый способ воспроизведения: «Неогравюра». Это, разумеется, на благо человечеству, но акции «Пюбликасион-Периодик» тем временем сжимаются: 635.

Через две недели в Южной Африке выборы. Генерал Смутс?.. Или генерал Герцог?.. Шансы равны. Акции золотых приисков «Гольдфильд» и «Бракпан», то подымаются, то опускаются. Генерал Смутс?. Генерал Герцог?..

Но вот все забыто: и победная медь «Рио-Тинто», и сахарная болезнь, и африканские генералы; забыт даже скандал какого то «Коломб-Ойль»: там не оказалось ни нефти, ни денег, ни людей, которых можно было бы для отвода души заарестовать. Сейчас все забыто. Сейчас под сводами одно имя «Ситроен».

— «Ситроен» 1840!

— 1845! Беру!

— 1860!

Как всегда, на заводах Клиши, Левалуа и Жавель уныло визжит железная лента. Пьер Шарден, как всегда, нацепляет серьги. Стучат машинистки. Ждут

в гараже взволнованные заказчики. Г. Андре Ситроен подготовляет доклад о таможенных рогатках: автомобильная промышленность задыхается!.. Пресс «типа Толедо» штампует металл и мясо. Там — вторник, будни, работа.

Здесь же рев, восторг, отчаяние, катастрофа: «Ситроен!» покупайте «Ситроен!» Только «Ситроен!» Скорее! Вы видите — 1865! Это неслыханно! Отыграться! Разбогатеть! Спастись! Скорее! 1880!

В тесных телефонных будочках потные маклера выкрикивают:

— Алло! «Ситроен». 60, 65, 70, 65, 70, 80.

Там, где окурки на прилавке и рябь книг, директор маленького банка не выпускает из руки телефонной трубки. Он молчит. Он слушает: 65, 70... Потом он вытирает лоб рукавом и визжит:

— Это наверное синдикат... Мишо, алло, покупайте!.. до 90...

У прилавка толпятся игроки. С женских лиц слезает пудра: жарко. Мужчины тычут окурки в чернильницы. Спеша, выписывают они заказы. Руки дрожат и скачут буквы — семь заветных букв: «Ситроен».

Молоденький клерк срывается с места: у него, видите ли, желудочные колики, но бежит он в соседнее кафе. Там он не пьет кофе. Он телефонирует своему дядюшке, отставному швейцару лицея Мишле:

— Ты можешь купить десять «Ситроенов». Это вполне верно. Я видел заказы Колло. Значит — без риска... Только скорее!..

Газетчики мчатся с серыми маркими листками. В газатах, конечно, много страниц и много новостей. В Гренобле, например, подросток зарезал старуху. Испанский король сегодня разговаривал весьма холодно с Примо де Ривера. Эксперты отдыхали. В Словакии судят цыган-людоедов. Но все это пролетает мимо. Настоящая жизнь начинается дальше: биржа отмечает сильный спрос на «Ситроена». В осведомленных

кругах утверждают, что эта ажитация связана с намерением одного крупного американского треста сосредоточить в своих руках акции предприятия. Статья: американская опасность. Справка: «Дженераль Моторс» идет на Европу. Заметка: по слухам Ситроен ведет перговоры с «Дженераль-Моторс». Телеграмма из Москвы через Ригу; на этот раз не голод и не восстания в Грузии: Ситроен организует экспедицию в Туркестан, Ситроен подготовляет соглашение с советами. Отдел «промышленность»: в виду расширения экспорта, Ситроен в ближайшее время повышает производство до 1000 машин в день. Отдел спорта: как говорят, Ситроен скоро выпустит новую модель, обладающую всеми достоинствами прежних, но еще более дешевую. Биржевой отдел: 1960. 1975.

Визжит лента. Грохочут прессы. На Жавель и в Левалуа...

Маклер Шелоне бежит вприпрыжку по узенькой улице Вивьен. Он ничего не видит. Он полн высокого самозабвения. У него рыжие усы и глаза вакханки. Он сбивает с ног какую то старушенку. Он даже не успевает промолвить: «простите». Как птица взлетает он на ступени храма. Он кричит. Он кричит древнее «эвое»:

— 85! Беру!..

На маленькой улице, возле самой биржи помещается, хоть и невзрачный с виду, но вполне достойный внимания ресторан под вывеской «Золотая Утка». Там завтракают почтенные биржевики. Они расхваливают паштет из фазана и «Мексикан-Игль», они закусывают «Шелль» майонезом, они спрыскивают падение электрической группы «Поммаром» 21-го года. Время от времени в ресторан, запыхавшись, вбегают маклера. Те, что завтракают, смотрят на листочки блок-нота и, не дожевав куска, бормочут: «продолжай-

те, до 425»... Маклера убегают. Они и сами надеются подработать на этом «Брекпане». Настанет час, они тоже будут здесь завтракать, отдавая между двумя глотками шампанского-брут веские распоряжения: прекратите, покупайте, стоп на 70.

Швейцар, разумеется, хорошо знает всех посетителей. Он тоже не прочь поиграть. Подавая пальто г. Леблуа, он почтительно, но с пониманием дела спрашивает:

— Как вы думаете, господин Леблуа, медь еще будет расти?..

Г. Леблуа, медно-красный от индюшки и от «поммара» бодро гогочет:

— Как тесто, мой друг! Можете не сомневаться...

Швейцар знает, кто пьет простое бордо, а кто «Лафит» 78-го года, кто играет по мелочам и кто составляет крупные синдикаты. Г. Обер дает ему на чай неизменно один франк: здесь не разойдешься, но г. Обер ворочает большими делами. Это он недавно организовал понижение «Кали». Он пустил слухи о том, что найдены новые залежи поташа в Персии, а также в районе Мертвого Моря и спустил курс на восемь пунктов. Швейцар свято верит в мощь г. Обера и восторженно поглядывает он на маленький столик в углу: г. Обер сосет спаржу и равнодушно смотрит в даль. Трудно сказать, весел он или печален, на что он играет — на повышение или на понижение, чем наконец занята его голова: медью или углем?

За всеми столиками сейчас только и говорят, что о «Ситроене». Услышав отдышку маклера, гости марают скатерть вином темным, как бычья кровь. Вот этот продал 80 «Ситроенов» два часа тому назад. Может ли он теперь спокойно обгладывать листики артишока?.. Только г. Обер невозмутим. Ему нет дела до «Ситроена». Может быть он занят «Салониками»?.. Кто знает! Он меланхолично сосет спаржу. Вот подходит к его столику молодой человек с книжечкой. Он что то

показывает г. Оберу. Тот, не отрываясь от еды, роняет:

— Хорошо. Продолжайте.

Швейцар, сдувая пыль с котелка, шепчет:

— Что вы думаете на счет «Ситроена», г. Обер?

Г. Обер пожимает плечами:

— Я об этом вовсе не думаю. Позовите ка машину!

Г. Обер садится в автомобиль. Это не «Ситроен». Нет, г. Обер достаточно заработал и на меди, и на поташе, чтобы приобрести хорошенький «Бюик». Он едет, лениво покачиваясь. Он не смотрит в окно на другие автомобили. Он не читает биржевого бюллетеня. Спокойно нажимает он кнопку. На двери медная дощечка: «Редакция Республиканского Финансиста». Г. Обер молча здоровается. Редактор, заикаясь, шепчет:

— Ну, что?.. Что?..

На редакторе вязанный жилет. Его усы смешно прыгают. Он похож на наседку. Г. Обер прежде всего вынимает папиросу, постучав ею о портсигар, он закуривает, потом садится на протертый клеенчатый стул и, лениво растягивая, слова говорит:

— В порядке. Последний курс 80. А теперь садитесь ка за работу. Лучше всего клюет на консорциум...

Вытерев старое перо о жилет, редактор выводит крупными буквами, полными роскошных завитков: «Нам сообщают о переговорах Ситроена с «Дженераль-Моторс», а также с заводами Оппеля и Фиата. Подъем ценностей таким образом вполне законен и мы можем только рекомендовать нашим...»

Старое перо скрипит. Редактор громко дышет: слов нет, он взволнован.

2.

Г. Обер читает Марселя Пруста. Он живет среди сиамских котов, среди ландшафтов Ван-Гога и старинных глобусов, один, с франтоватым и грязным лакеем Луи. Никто не скажет, что это — квартира биржевика. Годовые отчеты, бюллетени курсов, газетные вырезки, все засыпано стихами сюрреалистов, фотографиями марсельских притонов и серебряным пеплом сигар.

Не всегда г. Обер занимался фосфатом или медью. Прежде он был писателем, даже социалистом. Он хотел идти по стопам Эмиля Золя и бороться за справедливость. Он презирал тогда роскошь и «Красную Лилию», жизненный путь г. Мильерана и шакалий рев вокруг биржи. Он был молод и непримирим. Он снимал крохотную комнатку на улице Монж и ездил во втором классе трамвая.

Шли годы. Роман Поля Обера «История подкидыша», изданный на сбережения старой тетки Поля, разошелся в четырнадцати экземплярах. Никто не написал о нем ни единой строки. Не так уж плоха была книга, но в Париже что ни день выходят десятки новых романов, а у критиков всего две руки и один желудок. Обер обиделся: он обиделся не только на критиков, но и на человечество.

Он писал в левой газете задорные фельетоны. Он требовал революции: только революция способна проветрить Европу!.. Но вместо революции наступали муниципальные выборы и социалистическая партия шумно праздновала победу: в Блуа она выиграла 68 голосов. Гражданин Обер не на шутку затосковал. Тут то он встретился с Люсьен. Люсьен была обыкновенной голубоглазой стенографисткой. Справившись деликатно о достатке своего нового поклонника, она разок с ним пообедала в дешевом кабачке, немного покапризничала, немного повздыхала — как никак у нее были голубые глаза, а потом преспокойно вышла

замуж за агента страхового общества. Тогда Поль сказал своему приятелю, студенту-медику, что у него старая слепая собака и что ему необходимо раздобыть стрихнин.

Он мог бы умереть. «Золотая Утка» так бы и не узнала столь солидного клиента!.. Он не умер. Может быть в то сентябрьское утро была слишком хорошая погода и солнце переспорило всех? Может быть наш мизантроп неожиданно испугался желудочной рези? Он бродил весь день по улицам, потом он уснул, а проснувшись на утро с некоторой истомой потянулся. Ничего не поделаешь — надо жить, справедливость — ерунда, никакой революции не будет, Люсьен, да и всех их, легко заполучить, для этого нужны только деньги. Что ж, друг Поль, мы будем зарабатывать монету!..

В душе Обер не мог, однако, избавиться от своего пристрастия к литературе. Он стал маленьким сотрудником одной из биржевых газет, но сочиняя прославления подозрительного банка «Хутконс и Ко.» или же расхваливая акции фантастической «Гватемалы», он не раз повторял любимые слова Шамфора: «в жизни человека неминуемо настает пора, когда сердце должно или разбиться, или окаменеть». Он спрятал склянку в шкап, следовательно он должен теперь всучать наивным провинциалам эти бумаги несуществующих приисков. Выбор сделан!

Прошло два года. Журналист Поль Обер стал г. Обером, клиентом «Золотой Утки», званным гостем лучших парижских домов. Вывезли его нефтяные акции. Он сыграл на повышение и он выиграл. Его лицо, бледное и меланхоличное, превратилось в барометр и сотни людей, что ни день гадают: грустен или весел сегодня г. Обер?..

Как-то он встретил Люсьен. Он предложил покатать ее по Булонскому лесу. Люсьен взглянула украдкой на «Бюик» и стыдливо улыбнулась: ее муж только мечтал о маленьком «Ситроене». Обер мог ее взять.

Он не взял ее. Было ли это стыдливостью, или живым еще чувством, или только ленью?.. Предупредительно помог он ей выйти из автомобиля, и заметив в голубых глазах изумление, усмехнулся:

— Видите ли, Люсьен, я теперь очень занят. Я ведь больше не пишу романов; я занят весьма грубым делом: я играю на бирже. Говоря иначе, мое сердце окаменело...

Г. Обер не случайно облюбовал «Ситроена». Он все учел: оживление на автомобильном рынке, естественный рост бумаг, слухи о переговорах с Америкой, соглашение с Польшей, наконец, близость годичного собрания. Предварительная работа была уж проделана за него самим г. Ситроеном. Ему оставалось закончить дело. Акции стоят 1560. Их легко довести до 2200. При умелой продаже они сдадут не больше 100. Таким образом на каждой можно заработать 500. Для операции нужен свободный капитал. Полтора миллиона. Следовательно, мы составим маленький синдикат. Г. Пулейль, г. Кресильон, редактор «Республиканского Финансиста», наконец он, Обер. 500.000 на прессу. После покупки первой партии — г. Пулейль получает под акции ссуду. Довести курс до 2000. Дальше не зарываться. На каждого участника обеспечено 600—700 тысяч чистых.

Синдикат был основан в отдельном кабинете ресторана «Норманди» и освящен вполне достойным события «Мутон-Ротшильд» 1893-го года.

Г. Андре Ситроен как-то утром неожиданно для себя прочел во всех хорошо осведомленных газетах, что он забивает своих соперников и что будущее при-

надлежит только ему. Он удивился, но не обиделся. Он ведь знает, что такое шутка и что такое обыкновенный биржевой синдикат. В общем он ничего не имеет против повышения курса. Только б эти неведомые благожелатели сумели остановиться!.. Если они разойдутся, может последовать резкое падение и кредиту г. Ситроена будет нанесен чувствительный удар. Самое важное уметь во время расстаться с зеленым сукном! Г. Ситроен вздыхает. Он хорошо понимает, что уйти невозможно. «Прикупаю!..» Г. Ситроен берет трубку телефона:

— Сколько?..

Он увлечен чужим азартом. Он сейчас не председатель административного совета, нет, он только игрок. Сердце стучит. Из трубки идет непонятный шум, как из раковины: это шумит время. Наконец: 75! Г. Ситроен усмехается: везет людям!.. Снова девятка...

В Париже около трех тысяч газет и журналов, посвященных бирже: «Экономическое Обозрение», «За и Против», Маленький Финансист», Деньги», «Биржевой Вестник», «Французский Банк», «Маленькая Котировка», «Тенденция», «Ведомости Ценностей», «Портфель Француза», «Финансовый Голос», «Капитал», «Биржа и Республика». «Аргус», «Кстати», «Вверх и Вниз»...

У синдиката, образованного г. Обером, на прессу ассигновано всего 500.000. Что же, придется ограничиться немногими избранными. Кампанию начинает пайщик синдиката «Республиканский Финансист». Его тотчас же поддерживают 36 газет. Остальные молчат. Они молчат потому, что все люди оптимисты, тем паче редакторы биржевых листков. Они надеются заработать своим вежливым молчанием.

Алло! Алло! В Париж приехал мистер Слоан, председатель «Дженераль-Моторса». Поездка мистера Слоана тесно связана с будущим заводов Ситроена.

Кстати, «Дженераль-Моторс» куда сильнее и проворней Форда. «Дженераль-Моторс» продал в течение 1928-го года 1.842.443 машины, что составляет 42 процента всей американской продукции.

Заводы Ситроена снова подверглись коренному переустройству. Они готовы для усиленной продукции. Предстоящий сезон обещает быть особенно блистательным. С января кривая заказов резко подымается ввысь. 52 процента всех парижских автомобилей это «Ситроены». В Мадриде таксометры — «Ситроены». В Японии открыто первое отделение...

Финансовая сторона предприятия «Андре Ситроен» заслуживает всемерного доверия. За спиной Ситроена стоит, как известно, могущественнейший банк «Братья Лазар».

Последний год дал 24.85 дивиденда. В этом году ожидается повышение, как оборота, так и дивидендов.

Газеты пишут многозначительно и поэтично. Они ссылаются на национальные интересы и на торжество организации.

Дядя пронырливого клерка, отставной швейцар не выдержал. Он получает крохотную пенсию. Денег не хватает ни на рюмочку рома, ни на понюшку табака с мятой. Он решил немного подработать: все наживаются на этих бумагах, чем он хуже других? Он купил десять «Ситроенов». Он перестал теперь спать. По ночам, стоя возле лампы, в сотый раз перечитывает он биржевой бюллетень. «Ситроен» растет, но старика смущают непонятные слова: «общая тенденция скорее выжидательная, вследствии отсрочки решения экспертов, а также предстоящих выборов в Англии». Старик громко и печально вздыхает: господи, причем же тут Англия?.. Ведь заводы Ситроена не в Лондоне, а здесь, под боком, на набережной Жа-

вель... Что-то будет завтра с этими экспертами? Хоть бы натянуть еще по сотне на акцию, а тогда можно продать их, все-таки без акций как-то спокойней на душе!..

Г. Обер по прежнему невозмутим. Он читает на сон Поля Валери. Потом он выпивает стакан «виши», заводит часы и погружается в сон плотный и горячий. Ему снятся маклера, прес-папье, платье Люсьен с глубоким вырезом и яркие крикливые попугаи. Все эти видения юрки и бессвязны. Надвигается ночь. Он больше ничего не видит. Но тогда неожиданно восходит огромное оскорбительное солнце. Оно из меди. Оно блестит, как кухонный таз. Оно заставляет г Обера раскрыть глаза. Ну да, все это очень просто: он забыл погасить лампу!.. Теперь он может спокойно спать. Но последний сон заставляет его поморщиться: солнце было из меди... Сегодня на бирже никто не хотел слышать о «Ситроене». Все помешались на «Анаконде» или на «Фильс-Додж». Чорт бы побрал это медное солнце! Оно не во время взошло...

В Нью-Иорке цены на медь резко поднялись. Вчера — 18 центов!.. Медные акции растут. По проводам, среди буколических ласточек, среди неповоротливых, сонных рыбищ, в небе, под водой несутся горячечные цифры: «Невада» 46, и тотчас же парижские маклера начинают истошно вопить:

— «Рио-Тинто» — 6700! Беру!

— 6800!..

Г. Обер никак не может уснуть. Он слышит гудение проводов и скрип мелка. Это медь. Она громко растет. «Ситроен» затерт. «Ситроен» в стороне. Это не вина Обера. Он сделал все. Он не мог предвидеть медного солнца. Что если все дело сорвется?.. Г. Обер пьет «виши» и неуклюже ворочается.

Можно конечно завтра начать продавать. Акции слетят до 720—780. В итоге останется маленький выигрыш. Но нет, это невозможно!.. Лучше уж продуться до тла!..

Много времени прошло с того дня, когда разочарованный Обер решил променять славу Эмиля Золя на текущий счет в одном из кулисных банков. Он заработал миллионы и он спустил их. Он убедился в том, что с деньгами можно получить все: Люсьен, автомобиль «Бюик», стихи сюрреалистов, почтительные поклоны, дружеские объятия, все, кроме разве счастья. Это — просто, как в старой мелодраме. Счастья вообще нет. Остается одно — игра, только она еще способна заставить это окаменевшее сердце усиленно биться. Г. Обер поставил на «Ситроена». Он должен выиграть. Медь — удар, но не смерть. Синдикат легко может переждать несколько дней. Лихорадка спадет. Г. Обер добьется своего. Обязательно добьется. Обязательно...

Г. Обер засыпает.

Утром Луи, почтительно и нагло улыбаясь, надушенный, с черными ногтями приносит несколько писем и газеты. Г. Обер прежде всего развертывает газету: здесь самое важное: медь. Гм!.. В Лондоне тонна — 76 фунтов. Отвратительно!.. Дождь, плохая погода... Рассеянно просматривает он газету. Что с этими экспертами?.. Вдруг он приподымается. Обычное спокойствие исчезло. Пальцы г. Обера злобно рвут мягкую бумагу. Он читает: «Рост акций Ситроена носит явно спекулятивный характер и мы считаем себя обязанными предостеречь»... Луи стоит с купальным халатом наготове. Г. Обер кричит:

— Костюм! И живее!..

Он полн отчаянья, ярости, силы. Перед ним неведомый враг. Это почище меди!.. Дело ясное: кто-то играет на понижение. Здесь все может кончиться обыкновенной катастрофой.

Кофе? К черту! Машину! Скорее!.. Остается одно: раздавить того или самому сдохнуть.

Стихи Поля Валери летят на пол.

3.

Велика и прекрасна парижская биржа! Без нее не дымили бы паровозы среди аргентинских прерий, не горел бы газ в кухоньке рабочего, не сверкали бы бриллианты на мясах ростовщиц, не было бы без нее ни румынских либералов, ни трамвая в Лиссабоне, ни автомобилей, ни прогресса, ни культуры.

Конторщик Жан Рене, впрочем, не думает о величине окружающего его мира. Послушно заносит он в огромные книги названья бумаг, имена клиентов и цифры. Одни из этих имен богатеют, другие разоряются. У них автомобили, дети, револьверы, слуги, слезы. Для Жана Рене это только имена. Он думает о том, что жена его больна плевритом и что доктор прописал ей усиленное питанье. Доктор просто выговорил эти два слова, как будто Жан Рене не скромный конторщик банка «Раймонд Барре и Ко.», а одно из великих имен, как будто он — г. Кресильон, против имени которого стоит: «3000 «Ситроен» по курсу дня». Откуда Рене возьмет это «усиленное питание?..» Рука конторщика дрожит. Он чуть было не поставил кляксы на восьмой заказ г. Матье: 425—«Рио-Тино».

Вчера на парижской бирже были перепроданы 2.980.008 ценных бумаг на сумму 1.621.864.425 франков. Миллиард шестьсот миллионов. Жан Рене получает в месяц 750 франков, 25 франков в день. Владельцы банка «Раймонд Барре и Ко.» заработали в течение последнего года свыше четырех миллионов. Банк участвовал во многих синдикатах: он вызвал понижение норвежского азота и на этом выиграл в две недели миллион. Г. Раймонд Барре купил виллу в окрестностях Ниццы: у него ревматизм и он любит

тепло. Жалованья конторщикам г. Барре не повысил. Кто может сказать, что готовит ему завтрашний день?.. Вдруг он сорвется на какой-нибудь операции? Надо быть бережливым! Вилла в Ницце это капитал, а жалованье служащим это потерянные деньги. Притом некоторые банки платят даже 600 в месяц. Зачем же ему заниматься благотворительностью?..

Иные из сотоварищей Рене живут припеваючи: они ездят в автомобилях, ходят в «Мулен-Руж» и покупают дорогие галстухи. Они получают те же 750 франков. Но они не выписывают тупо имена и цифры как Рене, нет, они соображают, почему это г. Барре продает «Норвежский Азот», почему теперь г. Кресильон отдал распоряжение купить ему столько-то «Ситроенов». Они знают вес и значение каждого клиента. Незаметно скрипя ржавыми перьями, они входят в святилище. Они начинают играть. Они то заключают сделки с мелкими игроками, то за несколько сотен франков продают «секрет». Небрежно засовывают они месячное жалованье в жилетный карман — это на папиросы! Но Рене честен и глуп. Он знает только свое дело: обтереть перо тряпочкой, наклонить вбок голову и тщательно выписать: имя человека, потом имя бумаги, потом цифру, все это красивым точеным почерком, без помарок. Когда ему говорят о «секрете», он недоуменно пожимает плечами: он ведь не игрок, он обыкновенный конторщик.

Это произошло так: сначала доктор сказал об усиленном питании, потом Луиза перестала есть, она даже отказалась от куриного бульона. У нее сделался сильный жар. Доктор пришел и флегматично помахал трубочкой. Он прописал лекарство. Жар спал и Луиза пошла на работу: она шила шляпы в мастерской на улице Пепиньер. Но она продолжала кашлять и все жаловалась, что у нее нет больше сил. Под ве-

чер ее знобило. Рене послал ее снова к доктору. Луиза пришла домой с длинным рецептом и с заплаканными глазами. Доктор сказал, что у нее туберкулез и что ей необходимо поехать на юг в санаторию.

Тогда Рене Жан шепнул одному из мелких клиентов:

— Я знаю верное дело. «Лиссабон» должен подняться. Купите акции и дайте мне четверть выигрыша. Я этим никогда не занимаюсь, но у меня заболела жена...

Рене плохо разбирался в биржевых комбинациях, хоть он и прослужил в банке «Раймонда Барре и Ко.» одиннадцать лет. Он дал клиенту опрометчивый совет. Правда г. Коледо сдал большой заказ на «Лиссабон» и, слов нет, г. Каледо веский клиент. Но Рене не понял хитрой игры: г. Коледо состоял в синдикате, игравшем на понижение «Лиссабона», закупка была произведена для отвода глаз. Через несколько дней «Лиссабон» начал стремительно падать. Клиент скандалил. Он стучал набалдашником по стеклянному прилавку. Он кричал Рене: «вы старый шулер!» Г. Барре отозвал Рене в сторону:

— Вы вредите репутации нашего банка. Если это повторится, я буду поставлен в необходимость вас тотчас же отослать.

Прошло еще несколько недель. Пришла очередь льда и подушек с кислородом. Луиза умерла рано утром. Она лежала, раскрыв рот, как рыба. Она задохлась. У нее не было воздуха. Воздух был где-то далеко, может быть, в Ницце...

Тогда-то и произошло в почтенном банке «Раймонд Барре и Ко.» неслыханное происшествие, о котором долго говорили все клерки квартала: Жан Рене, как всегда, сидел, склонив голову на бок, и писал. Но перед его глазами был раскрытый рот Луизы. Он спутал все: г. Кресильон отдал приказ о покупке «Ситроена». Рене занес его в графу «продать». Хуже того, он засунул в карман вместе с носовым плат-

ком приказ г. Кресильона. Он помешал г. Кресильону купить 3200 акций. Он может быть задержал на день рост бумаг. Сам того не зная, он вдруг вмешался в жизнь святилища.

Г. Кресильон кричал:

— Этот конторщик подкуплен!.. Он наверное получил несколько билетов... Я никогда не думал, г. Барре, что в вашем банке могут находиться шпионы различных синдикатов!.. Я потерял 11.000. Хорошо еще, что я во время заметил.

Г. Кресильон рассказал г. Оберу о приключившейся неприятности. Но г. Обер даже не улыбнулся.

— В чем дело, г. Обер? Чем вы так озабочены?.. Я думаю, что медная горячка не сегодня-завтра спадет. А этот конторщик!.. Ха-ха!.. Как вам нравится вся эта история?..

— Я не люблю биржевых анекдотов. Что касается меди, то вы конечно правы. Но предвидятся некоторые осложнения: посмотрите-ка, что здесь написано... Это — или Фошар или банк «Делонне»...

Они беседуют в «Золотой Утке». Г. Обер теперь перестал скрываться, он даже посоветовал швейцару играть на «Ситроена». Он подкрепляет дело своим авторитетом.

Подходит маклер. Г. Обер просматривает цифры. Вытирая губы, он говорит лакею:

— Хоть у вас и утка на вывеске, вы не умеете приготовлять руанской утки. Заберите прочь это!..

Потом спокойно говорит он г. Кресильону:

— Кампания начата. «Ситроен» сдал 60...

В это время за похоронной подводой покорно шагает Жан Рене. Он не плачет. Только время от времени он уныло сморкается. На гробу — маленький венок из бисера. Дома осталась двуспальная кровать. Вот и все. Из банка «Раймонд Барре и Ко.» — Рене, разумеется, выгнали. Луиза умерла. Сейчас он вернется домой один. Даже без гроба. Что же дальше?.. В голове Рене мысли путаются, как нечесанные воло-

сы. Это не жизнь, а колтун. Может быть покориться?.. Церковь... Исповедь... Небо... Встреча с Луизой... Или записаться в коммунистическую партию, чтобы кричать на улице, голосом горьким и сиплым: «враги, враги, враги»?.. Или, наконец, достать револьвер и забраться ночью в квартиру г. Кресильона? Там акции, бриллианты, деньги... Потом — только есть и спать. Много спать, чтобы ничего не помнить. Чтобы не помнить о Луизе. Совсем забыть... Совсем...

Сторож, лениво зевая, открывает кладбищенские ворота.

— Направо, налево и снова налево. 16-ая аллея...

Рене сморкается. Он ведь хоронит жену. Впрочем это никого не интересует. Он даже не конторщик. Он теперь вне биржи и вне жизни. Лучше всего — умереть. На 16-ой аллее еще много свободного места.

4.

Г. Обер не сразу узнал, кто же его враги. Правда «Банк Делонне» был замешан в деле, но образовал синдикат г. Санду, хоть все и говорили, что г. Санду даже в Париже нет, недели две тому назад он уехал на отдых в Биариц. Г. Санду работал тайно. Он проводил свои дни у телефона. Он выложил на прессу больше, чем г. Обер, и вежливо молчавшие газеты теперь заговорили.

Финансовое руководство общества «А. Ситроен» не заслуживает доверья. Всем памятны недавние затруднения г. Ситроена. Опасно вкладывать капиталы в дело, подверженное столь частым индивидуальным капризам.

Специалисты утверждают, что в отношении прочности автомобили Ситроена оставляют многого желать, в то время, как маленькие машины Рено и Пежо выдерживают самые трудные испытанья.

В связи с оживлением на бирже вокруг бумаг «Ситроен», мы можем напомнить нашим читателям о скандальной хронике довильского казино. Парижский заводчик, а именно А.... С...... проиграл там в течение одной ночи двенадцать миллионов.

По слухам Форд заключил соглашение с заводами Пежо.

Нам сообщают, что Форд начал постройку во Франции своего завода. Он предполагает снизить стоимость автомобилей, повысив в то же время заработную плату. Это несомненно чрезвычайно интересный опыт.

Перед французской автомобильной промышленностью стоит грозный вопрос о насыщенности рынка и о перепроизводстве. Затруднения, испытываемые одним из наиболее крупных парижских заводов, показывают нам, что кризис близок.

Г. Санду просматривал газеты небрежно и равнодушно. Он хорошо знал, сколько кому уплачено и кто о чем будет писать. Сам он не верил ни в Форда, ни в кризис. Игру он начал, заручившись хорошими картами. Главный козырь — это болезнь г. Фио. У г. Фио рак печени. Консилиум профессоров определил, что он протянет неделю-две. Кроме рака печени у г. Фио 90.000 акций «Ситроена» и сын оболтус, который ждет-недождется смерти своего родителя, чтобы вложить все наследство в конский завод. Он ничего не смыслит в бумагах и признает он только одно: скачки. После смерти г Фио его сын тотчас же распорядится продать все биржевые бумаги. В первую очередь он продаст «Ситроены», чтобы покрыть наследственные пошлины. Все это доподлинно известно г. Санду. Он не читает Поля Валери и не думает об афоризмах Шамфора. Он занят только своим делом. У него всюду помощники. Скоро на биржу будут выкинуты 90.000 акций. Надо все подготовить: пресса, небольшие колебания, продажа мел-

ких партий... Тогда акции г. Фио нанесут последний удар.

Кампания была начата удачно. Курс стал снижаться. Г. Обер дал газетам 200.000 дополнительно. Но г. Санду располагал куда большим капиталом. Удобный момент для повышения был упущен, благодаря злосчастной меди. «Ситроен» то падал на 20, то 10 отыгрывал, но вместо резкого повышения г. Обер видел только мелкие скачки вверх и вниз. Г. Санду, совместно с «Банком Делонне», выкинул еще несколько тысяч бумаг. «Ситроен» понизился на 80. Г. Кресильон начал роптать: в общем этот Обер вовлек его в невыгодную сделку!.. Он мог бы дать суточные деньги в Америку на хорошие проценты! Это куда вернее, да и прибыльней...

Редактор «Демократической Биржи» неожиданно потребовал от г. Обера неслыханную сумму: 50.000. А не получив этих денег, он переметнулся и начал писать о «спекулятивной игре».

Г. Обер попытался достать ссуду под акции в одном из крупных банков, но банк отказал. И здесь сказалась всесущность г. Санду.

Капитал синдиката иссяк. Покупки прекратились. Акции стали таять, как сахар в горячем чае. По прежнему визжала лента. По прежнему толпились возле ворот нетерпеливые заказчики. По прежнему задорно свистели новенькие автомобили. Г. Андре Ситроен обдумывал, как бы завоевать ему восточные рынки. Ни один из его заводов не сгорел. Но г. Обер перестал читать Марселя Пруста. Он даже перестал завтракать в «Золотой Утке»: у него пропал аппетит и его мучали жестокие мигрени. Он все еще старался, встречая людей, улыбаться, но глядя на его измученное злое лицо, маклера говорили:

— Вы видали Обера?.. Можете спокойно играть на понижение...

Отставной швейцар, пережив одну ночь полную кошмаров, когда он уже видел себя возле кафе с шап-

кой: «подайте старому человеку на хлеб», продал свои десять акций. Он потерял 1360 франков. Что делать! Можно не нюхать табака и пить ром только по воскресеньям!

Вдруг вся биржа дрогнула: с экспертами приключилось что-то неладное. Они не сговорились. Они и не могут сговориться. Предстоит длительный кризис. В Нью-Иорке паника. Паника и в Париже. Все выкидывают на рынок десятки тысяч бумаг. Деньги! Только деньги! Вокруг храма стоит горестный рев:

— Даю! Даю! Даю!..

«Ситроен», ослабленный кампанией г. Санду, сдал. Перед глазами г. Обера мелькают цифры. Но он не может считать. Он больше ни о чем не думает. Он наверное зря возомнил себя опытным финансистом. Он всего навсего неудачливый литератор с посредственной фантазией и со слабыми нервами.

Под вечер г. Обер позвал Луи:

— Вы можете сегодня пойти в кино или в театр. Вы мне больше не нужны.

Луи почтительно поблагодарил г. Обера. В кухне он впрочем язвительно усмехнулся: плохи наши дела!.. Продулся на бирже и никого видеть не может... Продулся потому, что олух. Будь у Луи деньги, он тотчас же заработал бы миллион. Надо не стихи читать, а шевелить мозгами!..

Луи пошел не в кино и не в театр, но в дансинг. Там весь вечер танцовал он с двумя белошвейками, которые восторженно прижимались к его манишке. Одна даже сказала:

— Вы пахнете наверное самыми модными духами...

Луи снисходительно улыбнулся:

— Особая смесь по заказу. Это гораздо моднее, чем например Герлен...

Луи мог бы поехать с одной из них, с веселой и миловидной брюнеткой в номера. Но для этого нужны были деньги: двадцать франков — бутылка шипучего, чтобы девушка не ломалась, тридцать — комната, автомобиль, чаевые, словом меньше, чем на сто не управишься. Луи про себя выругал г. Обера: вот таким болванам везет! Что для него сто франков?.. А Луи должен себе отказывать в самом необходимом. У него всего два галстуха и оба в полоску, а теперь носят в крапинку... Когда же он, наконец-то, разбогатеет?..

Несмотря на свои успехи, Луи вернулся домой мрачный. Сняв туфли, он прошел тихонько в столовую, чтобы взять из буфета бутылку портвейна. Он заглянул в щелку: работает ли г. Обер? То, что он увидел, его прежде всего озадачило: г. Обер лежал на ковре возле письменного стола. Неужто так надрызгался?..

Луи осторожно вошел в кабинет и с подобострастием начал допрашивать г. Обера:

— Может быть вы позволите раздеть вас?.. Неугодно ли вам стаканчик «виши»?..

Г. Обер не отвечал. Продолжая все-также униженно улыбаться, Луи оглядел комнату: где бутылки?.. Он увидел на столе маленькую склянку и начатое письмо. Луи всегда грешил любопытством. Скосив глаза, он начал читать: «В смерти моей прошу никого не винить. То, что останется после ликвидации обязательств, жертвую на госпиталь для кошек. К сведению г. комиссара полиции могу добавить, что Шамфор не предвидел третьего исхода: сердце может сначала окаменеть, а потом всетаки разбиться».

Луи не стал раздумывать над значением последних слов. Он прежде всего побежал к себе и надел туфли: оставаться разутым казалось ему подозрительным — хоть записка и с подписью, мало ли что придумывают эти ищейки?.. Потом он вернулся в кабинет. Он посмотрел на г. Обера с интересом и в то же время

с презрением: губы слюнявые!.. Он не мог отказать себе в маленьком удовольствии: носком ботинка небрежно толкнул он голову г. Обера. Он с завистью поглядел на галстух в крапинку: пропадет! Да и все пропадет!.. Кошкам!.. Ну и подлец!.. Вздохнув, он побежал в ближайший участок.

5.

«Эксперты вчера возобновили свою работу. Наконец-то компромисс найден. Само собой разумеется, что биржа отметила это счастливое событье резким повышением всех ценностей»...

Г. Обер так и не дожил до победы: у него не хватило ни денег, ни нервов. Г. Кресильон оказался куда счастливее: он сможет с лихвой покрыть все выложенные суммы. Акции «Ситроена» поднялись на 120. И г. Кресильон улыбается, кушая форель в «Золотой Утке»: помирились-то, ха-ха!.. Но г. Санду не до смеха. Последние события выкурили его из мнимого Биарица, как зверя из берлоги. Все здесь против него: общая тенденция биржи, пресса, напечатавшая очередные сообщения г. Ситроена, наконец, сама природа: у г. Фио вместо рака оказалась невинная опухоль. Врачи, видите ли, ошиблись! Убийцы! Г. Фио поправляется, через месяц-другой он сможет вернуться к работе.

«Ситроен» бодр. «Ситроен» продолжает, прерванное на время, вознесение. Ведь заводы г. Ситроена не сгорели, заказы не уменьшились. Пьер Шарден, как всегда, нацепляет серьги, а «Братья Лазар» все-также всесильны и непоколебимы. Что им дешевые остроты редактора «Демократической Биржи»? У редактора только ржавое перышко и четверо ребят, а у «Братьев Лазар» капитал и правда.

Г. Санду проиграл партию. Он продал 120.000 акций по самой низкой цене. Теперь ему нужно сда-

вать бумаги. Он должен платить по высокому курсу. У г. Санду нет денег для расплаты.

Дома ждет его жена. На ней вечернее платье. Она прекрасна и молода. Правда эта молодость стоит не мало. Зато все знакомые г. Санду с завистью повторяют: «поглядите-ка на г-жу Санду, вот вам, не стареет!..» Г-жа Санду оживленно смеется: сегодня премьера русского балета. Там будет весь свет. У них ложа. Все увидят какое на ней чудесное платье. Она спрашивает г. Санду:

— Ты не устал ли, мой дружок?..

До сих пор кокетничает она со своим супругом, хоть вот уж четырнадцать лет, как они живут вместе. Г. Санду ничего не отвечает. Тогда она смотрит на него, и сразу с ее лица слезает улыбка.

— Что случилось?.. На бирже?..

Г. Санду молчит. Молча проходит он в кабинет и закрывает за собой дверь на ключ. Г-жа Санду стоит у двери и просит:

— Скажи, что случилось?.. Пьер, дорогой, открой дверь! Открой на одну минуту! Я сейчас же уйду! Я так волнуюсь!..

Но г. Санду молчит. Она прилипла ухом к щели. Она слушает. Вот ей показалось, что он раскрывает шкап. Она падает на колени:

— Пьер, умоляю!..

С ее лица теперь сошли все кремы, пудры, белила, румяна. Сейчас никто не скажет, что г-жа Санду молода. Время взяло свое: ей, как никак, 43 года. Она плачет. Она кричит. Вот он встал... Господи, что же он делает?..

Пожилая уродливая женщина, в бальном платье, с припудренными, слишком белыми руками, с лицом перекошенным и грязным от черных слез, как собака визжит, у широкой двери барского кабинета.

— «Ситроен» — 1960. Беру! Беру!

Кричат маклера, скрипит мелок, скрипят в конторах перья клерков. Люди продолжают разоряться и богатеть. Те, что выбыли из игры, давно забыты. Здесь ведь нет людей: здесь только имена и цифры, имена высокие и нежные всех 3000 бумаг: «Рояль-Детч», «Рио-Тинто», «Малакка» — нефть, медь, каучук; имена и цифры; цифры роятся, кружатся, жужжат, как саранча. Цифры здесь все решают.

Людей на бирже нет. Впрочем их нет нигде. «Ситроен» это акции, это электрические лампочки на Эйфеловой башне, это железная лента, прессы, кислоты, шины Мишлена, бензин Детердинга, это на прямом шоссе вой и пыль, трепет стрелки, сердцебиение мотора, а людей нигде нет, а люди это только вымысел.

ДОРОГИ.

1.

Автомобили не знают родины. Как нефтяные акции или как классическая любовь, легко переступают они через границы. На скалы Норвегии карабкаются итальянские «Фиаты». В такси «Рено» трясутся по ухабам Москвы неизменно озабоченные спецы. Форд вездесущ, он в Австралии, он и в Японии. Американские грузовики «Шевроле» перевозят суматрский табак и палестинские апельсины. У мадридского банкира немецкий «Мерседес». «Ситроен» — 10 сил в витринах Пикаделли или Унтер-ден-Линден равно останавливает мечтательных прохожих.

Автомобиль пришел доказать самым недогадливым, что земля действительно кругла, что сердце это только поэтическая бутафория, что внутри человека — обыкновенный счетчик: он показывает километры и минуты.

Карл Ланг — шоффер. Он служит в «Универсальной Компании». Он вырабатывает 10, а в удачные дни и 15 марок. Он управляет приличной десятисильной машиной и на стоянках он жует большие черствые бутерброды.

Шофферов на свете много, с каждым днем их становится все больше. Они заменили не только кучеров, но и древних эринний. Форд, Ситроен, Оппель

выкидывают все новые и новые машины. Их хрип требователен. Гевеи истекают соком. Бьет из под земли нефть. Человек бросает вилу или рубанок: он становится шофером.

Отец Карла был рыбаком. Он ловил сельдей. Он знал, когда идет рыба. Он знал, когда подходит шторм. Он знал оттенки воды и близость смерти. У него были тонкие голубые сети и большая семья, но он был счастлив.

Карл понял, что море позади. Карл глядел вперед и он сел за руль.

Он перевозит людей и жует бутерброды. Мотор состоит из многих сотен частей. Город состоит из многих сотен улиц. Карл — часть мотора и часть города. Он нажимает педаль. Он повертывает колесо. Он выкидывает в ночь руку красную как кровь. Направо, налево и снова направо. Тени перебегают через улицы. Они смешны и жалки как сельди. В городе существуют только автомобили. Они торопятся, обгоняют друг друга, они заболевают, они переругиваются наглыми сиренами. Механический счетчик многозначительно бьется. Он ведет счет оборотам колеса и бутербродам Карла.

Отец Карла о многом думал: о ветре, о девушках из домов Сан-Паули, о сварливом нраве Шульца-кабатчика, об императоре Вильгельме, о своей смерти. Он мог много думать: он ведь ловил сельдей.

Карл не думает ни о чем. Сзади — седок. Впереди — хитрая паутина улиц и сигналы. Если он вспомнит о девушке, которую видел вчера возле танцульки, или хотя бы о бутерброде, он сомнет чьи то хрупкие ребра и блестящие крылья машины. Когда он стоит на углу двух улиц, двух длинных улиц с большого плана, двух никому ненужных линий, он уныло дремлет от усталости. Он и не пробует думать: ведь мысли человека еще длиннее чем улицы и незачем начинать: подойдет тень, пробормочет имя третьей улицы, столь же длинной и ненужной, пробормочет число,

и снова замелькают сигналы, дощечки, номера, мечущиеся по мостовой тени, неугомонная стрелка счетчика.

Карл Ланг часто слышит: «скорей». Он не знает, кто его торопит: люди или машина. Почему спешат эти непоседливые тени? И кто торопит их — другие тени или только дрожь мотора? Карл не думает об этом. Он обыкновенный шоффер, а их много, шофферов, все они нажимают педали, выкидывают окровавленные руки и молчат. За них говорят сирены.

Утром в автомобиль Карла садится человек с портфелем. «Скорее». Он проспал. Его будильник отстал на четверть часа. Ему снились кегли и покойный дядя с лиловыми подтяжками. Теперь директор кашлянув скажет: «опять»?.. «На прошлой неделе он также опоздал. Тогда закатилась под комод запонка. А директор так любит порядок!.. Он прыгает в автомобиль. Две марки. Это нарушает весь его бюджет. Это две недели без кино. Все равно — только бы скорее!.. Проезжая мимо башенных часов, он судорожно вздрагивает. А может быть это не он, может быть это мотор. Карл знает одно: Кохштрассе 32а.

Потом он отвозит другого пассажира на другую улицу и в другую контору. Потом в автомобиль вталкивают чемодан. Пассажир кричит: «Потсдамский вокзал! Скорее!..» То и дело выхватывает он из кармана часы. Стрелка разумеется вертится. И пассажир ежится, хоть сегодня жарко. Он ежится, а на лбу его пот. До поезда осталось всего лишь 12 минут. Это не его вина. Он говорил с Вайнбергом об отсрочке векселя и Вайнберг не уступал. Если он опоздает на поезд, этот мямля Вольф снова передумает. Он купит цемент на месте, у Гармана. Тогда — крышка. Вайнберг больше не станет ждать. Тогда — повестка и нищета. Магдебург — его последняя ставка. До поезда 5 минут. Вереница автомобилей пересекает дорогу. Все спешат. Ни один не уступит. Ни один не сжалится. В кулаке пассажира теп-

лая монета. Он боится взглянуть на вокзальный циферблат, который смотрит горько и воспаленно, точь в точь как глаз Вайнберга. Вот он пропал в толпе. Карл его не видел. В руке Карла — монета.

Потом разморенный зноем толстяк вопит: «на биржу»! У толстяка свои заботы: он только что узнал о сегодняшней речи Хувера. Ему наплевать на военные долги. Но теперь его бумаги упадут на десять пунктов. Надо продать их пока не поздно. Напрасно теребил он телефон-автомат. Барышня безучастно отвечала: «все провода заняты». Разве понимает телефонная барышня, что такое биржа? Этот шоффер тоже ничего не понимает!.. Может быть и Левенштейн узнал об этой проклятой речи?.. Если Левенштейн выпустит свою партию — кончено, клей стенки... Что тут за остановка? Карета скорой помощи? К чорту! Он тоже ранен. Он тоже нуждается в помощи. Через день он станет обыкновенным нищим. Скорее!.. Пот капает с толстяка. Это топленое сало. Его воротничек неопрятен. В глазах его, зеленоватых и мутных, как устрицы, отчаянье. Он отсчитывает монеты, а потом роняет их: дрожат пальцы. Тогда он вдруг смеется пронзительно и преглупо: ха, ха, опоздал, честное слово, опоздал!..

Карл стоит на углу и жует бутерброд. За ручку хватается дама. Она не может от волнения открыть дверь и она повизгивает. Без двадцати пять. Он уйдет не дождавшись. Она не виновата: Рудди снова задержал с обедом. А он не понимает. Конечно он уйдет. Он уже, наверное, ушел. К этой дуре из варьете. Она видала карточку: уродка. Она куда интересней. И умнее. И начитанней. Да, но она опоздала. Дама терзает ремень: скорее! Ее губы, нестерпимо красные растягиваются в сигнальный диск. Без пяти пять... Ради бога!..

Потом Карл везет человека в глазной госпиталь. Потом он везет старушку со свертками. Потом он ве-

зет чету на званный ужин. Все торопятся. Все тяжело дышат и все смотрят на часы. Никто не смотрит на Карла и Карл не замечает людей.

Ночью он везет пьяного. Пьяный блаженно мычит. Впрочем он тоже торопится в кабак «Шванеке»: там закрывают позже всех. Надо бы еще выпить! Он боится протрезветь. Он разговаривает с дисками и с тенями. Он гладит железную раму, как бока лошади. Скорее! Еще пять минут и все станет снова ясным, как днем: письмо Анны, намеки Морица, болезнь, пилюли, старость, скука, часы, главное часы... Рюмку и поскорее!..

Карл отвозит автомобиль в гараж и медленно идет домой. У него в кармане восковая бумага от бутербродов: на завтра. Дома ждут его беременная жена, счет за электричество, кусок подогретой свинины и сон, сон пустой, длинный, ненужный, как все пятьсот пересеченных им за день улиц.

В автомобиль Карла садится пассажир. У него нет ни чемодана, ни портфеля. Однако задыхаясь он шепчет: «Кайзердам 268». Он не в силах сидеть спокойно. Он барабанит пальцами по стеклу. Ногами он упирается в стенку: он подгоняет как может ленивую машину. Это самый обыкновенный пассажир. Круглые очки. Бежевая шляпа из фетра. Он не стар и не молод, не беден и не богат. Он один из 4.000.000.

Автомобиль останавливается на перекрестке. Дорога свободна: ни автомобилей, ни пешеходов. Пассажир стучит в оконце. Карл не шевелится. Конечно седок спешит. Все седоки спешат. Для этого и созданы автомобили. Но дорога закрыта: перед ним красный диск. Где-то незримый повелитель двинул рычаг и сразу, как вкопанные, остановились на разных углах

разных улиц разгоряченные автомобили. Мотор тяжело дышет от нетерпения. К его дыханию примешивается дыхание пассажира. Потом вспыхивает зеленый фонарь и автомобиль срывается с места.

Пошел дождь. Сразу завяли сигналы и номера. По стеклу теперь скользит линейка. Она быстро стирает капли. Она хлопотлива и точна: слева направо, потом справа налево. Сердце пассажира устроено куда хуже. Он снял шляпу. Он привстал. Он очень бледен. Уж Кайзердам!.. Но до чего длина эта улица! С тревогой он вглядывается в цифры. Потом, утомленный, он прикрывает глаза. Карл остановился возле указанного номера. Карл ждет, когда же седок сунет в его руку теплую монету. Но седок теперь не торопится. Тогда Карл выходит на тротуар и приоткрывает дверцу. Седок уснул. Он его будит. Он берет его за руку и тотчас же отступает назад: в руке седока приготовленная для Карла монета, ведь седок очень спешил, но и монета, и рука холодны.

Выругавшись, Карл идет к привратнице. Та долго отмахивается: разве он не видит, что она занята? Если она сейчас отлучится, сбежит молоко. Наконец, она выходит к злополучному пассажиру; тот премирно сидит с мягкой шляпой на коленях. Нет, она его не знает. Он не живет здесь. Он здесь и не бывал. В этом доме живут исключительно порядочные люди. Говоря так привратница думает, что умереть в автомобиле чрезвычайно неприлично. Это может попасть в газеты и это похоже на скандал.

Карл везет седока в ближайший пост. Седок больше не барабанит по стеклу и не дышет как мотор на всех обязательных остановках. Его выносят из автомобиля, деловито и быстро. Так выносят возле вокзалов большие чемоданы. Шляпа падает на тротуар. Карл отдает полицейскому шляпу, расписывается под протоколом и нажимает педаль. Он везет нового пассажжира в мюзикхол «Скала».

Потом он снова стоит на углу двух улиц. Он не жует бутерброда. Неожиданно для себя он задумывается: куда спешил тот седок? Да, Карл хорошо помнит, что он спешил. Он даже стучал в окошко. Может быть в этом доме номер 268 его поджидало что-нибудь необычайное: наследство, невеста или первый приз на конкурсе? Ведь пишут же в газетах про разные конкурсы... Он умер наверное в начале Кайзердама. На Кантштрассе он еще стучал в окошко. Вот и не поспел... Почему все седоки спешат?.. Карл морщится от этой мысли, но она длинна, длинна как Кайзердам, а тут подходит новый седок, и Карл сразу забывает обо всем на свете, кроме плана и дисков.

Когда он ночью вернулся домой, он больше не помнил о запоздавшем пассажире. Он жевал говядину и тихо подсчитывал, во сколько ему обойдутся роды жены. Как всегда уснул он среди сцепления улиц, среди лихорадки сигнальных огней, то и дело громко ворочаясь от нудного гудка внизу, под окошком.

28-го июля 1928 года в газете «Моргенпост» была напечатана следующая заметка: «Вчера в такси номер 6817, принадлежащем «Универсальной Кампании» скоропостижно скончался неизвестный человек. На нем не обнаружено никаких документов. Шляпа помечена инициалами «А. О.». Тело его находится в городском морге. Полицией приняты меры к установлению личности покойника». Другие газеты не перепечатали сообщения. Оно вряд-ли заслуживало внимания.

Карл больше ни разу не подумал о глупом происшествии. Карл не думает. Он ведь не ловит сельдей. Нет, он шоффер «Универсальной Кампании».

2.

Земля мала. Это знают все: и Детердинг, и Ситроен, и аисты, и туристы. На этой маленькой земле слишком много людей. Когда-то был потоп. Теперь Голландия осушает Зюдерзе. Когда-то была чума. Люди к ней привыкли и люди выжили. Лаборатории изготовляют живучесть, как сахарин и бодро подхихикивают омоложенные Мафусаилы. А земля не становится больше. На ней теперь тесно, как в универсальном магазине, когда объявлена распродажа. Война кончилась. Люди живут только широкими плечами.

Но вот на помощь человеку пришел автомобиль. Он не дожидается никаких нот, он не требует «14 пунктов Вильсона». Сосредоточенно и деловито очищает он землю. Против него бессильны все прививки и все конференции. Труп быстро увозят на грузовике, машину бережно обтирают и многозначное число определяет очередной протокол.

Сначала это еще называлось «катастрофами». Теперь говорят о «происшествиях». Скоро вовсе перестанут говорить. Молча будут оттаскивать давленину и молча проставлять номера.

Сантиментальные соседки конечно утирают носы и резонер твердит о «новой опасности». В комиссиях обсуждают параграфы правил. Но автомобиль продолжает свое дело. Сэр Генри Детердинг призван создать империю нефти. Г. Андре Ситроен призван изготовлять дешевые автомобили. Шоффер Карл Ланг призван пересекать улицы. Автомобиль честно работает. Задолго до своего рождения, когда он — еще только пласты металла и кипа чертежей, он уже старательно убивает малайских кули и мексиканских рабочих. Его роды мучительны. Он кромсает мясо, слепит глаза, выедает легкие, отымает разум. Наконец он выбегает из ворот на тот свет, который до него звали «белым». Тотчас же отбирает он у своего

мнимого владельца старосветский покой... Вянет сирень, мечутся, агонизируя, куры и мечтатели. Автомобиль лаконично давит пешеходов. Он вгрызается в стену амбара или же, ухмыляясь, летит под откос. Он ни в чем не повинен. Его совесть так-же чиста, как и совесть г. Ситроена. Он только выполняет свое назначение: он призван истреблять людей.

Иоганн Брегер живет в Лейпциге. Это деловой город. Там печатают руководства для молодых химиков, там продают ценные меха, там устраивают социалистические конгрессы. Разумеется, там немало автомобилей. Правда у Иоганна Брегера нет автомобиля. Зато у г. Штосса прекрасный «Мерседес». У г. Штосса кроме того образцовая печатня: он изготовляет высокохудожественные ярлычки для ликеров, для одеколона, для дорогих папирос. Это лучшая печатня ярлыков во всей Германии и г. Штосс вполне заслужил свой «Мерседес». Он вправе гордо гудеть на всех перекрестках. Как истинный спортсмен, он часто сам управляет машиной. Он живет за городом и он любит скорость — 100 в час. Скорость он любит во всем. В его печатне самые усовершенствованные машины. Прессы угодливо нагибаются. Скользят ножи. В течение одного дня г. Штосс может выпустить свыше 800.000 ярлыков. На них — испанки с веерами или разноцветные треугольники. Они прославляют духи «Мой аромат» или ликер «Горная обитель». Их увозят на грузовиках. Г. Штосс уезжает на «Мерседесе». Он понимает, что такое современная реклама и что такое прочные невыгорающие краски. Он один из тех, которые возрождают Германию. Лейпциг деловой город. Лейпциг справедливо гордится г. Штоссом.

Но даже в безупречном Лейпциге опытный глаз корректора замечает порой опечатки. Чем занят тот же Иоганн Брегер? Нужен ли он для возрождения Германии? Он не строит «цеппелинов», не изготовляет анилиновых красок, он даже не продает колбасы. Он занят нелепейшим делом: он изучает старые песни различных племен. Он их сличает. Он пишет труд об единстве темы, о первичности востока, о тождестве чувствований при тождестве ремесел. Это никому не нужно. Из этого нельзя сделать ни граммофонной пластинки, ни занимательного романа, ни руководства для комми-вояжеров, которые захотели бы ознакомиться с психологией народов, покупающих у Германии автомобили или анилиновые краски; ведь Брегер занят песнями, которых никто больше не поет. Он изучает языки, на которых никто больше не разговаривает. Вот хотя бы заговоры «Лужичан». Вместо глупых песен эти честные немцы давно уж насвистывают берлинские фокс-троты.

Какие-то чудаки выдают Брегеру стипендию: 110 марок в месяц. Брегер ест картошку без сала и старается писать убористо, чтобы сберечь бумагу. У него залатанный костюм. У него белокровие и процесс в правом легком. Однако он продолжает работать. Он не знает, что такое «Локарно». Он не знает, что на свете существуют автомобили «Мерседес». Он не знает даже, что Германия возрождается. Весь день он сидит и работает, сняв пиджак, чтобы не протереть его на локтях. Вечером он идет к Эльзе Брехт, которая продает духи «Мой аромат». Сбивчиво он ей рассказывает об индусском мифе, о сербских упырях и о влиянии арабов на образы кастильской лирики.

Г. Штосс тем временем в дансинге «Астория» слушает новые чарльстоны. Рядом с ним тихо повизгивает курносая блондинка: г. Штосс колет ее булавкой от галстуха. Девушка счастлива: она знает, кто ее колет. У входа, охраняемый бдительным оком швейцара, дремлет «Мерседес». Радость блондинки закон-

на: г. Штосс получил на Кельнской выставке золотую медаль. Он заработал за прошлый год 860.000. Его портрет недавно был напечатан в иллюстрированном приложении к самой крупной лейпцигской газете. Когда такой человек забавляется, все кругом счастливы: и лакеи, и девушки, и саксофоны. Ведь г. Штосс возрождает Германию.

Иоганн Брегер напал сегодня на старую кельтскую песню: «Ив сажает яблоню. Когда нет дождя, он поливает ее водой из колодца. Далеко колодец и терпелив Ив. Он ждет много лет. Потом зацветает нежная яблоня. Тогда налетает ветер и ветер вырывает деревцо. Скажи мне, моя милая, чем бы ты хотела быть: терпеливым Ивом или быстрым ветром, тем, что летит с моря? Нет, отвечает девушка, нет, я не хотела бы быть ни терпеливым Ивом, ни быстрым ветром. Я хотела бы быть только нежной яблоней. Она долго растет. Она зацветает. Она быстро гибнет, когда налетает ветер»...

Брегер радуется. Так радуется г. Штосс, когда неожиданно получает заказ на 500.000 трехцветных этикеток. Эта кельтская песня удивительно похожа на песню 16-го века из Эстрамадуры и на две, более поздних, словацких.

Вечером, как всегда, Иоганн идет на Вильгельмштрассе к своей Эльзе. Он расскажет ей о счастливой находке. Он идет и повторяет: «потом зацветает яблоня...». Его толкают встречные. Они закончили работу и спешат по домам. Целый день стояли они у печатных станков или у прилавков, перебирая вонючие шкурки. Они хотят скорее надеть на распухшие ноги мягкие войлочные туфли, нацепить каску и подобно г. Штоссу слушать модные чарльстоны. Они идут, разумеется, по правой стороне троттуара, злоб-

но толкают они Брегера: этот пошляк не умеет даже ходить по улице!..

Иоганн переходит площадь. «Тогда налетает ветер»... Какая это замечательная песня! Она наверное понравится Эльзе. Иоганн смешно шлепает стоптанными штиблетами. Он не слышит гудков. Он не видит предостерегающей руки, которая налита червонной кровью. Он не видит огромных всепожирающих глаз. Он бормочет: «я хотела бы быть только яблоней»... Тогда происходит то, что люди справедливо зовут «происшествием».

Тело Иоганна Брегера увозят в участок. Г. Штосс возмущен. Правда его «Мерседес» невредим. Но он потерял четверть часа на формальности. Он должен был показать свои документы, как будто мало его имени! Дважды он расписывался на длиннейших протоколах. Он достаточно работает в течение дня, чтобы вечером иметь право на отдых. Он хочет сегодня посмеяться в «Астории». Если это был глухой, почему он не глядел на сигналы? Если это был слепой, почему не сопровождала его дрессированная собака? Впрочем это был наверное сумасшедший: в его бумагах значилссь «доктор философии». Ну, да, философ!.. Из тех, что считют звезды и тащут с лотков апельсины. О чем думает лейпцигская полиция?

Книга Иоганна Бергера, о близком выходе которой сообщалось в апрельском номере «Филологических Известий», никогда не будет написана. Вместо нее выйдут другие книги: в Лейпциге много типографий. Эльза так и не узнает о кельтской песне. Впрочем, говоря откровенно, ей давно надоели эти причитания. Вилли из «Дрезденского банка» знает песенки куда поинтересней, например: «мы встретились с Джимом в лифте...» это весело и это с огнем. Под это так хорошо танцевать...

«Мерседес» победоносно рычит. Шоффер тщательно зымыл его лакированные крылья. Глаза его

широко раскрыты. Они впиваются в темную улицу. Иоганна больше нет. Карлы и Вилли шарахаются. В витринах ночных кабаков деликатно светятся ликерные бутылки. Где то высоко в небе вспыхивает имя нового одеколона. Г. Штосс умилен: это солидный заказ, 300.000, японка в кимоно, золотой бордюр. В «Астории» ждет его блондинка. Сегодня он ее примнет, как того...

Мотор «Мерседеса» и сердце г. Штосса бьются созвучно. Оба мощны и оба прекрасны. С каждым поворотом их родство укрепляется.

Час спустя, выпив бутылку шампанского, г. Штосс кричит как гудок: о! о! Девушка богомольно бледнеет. В груди г. Штосса — сорока-сильный мотор. Его глаза едки и страшны. Это два прожектора. Их зияние видел умирая Иоганн Брегер.

2.

В Риме жил Бенито Муссолини. Он мечтал о великой итальянской империи. Он принимал парады, произносил речи и уничтожал врагов. В Риме жил также Маттеотти. Это было ошибкой. Маттеотти не мог жить рядом с Муссолини: он ненавидел великую империю и что ни день насмехался он над воинственными монологами. Муссолини верил в торжество итальянской индустрии и в гражданский мир между рабочими и работодателями. Владельцы автомобильного завода «Фиат» не возражали. Они знали, что означает этот гражданский мир. Муссолини командовал. Чернорубашечники кричали «эйа». Рабочие работали.

Но работая рабочие всеже не мечтали о великой империи. Одобрительно они посмеивались, читая едкие статейки Маттеотти. Они ведь были обыкновенными рабочими, мало чем отличаясь от рабочих Оппеля или Ситроена. Маттеотти тоже был обыкновенным соци-

алистом. Споря с противниками он ссылался на резолюции международных конгрессов. Он не хотел понять, что Италия это Италия и что Муссолини это Муссолини

Муссолини руководил высокой политикой. Он был вождем и он не мог заниматься хозяйственными мелочами. Этим занимались его помощники. У одних были министерские портфели, у других только партийные билеты и денежные пособия. Думини заведовал истреблением врагов. Синьор Филиппели издавал газету «Корьерре Итальяно», которая ежедневно писала, что Бенито дивен и бессмертен. Работа синьора Филиппели была куда чище работы Думини и рука, которой синьор Филиппели стучал по мраморному столику кофейни, была нежной, пухлой рукой.

Маттеотти написал еще одну статью. Он произнес в Палате Депутатов еще одну речь. Рабочие где то вполголоса поддакивали. Думини понял, что настало время действовать. Думини не гнушался никакой работой. Он стал обдумывать, как бы устранить Маттеотти. Он советовался с опытными чернорубашечниками. Он готовился к решающему дню тщательно и сосредоточенно, как в свое время готовился Бенито Муссолини к походу на Рим. Думини хорошо знал свое дело.

Он сидит и думает. Он не на шутку озабочен: у Маттеотти не мало сторонников, его знают и заграницей. Здесь трудно избежать огласки. Вдруг лицо Думини проясняется — он вспомнил: на свете существуют автомобили. Правда Муссолини любит прославлять труд землепашца и буколическую поэзию. Но Муссолини отнюдь не враг машин. Он знает, что без великой индустрии нет великой Италии. В Риме — Колизей и аэродром, лавченки антикваров с поддельными древностями и химические лаборатории, в которых изготовляют самые усовершенствованные газы. В Риме для всего свое место. Муссолини чтит капитолийскую волчицу. Он чтит также моторы «Фиата». Благословляя сейчас автомобиль, Думини

отнюдь не впадает в ересь. Он правоверный чернорубашечник. Его прадеду пришлось бы подсыпать в вино порошок или, прикрыв плащом лицо, пробираться по ночным закоулкам. Думини благословляет новый век. Только сейчас он понял всю красоту стихов Маринетти. Под Римом немало пустынных мест, хотя бы Куартателя, а у синьора Филиппели превосходный автомобиль.

Синьор Филиппели в знак согласия одобрительно помахивает пухлой ручкой: враги Бенито должны погибнуть! Его автомобиль будет прославлен потомством, как древняя квадрига. Но конечно он не Думини. У него чистая работа. Он даст автомобиль; сам он останется дома. Он будет ждать Думини в редакции. Он протягивает другу руку, нежную, белую руку: счастливой дороги!..

Июньский знойный день. Счастливые римляне несутся в автомобилях к холмам Албано или к побережью Остии. Оставшиеся в городе пьют лимонад и громко вздыхают. Как всегда, спекулянты в пассаже толкуют о лире и о партии заграничных чулок, англичанки зарисовывают храм Весты, шофферы на перекрестках узеньких улиц лениво отругиваются и, забытые среди великолепных развалин, истошно кричат бездомные кошки. Те, что против великой империи, утешаются дешевым мороженым: зной мешает им думать. Фашисты не отстают — с такой же мечтательностью замирают они возле кадки мороженщика; на них черные рубашки, они конечно любят солнце Италии, но они сильно потеют, они не могут даже прокричать «эйе», их клонит ко сну.

Бенито Муссолини презирает и сон, и мороженое. Он думает о своей империи. Его мысли куда шире узких улиц и узкого полуострова. Он думает о Савое, о Тунисе, о Далмации, о Мальте. Да, он призван возродить эту страну живописных развалин и невзыскательных фокусников! Он превратит любого

торговца кораллами в античного легионера. Рим един и он только в Риме.

Мечты Муссолини чванливы и громоздки, как арки древних императоров. Он видит себя под такой аркой. Он, разумеется, не на колеснице: он в открытом автомобиле. Ведь в его руке теперь скорость; то, на что строители Рима положили столетья, он должен выполнить в несколько лет.

Автомобиль синьора Филиппели пробирается по узким улицам. В нем Думини, а с ним четыре преданных делу фашистов. Один у руля — шоффера пришлось оставить дома: это обыкновенный шоффер и, кто знает, не поддакивает ли он, читая статьи Маттеотти?.. Автомобиль синьора Филиппели подъезжает к набережной Микель-Анжело. Здесь он останавливается. Это большой хороший автомобиль, выкрашенный в красный цвет, что свидетельствует, разумеется, не о политических воззрениях синьора Филиппели, но только об его редкостной жизнерадостности.

Маттеотти, как и Муссолини, работал несмотря на жару. Он должен был вскоре уехать на несколько дней в Австрию. Наконец-то ему выдали заграничный паспорт. Он обдумывал тактику европейских рабочих. В Германии революция проиграна. В Италии — Муссолини. Но Англия просыпается. Матеотти взвешивал шансы сторон. Что несет объединение тяжелой индустрии? Как отразится усиленная рационализация? Судьбы рабочих «Фиата» казались ему тесно связанными с судьбой Европы. Его мысли, как и мысли Муссолини, не умещались на узком полуострове. Он смеялся над арками триумфаторов. Разве не оказались сильнее этих бронзовых полубогов какие-то нищие сектанты из порабощенной и невежественной Иудеи?

Меттеотти подготовлял новую речь. Он покажет, куда ведет страну Муссолини... Он писал и курил за папиросой папиросу. Исписав лист, он снова, не глядя, протянул руку к коробке и поморщился: папирос больше не было. Он сказал жене: «я сейчас вернусь»... Быстро шагал он по пустынной набережной. Он продолжал обдумывать свою речь. Он должен торопиться — пройдет еще несколько недель и Муссолини разгонит Палату, закроет газеты, зажмет всем рот. Послезавтра он подвергнет разбору последние финансовые мероприятия правительства...

Маттеотти обступили неизвестные ему люди. Они были не в черных рубашках, но в обыкновенных люстриновых пиджаках. Быстро подхватили они Маттеотти и втолкнули его в красный автомобиль. Тот, что сидел у руля, видимо, знал дорогу. Он дал полный ход. Мотор весело фыркал.

Редкие встречные с завистью косились на пролетавшую мимо машину: они не сомневались, что красный автомобиль везет счастливцев за город, где горняя прохлада или морской ветерок. Автомобиль обдавал их гудом и пылью. Они меланхолично отряхивались.

А внутри автомобиля шла борьба. Она длилась недолго. Маттеотти страдал чахоткой и он был очень хил. Рука его умела водить пером, но никак не сдавливать горло. Он все же пробовал сопротивляться. Ему даже удалось схватить ручку дверцы. Тогда Думини достал нож. Думини — не синьор Филиппели: он на все мастер. Кричать Маттеотти не мог: ему сразу забили платком рот. Бесшумно сполз он на коврик. Он только замарал кровью сиденье. Автомобиль со счастливыми дачниками мчался за город.

Вот и Куартареля! Здесь нет ни туристов, ни прохожих, ни пастухов. Только низкий колючий кустарник и солнце. Молча вытаскивают люди труп, молча волочат его в сторону, подальше от дороги. Здесь!.. Они начинают копать яму. Это великий

труд, достойный прославления Муссолини и всех поэтов «страпаезы», то есть «сверхземли»: он ведь сродни труду землепашца. Но вырыть яму куда труднее, нежели прирезать человека. Земля суха, земля жестка, а солнце, падая, все еще льет на головы непереносимый зной. Яма узка и мелка. Чтобы зарыть труп, люди его сгибают и мнут. Они ломают хребет. Потом они судорожно отряхиваются и вытирают мокрые лица.

Красный автомобиль теперь мчится к городским воротам. Счастливые люди уже надышались сельской свежестью. Один за другим пропадают убийцы в узеньких уличках. Думини подъезжает к редакции «Корьере Итальяно». Из редакции давно уж ушли и репортеры и машинистки, только синьор Филиппели ждет не дождется Думини.

Тяжело дыша от духоты и усталости, Думини рассказывает. В общем все обошлось благополучно. Вот только сиденье запачкано. И потом на набережной стояли какие-то женщины. Может быть они и заметили... Ведь Маттеотти упирался...

Синьор Филиппели хмурится. Сиденье можно, конечно, отмыть. Завтра «Корьере Итальяно» напишет, что Маттеотти уехал в Австрию, не предупредив даже жены. Вот они, социалистические повадки! Но как быть с очевидцами? Газеты оппозиции еще не закрыты. Эти хитрецы могут, чего доброго, дознаться... Автомобиль нужно, пока что, убрать, и подальше.

Синьор Филиппели отвозит красный автомобиль в маленький гараж. Пусть здесь стоит. Может быть неделю. Может быть и месяц. Гаражист услужливо улыбается: у синьора роскошная машина, синьор наверное не поскупится на чаевые. Гаражист прав: синьор Филиппели на сей раз очень щедр.

Думини моется, меняет рубашку и направляется в кофейню. Он пьет лимонад.

На Рим спустилась благодетельная ночь. Ожили люди. Ожили развалины: они снова стали банями, цирком, храмом. Те, что говорили о чулках теперь молчат: они смотрят на женские ноги. Плавно кружится летучая мышь. Англичанки больше не рисуют, перед ними только луна, большая, чуть придурковатая луна она все та же, здесь и в прохладной Англии. Шофферы режутся в карты. Сейчас все смешалось в Риме: храм Весты и кафэ «Аранья», черные рубашки и бронза кантавров, мрамор и бетон, тоска и зеленоватая пыль. Все безмятежно притихает.

Только в высокой, пустой комнате один человек еще работает. Чтобы создать великую империю, мало клятв легионеров, нужен экспорт. Италия подымается на ноги. Автомобильная индустрия уже начинает соперничать с Францией, даже с Америкой. Удовлетворенно Муссолини просматривает колонки цифр. Рабочие работают. Гражданское согласие побеждает.

Рим и впрям черен, нежен, тих. В нем больше нет Маттеотти. Изредка среди ночи раздается легкий вскрик, но это или мяукание кошки, или гудок запоздавшего автомобиля.

4.

Исчезнувшего маклера долго искали. Он скрылся с чужими бриллиантами и с деньгами г. Состера, полученными им по краткосрочному векселю. Его искали и в ночных кабачках, и в пароходных конторах. В лесу его, разумеется, никто не искал. Что станет делать растратчик среди оврагов и деревьев? Маклера так и не разыскали. Но в лесу Армевильер были случайно обнаружены обугленные кости и клочья пиджака. Кости у всех людей одни, пиджаки, однако, разные. Это были клочья того самого пиджака,

в котором исчез злополучный маклер. Жандармы допросили местных жителей. Кое-кто видел на дороге автомобиль шоколадного цвета.

Тогда начали искать автомобиль. Автомобили все разные, как и пиджаки. У гаражиста Пазена в Ла-Вальер найден был автомобиль шоколадного цвета. Он принадлежал парижскому ювелиру Шарлю Месторино. Но Пазен ответил полиции, что в тот день, когда исчез маклер, шоколадный автомобиль не выезжал из гаража.

Кости маклера похоронили. Шли дни и ночи. Днем Шарль Месторино глядел в лупу на граненные камешки. Ночью он ворочался и кричал со сна. Жена спрашивала его:

— Ты болен?

Он отвечал громко и раздельно:

— Нет. Я не болен.

Он снова засыпал и снова вскрикивал. Он не мог забыть шоколадного автомобиля. Это длилось шестнадцать ночей. Потом его арестовали. Когда пришел бригадир Мужель, жена Местерино упала перед мужем на колени и закричала:

— Шарль, прости меня!

Этого крика никто не мог понять. Ведь жена Местерино была невинна.

Шарль Местерино итальянец, но он никак не похож на Думини. Он не помышлял о великой империи. Он не получал свыше ни пособий, ни инструкций. Он был всего навсего средней руки ювелиром с красивой женой и с неоплаченными векселями. Он торговал в Париже бриллиантами.

От этих крохотных камешков зависит судьба тысяч и тысяч людей. В Южной Африке на алмазных приисках работают кафры. Они работают много

лет. Они работают до смерти. Прииски окружены электрической стеной. Это ток высокого напряжения. Возле смертоносной ограды для назидания беглецов белеют человеческие кости. Потом камни сортируют и взвешивают. Потом их отсылают в Амстердам. Там помещается бриллиантовая биржа мира. Тусклые камешки переходят из рук в руки. Они обогащают одних, разоряют других. Они превращаются в сорокосильные автомобили или же в заунывный катафалк седьмого разряда, без речей и без венков. Потом камни попадают на фабрику. Там их шлифуют алмазной пылью. Их шлифуют грязные, бородатые евреи с ветхозаветной тоской и с гноящимися глазами. Весь день они не расстаются с лупой. Перед ними камешки, которые стоят каждый 10.000 флоринов. Шлифовщик вырабатывает 6 флоринов в день. Чтобы отшлифовать хороший камень нужен месяц работы. Слезятся подслеповатые глаза и с каждой слезой бриллиант все растет и растет в цене. Потом камни покупает оптовик; он перепродает их ювелирам. Кровь замученных негров, озноб биржи, гной шлифовщика становятся кольцами или ожерельем. Это скальпы поверженных конкуррентов на мясистой шее супруги г. Иенсена, владельца универсального магазина в Готтеборге. Это справка о социальном положении г-жи Терезы Терри: колечко должно свидетельствовать, что она действительно близка с г. директором страхового общества «Феникс». Это буколические игрушки семидесятилетней леди Хайнс, которая пахнет «шипром», камфорой и могилой. Это звездный небосвод любого светского раута — вот они, любуйтесь: Кассиопеи нефти, Плеяды железа, Веги каучука!

Шарль Местерино покупал небольшие бриллианты посредственной игры. Он продавал их конечно не Леди Хайнс, а красноруким половинам строительных подрядчиков или же дивам из «Фолли-Бержер». Один карат .. Два карата... Одна — две тысячи ба-

рыша... Он мог купить шоколадный автомобиль. Но он никак не мог купить своей красавице жене достойного ее ожерелья.

Жену Местерино звали нежно: «Лили». Они встретились давно, еще до войны. Это было на балу в «Мулен-де-Галет», среди шиньонов Нана и сантиментальных канканов. Месторино выбрал Лили, но Лили выбрала богатого бразильца. Это похоже на чувствительный довоенный романс, это было, однако, заурядной биографией. Лили благополучно вышла замуж, а Месторино уехал в Италию — воевать с австрийцами. Когда кончилась война, он вернулся в Париж. Он остался верен Лили и Лили это оценила. Она променяла богатого бразильца на скромного, но преданного ей Шарля. От первого мужа у нее остались кольца, браслеты, ожерелья. У нее осталась также привычка к жизни легкой и беззаботной.

Ювелир Месторино любил жену и он старался стать богатым как бразилец. Но бриллианты не приносили ему счастья. Может быть он не знал толка в камнях. Может быть он не знал толка и в жизни. За один год он потерял 85.000 франков. Ему пришлось заложить драгоценности несколько удивленной Лили. Он жил на авось. Перед ним сверкали бриллианты напыщенно и надменно. Он старался изучить этот блеск. Его жизнь была тускла и суетлива. Он попал в водоворот. Он брал взаймы у одного, чтобы расплатиться с другим. Он ненавидел эту жизнь, но изменить ее он не мог. Шарль Месторино был не философом, а маленьким ювелиром.

Он купил у г. Состера камень за 35.000 франков. Он заплатил векселем. Он рассчитывал перепродать бриллиант с хорошим барышом. Но ему нужны были деньги и два дня спустя он продал этот камень за 25.000 наличными. Правда, он рассчитался с некоторыми кредиторами. Но у г. Состера остался вексель. Пришел срок платежа и г. Состер поручил маклеру Трюфему взыскать с Месторино 35.000.

Гастон Трюфем пришел с векселем рано утром. Что мог Месторино ему ответить? Он сказал:

— У меня нет денег. Зайдите через несколько дней.

— Но деньги должны быть внесены сегодня.

Месторино развел руками.

— Чтож, зайдите тогда попозже. Я попытаюсь где-нибудь раздобыть...

Когда Трюфем ушел, Месторино не побежал к своему банкиру. Он даже не подошел к телефону. Он не стал просить знакомых ювелиров, чтобы они его выручили. Он хорошо знал, что больше никто ему денег не даст.

Потом Трюфем пришел и потребовал 35.000. Тогда Месторино молча кинулся на Трюфема и начал его душить. Он был сильнее маклера и быстро с ним справился. В сумке Трюфема лежали чужие бриллианты. Трюфем кричал:

— Возьмите все! Только оставьте меня!.. Нельзя убивать человека из-за нескольких тысяч!

Гастон Трюфем немало видел на своем веку. Он пережил войну. Он был ранен под Верденом. Он должен был знать, что убить человека очень легко. Но он хотел жить и он кричал Местерино:

— Нельзя убивать!.. Нельзя!..

Это было днем в конторе Месторино. Рядом за стеной находились рабочие и конторщики. Они все слышали, но никто из них не вступился за Трюфема: у хозяев свои счеты. Они получали небольшое месячное жалованье и ничего не смыслили ни в ценах на бриллианты, ни в векселях, ни в причудах Лили.

Местерино шагает по комнате, он подходит к окну. отодвигает стул. Он говорит со своей невесткой. Он спрашивает, берет счета, отдает распоряжения. Но он мертв, как мертв Трюфем. Он мертв от страха. Он

видит перед собой игру каратов, оскал Трюфема и нож гильотины.

Тогда то вспоминает он о шоколадном автомобиле. Его расползшееся лицо сжимается и твердеет. Он зовет одного из рабочих:

— Ступайте в москательную лавку и купите там холста на обертку. Метров шесть или деже семь. Лучше семь. И веревку — двадцать метров.

Месторино сейчас сух и деловит. Он упаковал труп Трюфема сначала в плотное шерстяное одеяло, потом в холст. Он стащил этот нелегкий груз с пятого этажа. Он стащил его один. Он положил мешок в шеколадный автомобиль. Он поехал домой в Ла-Вальер. Там они переночевали все трое: Месторино, Трюфем и автомобиль, среди тишины и собачьего лая, под потной взволнованной луной.

Утром Месторино поехал в Бри-Конт-Робер. Он купил там четыре бидона бензина. Потом он свернул по направлению в Арменвильер.

Была ранняя весна. В лесу гнили прошлогодние листья и томительно набухали первые почки каштанов. Лес пах сыростью и детством. Шарль Месторино когда то ходил в лес — собирать землянику. Это было давно — до бриллиантов и до Лили.

Шоколадный автомобиль остался на дороге. Месторино поволок труп в чащу. Он облил его бензином и зажег. Он глядел на пламя с ужасом и с надеждой. Он готов был поклоняться всеочищающему огню. Наконец то Гастон Трюфем исчез!

Месторино не знал, что в овраге была вода и что пиджак Трюфема так и не сгорел до тла: от него остались клочья. Он сел в автомобиль и быстро уехал прочь. Он повстречал сначала женщину, затем велосипедиста, затем грузовик. Его лица никто не мог различить: он быстро проносился мимо, весь обволакиваемый облаком пыли. Но автомобиль?.. Шоколадный автомобиль?..

Месторино идет к гаражисту Пазену. Трюфем исчез в понедельник. Месторино просит Пазена:

— Если вас станут спрашивать, скажите, что мой автомобиль оставался в гараже с субботы до вторника.

У Пазена ярко малиновое лицо и грудь на выкат. Он игриво хохочет:

— Интрижки, господин Месторино, интрижки!..

Месторино не отвечает. Он достает из бумажника 13.000 франков, все, что у него есть и молча дает он ассигнации Пазену. Тот сразу перестает смеяться, и молча сует бумажки в карман.

А служащий, этот маленький Бояр? Ведь Бояр может проболтаться? Впрочем Месторино оставил вчера в портфеле автомобиля несколько бриллиантов. Сейчас он заметил, что двух мелких не достает. Ему незачем разговаривать с Бояром: тот сам оценил свое молчание в столько-то тысяч.

Месторино несколько успокаивается. Он идет в контору. Он пытается даже работать. Он нашел в сумке Трюфема много камней, примерно на 50.000 франков. Но дела Месторино не поправились. Он продал всего два камня. Вырученные деньги он отдал Пазену. По прежнему днем — долги, счета, звонки кредиторов. А ночью — оскал Трюфема, лесная сырость, шоколадный автомобиль и ничего не понимающие, широкие от ужаса глаза дорогой Лили.

Вот уж какие то возчики нашли клочья пиджака. Все газеты теперь пишут об одном: о шоколадном автомобиле. Рыщут сыщики, в лабораториях исследуют следы пальцев, полицейские собаки нервно нюхают воздух и роют землю. Идет охота. Шоколадный автомобиль! Его даже нельзя перекрасить — кто же из соседей не знает, что у ювелира Месторино шоколадный автомобиль?

Месторино больше не смотрит на камни. Он берет лупу, только когда входит посетитель. Когда он один, он читает газеты; все газеты: утренние, полдневные, вечерние; что ни час в Париже выходит новая газета и что ни час бледнеет Месторино: он уже слышит шаги сыщиков, тяжелое дыхание собак. Он перестал разговаривать. Он кажется перестал дышать. Его больше нет. Вместо него — шоколадный автомобиль. Этот автомобиль все растет и растет. Вот он — тюремная карета. В ней везут арестованного Месторино. Толпа злобно улюлюкает. Внутри темно. Только дыхание мотора. Тот, другой, в одеяле и в холсте молчал... Автомобиль все растет. Теперь это огромный фургон. Дверца раскрывается. Оттуда выходит корректно одетый господин. Он очень вежлив. Он улыбается. Он достает из фургона багаж. Но это не сундук, не корзина. Месторино вздрагивает. Он понял, что привезли в этом фургоне. Вот и толпа у ворот. Девушки, фотографы, ювелиры. Блестит нож. Корректный господин устанавливает гильотину. Месторино прикрыл руками лицо. Его никто не спасет, ни Лили, ни невестка, ни Пазен!.. Он сжег маклера. Он поплелся на похороны обугленных костей. Он дал Пазену 13.000. Но автомобиль, шоколадный автомобиль! Он надвигается. Он хрипит. Мотор... Сыщики... Собаки...

Месторино протягивает к дверям руки. Тогда входит бригадир Мужель и накладывает на вытянутые руки новенькие блестящие наручники.

У ворот давка. Подъезжают «Испано-Суизы» и «Ройс-Рольсы». В них надменные, гладко выбритые шофферы, японские плосконосые собаченки и дамы, нарядные дамы. Барышники перепродают билеты. Кто то визжит: «это безобразие! Для меня оставили

два места!» — «Скорее, Рене, мы и так опоздали»... Собаченки остаются с шофферами. Дамы спешат в зал. На ходу они здороваются друг с другом:

— Ах это вы, Люси! Я вас не узнала в этом манто. Вам кто достал билеты? Наверное Шарль? Шалунья!.. Сегодня, кажется, будет довольно забавно...

— Да, Шарль сказал, что будет большой день. Посмотрите и Бонэ здесь. Весь Париж!

Это не балеты Дягилева и не генеральная репетиция пьесы Жироду. Это унылая судебная зала. Но сегодня здесь судят Шарля Месторино. Могут ли Люси или госпожа Бонэ пропустить такое зрелище?..

Невестка Месторино плачет. Председатель кричит: «вы успеете плакать после», — зал смеется. Жена Месторино пыталась отравиться гарденалом, зал пожимает плечами: «комедиантка» — и зал снова смеется. Прокурор театрально восклицает: «я принужден требовать его голову», — и зал рукоплещет.

На дамах, разумеется, бриллианты. Эти камни не украдены. Они получены к свадьбе или к именинам. Дамы никого не убивали. Они так добры! Люси даже не может ударить свою собаченку. А кафры? А электрический ток? А слепой шлифовщик? Но ведь это политика! Ею дамы не занимаются. Дамы просто за нежные чувства и за обыкновенную мораль. Вместе с прокурором требуют они головы убийцы.

На скамье подсудимых полулежит Месторино. Это ком мяса, одетый и причесанный. Изредка он мычит. Его приподымают жандармы. Он волок по ступеням винтовой лестницы труп Трюфема. Теперь он сам труп. Но его не хоронят. Его судят.

Вот председатель «Содружества парижских бриллиантщиков». Он возмущен коммерческой низостью Месторино — смерть! Вот г. Состер. Он так и не получил по векселю 35.000 — смерть! Вот мать Трюфема. За того — этого. Смерть! Вот гражданские истцы. Они хотят получить 100.000 франков и в придачу еще одну голову. Вот прокурор. Он напомина-

ет — Трюфем кричал: «нельзя убивать человека». Следовательно надо убить Месторино. Деловые басы ювелиров и очаровательное сопрано Люси, все сливается в одно песнопение: смерть, смерть, смерть!

В зале духота июньского полдня и нежный бред женских головок: бритый затылок, рюмка рома, фургон, г. Дейблер, резкий блеск лезвия. А у ворот автомобили. Они всех цветов: серые, сизые, желтые, кубовые, кирпичные и шоколадные; да, среди них имеются и шоколадные. Это вполне приличная масть. Автомобили ждут добычи. Вот уж едет новый маклер с векселем в портфеле. Вот уж новый Месторино спешит за город с тяжелым мешком. Толпа кричит: «голову, голову!..» Отчаявшиеся снова проверяют револьверы, мешают порошки, точат ножи. Они рубят, крошат, шинкуют теплое мясо. В автомобилях спасаются убийцы. В автомобиле разъезжает по счастливой Франции г. Дейблер с блистательным багажом. Скорее убить! Скорее отрезать голову! Скорее! Ведь жизнь так коротка.

5.

Борис Игнатьевич К....., несмотря на молодые свои годы занимает ответственный пост. Он работает в «Нефтесиндикате». Несколько раз бывал он заграницей в командировках. Ему привелось даже беседовать с сэром Генри Детердингом. Они говорили сначала о лондонских туманах, потом о пяти процентах скидки. К..... показал себя хорошим дипломатом. Сэр Генри и улыбался, и хмурился.

К..... побывал и в Америке. Оттуда он вывез сложный аппарат под названием «диктофон» и некоторое волнение. С жаром рассказывает он о заводах Форда, об усовершенствованных ваннах и о разумном ведении конторских книг. Он добавляет:

— Конечно мы должны вложить другое содержание, но методу следует учиться...

В своем отделе он поставил все на американский лад. Он сократил число сотрудников, уточнил обязанности каждого, упростил делопроизводство. Он ненавидит длинные заседания и пухлые отчеты. Он доказал, что можно работать без мух в чернильнице, без хвоста посетителей в передней и без дискуссий. Его называют шутя «янки с Арбата». Он не обижается. У него нет времени на обиды. Нефть — основное богатство Советского Союза. Надо уметь ее добывать. Надо также уметь ее экспортировать.

Мало кто из товарищей знает что либо о личной жизни К..... Он вовсе не замкнут. Просто он занят. Кроме как о своей работе, он редко с кем говорит. Он получает широкий оклад, но живет скромно, не кутит, не играет в карты, да и не франтит. Правда одет он хорошо, по заграничному, но все это вывезено из Лондона или из Берлина: широкие пиджаки, широкие штаны, широконосые ботинки. Шляпы К..... не носит даже в сильный мороз, а бреется каждое утро, чем немало смущает всех сотрудников отдела.

В распоряжении товарища К..... находится хоть почтенный, но крепкий еще «Форд». Как бы мог он управиться без машины? В течение одного дня — три-четыре заседания и все в разных концах города. Часы К..... расписаны за много дней вперед. Он никогда не опаздывает. Он горд точностью — не своей, «Форда». Он сам управляет. Автомобиль также его отдых. Иногда в праздники он уезжает за город. Колеса вязнут в грязи и К..... кряхтит подталкивая машину. Он проклинает тогда русские дороги и русскую лень. Доезжал он даже до Твери, в мечтах швыряя на иззябшие поля то завод, то колею, то элеватор и страша невинных российских коров.

Откуда взялся такой человек в Москве, среди драных извозчичьих тулупов, среди чаепитий и диспутов о новом быте? Да он и не пришлый. Он коренной москвич. Он вырос на Арбате, точнее в Николо-Песковском переулке. С одной стороны был дровяной

склад, с другой пивная, где студенты, отрыгивая пивом, подолгу спросил, оправдал ли Леонид Андреев Иуду или не оправдал? К..... был тогда мальчишкой. Он решал задачи на проценты и кидал в барышень крепко слепленные снежки.

Когда он стал подрастать, началась война. Все кругом зашаталось. Он так и не успел ни с чем сжиться. Поэтому революция его никак не удивила. Она не была его делом, но сразу стала его жизнью.

Все, что было до революции, К..... слегка презирает, как допотопные автомбили ввиде фаэтонов или как платья с шлейфами. Он конечно помнит и казаков, которые с гиком разгоняли толпу, и стихи декадентов, и шопот: «Толстой написал против смертной казни...». Но все это ерунда, о которой смешно думать, когда существуют на свете нефть, экспорт, Америка и настольный блок-нот с расписанными часами, даже получасами.

В одном из ящиков его рабочего стола, среди газетных вырезок и американских «магазинов», хранится полувыцветшая фотография. Это родители К..... Они снялись после свадьбы. Стоячий воротничек, портбукет, женщина застенчиво улыбается, а на столике раскрытая фотографом книга.

Нападая случайно на эту карточку, К..... каждый раз усмехается: эх!.. Книжка наверное Михайловский или Лавров. Читали вслух по общине и между двумя главами клялись друг другу в любви по гроб. Отец К..... был народником, боготворил мужика, а вот когда упразднили сословие присяжных поверенных, сразу закис и начал поджидать каких то мифических генералов. Ну а мать, та зачитывалась дневником Башкирцовой и все говорила о любви: какая настоящая, какая ненастоящая? Муж ее ездил к цыганкам и баловался с горничными; она плакала, потом все прощала и только допрашивала: настоящая или ненастоящая? К..... усмехается: чудаки! Ста-

рые «Форды»! Нет, того смешнее: орловские рысаки из романса!

Жизнь К..... налажена и крепка. Он не знает ни разуверения, ни слез, ни тоски. Сначала он сражался с поляками, теперь налаживает экспорт нефти. Он мало думает о судьбах революции. Это, разумеется, чрезвычайно интересная тема, но у К..... нет времени: он работает на революцию. Пусть думают об этом другие. Раз в неделю он ходит в кино. Ему нравятся американские комические картины. Они откровенно глупы и, глядя на них, можно вовсе не думать, можно просто смеяться, как просто ржут лошади или кукарекают петухи. Зачем в кино думать? Это — отдых, один раз в неделю, полтора часа. Думать нужно в рабочее время и не о какой то старухе, которая сдуру выдала городовым своего сына, но о деле, то есть о нефти.

В кабинете К..... стоит, наводя трепет на посетителей, американский диктофон. Когда кончаются занятия и К..... остается один, он еще подолгу беседует с тишиной опустевшей канцелярии. Он диктует то отчет, то статью для «Экономической Жизни», то текущую корреспонденцию. На утро машинистка, товарищ Егорова, нацепив прозрачную каску, садится к «Ундервуду». Она слышит ровный, чуть насмешливый голос товарища К.....: «это относится также и к нашим переговорам с Испанией, где, как известно, осуществлена госмонополия на нефть. Точка. Красная строка». К..... в это время далеко, на Садовой — снова срочное заседание...

Но несовершенен человек, даже такой К..... Имеется и у него слабость, о которой не догадываются его сотоварищи: он любит женщин. Он любит их просто, грубо, не одну какую нибудь, нет, всех, любит до внезапной рассеянности во время заседаний, до приступов меланхолии, до мигрени. Он пробовал всячески избавиться от этого зазорного недуга. Года два тому назад он взял и женился — сразу, не тратя вре-

мени на то, как и на ком. Вот женится и будет жить с женой. Все так живут. Это проще и скорее. Но жена оказалась мещаночкой с мечтами о французской косметике и с книжкой Романова под подушкой. Вскоре они разошлись. Тогда К..... обратился к знакомому врачу. Тот, постучав по коленкам, прописал души и бром. Но лечение не помогло. К..... томился. Простите, товарищи, но у него решительно нет времени, чтобы заводить амуры с советскими барышнями! Взять девушку с Тверской? Это никак не согласуется с его воззрениями: причем тут червонцы? Он ведь не герой Леонида Андреева. Он новый советский человек.

Сейчас К..... повезло: недавно при испытании грузовиков он познакомился с Мусей Г...... Муся — делопроизводительница автомобильного завода «Амо». У нее голубые глаза и веснушки. Впрочем это неважно. Она — женщина.

Он знал : всех женщин, даже тех, что признают технику и спорт, даже комсомолок с носками и с «Лигой Времени», надо долго заговаривать. Ничего не поделаешь: до подлинного коммунизма еще далеко и за все теперь приходится расплачиваться. Той, с Тверской — червонец, этой — несколько глупеньких слов, от которых тошно и стыдно, как стыдно от слез в трамвае или от скрипки в ресторане, среди отрыжки и битков. Переделать себя он не мог. Он не говорил с Мусей о своих чувствах. Он и не читал ей стихов Есенина. До этого он не дошел. Но все-же пришлось положить на подготовку пять или шесть вечеров. В блок-ноте стояло большое томительное «М». Он ездил в Сокольники, где жила Муся, и до двух часов работал. Он говорил с Мусей обо всем, кроме того, что должно было занимать их обоих. Он рассказывал ей о диковинках Америки, о подъемных кранах, похожих на жирафов, о небоскребах, даже о джаз-банде в негритянских кабачках Гарлема, которые пахнут гнилы-

ми ананасами, черным потом и сивухой. Голубые глаза Муси ширились и тускнели.

На шестой вечер, закончив рассказ о боксере Джемпсей, К..... спросил вежливо, но деловито:

— Муся, теперь вы согласны?..

В ту ночь он вернулся домой очень поздно, под самое утро. На автомобиль косились милиционеры, северные звезды и трамвайные рабочие с фонариками, загадочными как огненные бегонии. К..... не смотрел ни на фонари, ни на звезды. Проспав три часа, он принял холодный душ и несколько раз удовлетворенно фыркнул. На службу он, разумеется, не опоздал. Он работал как всегда хорошо. Он больше не думал о какой-то девушке с веснушками и с глупыми расспросами: «скажи, тебе хорошо?»... Нет, он думал о деле, то есть о нефти.

Маленькая комната. Узкая складная кровать. На столе крошки хлеба и Лермонтов. Две блузки, «Огонек», губная помада и громкое дыхание. К....., ворочая осколок зеркала, завязывает свой пестрый оксфордский галстук. Муся жадно следит за его руками.

— Уходишь?

— Разумеется.

— Боря, останься!.. Я должна с тобой поговорить. Я больше не могу так!..

К..... усмехается без раздражения, скорее добродушно: перед ним выцветшая фотография. Вот оно — настоящая или ненастоящая!.. Потом он смотрит на часы.

— У меня еще 5 минут. Если ты хочешь спросить меня о чем нибудь, пожалуйста.

— Я не могу так! Забудь ты хоть раз про свои часы! Разве ты не видишь как я несчастна?..

— Ты говоришь не подумав. У меня сегодня еще уйма работы. Я должен продиктовать годичный отчет.

Он рассеянно гладит щеку, на которой веснушки и слезы, а потом уходит.

Пол-часа спустя он берет в руку трубку диктофона и начинает: «56.000 тон во Францию, 42.000 тонн в Англию...».

Муся Г . . . . . была самой обыкновенной девушкой. Кроме К . . . . . и Лермонтова, она любила также портреты вождей и шелковые чулки, хотя ходила летом в носках, уверяя подруг, что так много приятней: шелковые чулки стоили дорого, а Муся получала шесть червонцев в месяц. Муся исправно записывала исходящие. Она знала себестоимость автомобиля, количество выпускаемых машин, их разверстку. Она понимала и до встречи с К . . . . ., что автомобили сейчас гораздо нужнее, чем Лермонтов и что она причастна к большому, важному делу. Она занималась и политграмотой, и немецким языком, и плаваньем. Дни ее были заполнены. Но оставались все же свободные минуты: утром когда ехала она в трамвае на службу или вечером, перед сном, в маленькой комнате с крошками хлеба. Тогда Муся не думала ни о построенных автомобилях, ни о временной стабилизации, ни о Шуре, которая дольше всех может оставаться под водой — она думала о любви. Она даже вела дневник. Конечно К . . . . . она об этом ничего не сказала: тот бы только усмехнулся. Но 17-го апреля, в день испытания новых машин, когда они впервые встретились, Муся записала: «Там было много других. И потом он совсем некрасивый. У него зубы торчат, как у лошади. В чем же дело?.. Я еще ничего толком не знаю. Во всяком случае это глупо и сантиментально. Надо уметь или жить со всеми, как Лелька, или вообще наплевать на все вроде З . . . . .

Но я все же считаю, что кроме голого инстинкта должно существовать нечто глубокое и даже непонятное науке...».

Запись 26-го апреля (после первого посещения К.....): «Мне трудно писать, так я счастлива. Он удивительный. Как я ему благодарна. Вот можно было бы сразить Лельку: он ведь не слюнтяй, а настоящий новый человек, всюду бывал, прекрасный работник, и вот он тоже смотрит на это не так просто. Он ищет другого. Я чувствую, что я ему по меньшей мере нравлюсь, как женщина. Но он со мной разговаривал как с хорошим другом. Значит ему нужна полнота чувств. Я конечно глупее его, но я сразу выросла и потом здесь дело не в уме, а в сердце. Я может быть смогу ему что нибудь дать».

Потом Муся забросила тетрадку. Недели две она ничего не записывала. А вспомнив о дневнике начала с поэзии:

«9 Мая. Шуре очень нравятся стихи Маяковского. Она их все время повторяет. Я списала на память. Там есть такое место:

«Кому это интересно,
Что — «ах-вот бедненький»
Как он любил
И каким он был несчастным?..»

Это очень зло сказано. Я заранее признаю, что он прав, и К..... прав, и Шура, и вообще все. Но я, между прочим, чувствую совсем иначе. По моему стихи Лермонтова не хуже. У него сказано с настоящей болью:

«Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной...»

Почему, если теперь новый быт и строительство социализма, нельзя испытывать например нежность? Бо-

ря сегодня посидел для приличия четверть часа и сбежал. Значит, ему нужно исключительно мое тело. Свинство! Я так ему и сказала. Пусть лучше не приходит. Но он снова о своей работе. Я начинаю ненавидеть его часы, его машину, даже эту нефть... Самое ужасное, что я теперь не могу без него. Если выяснится, что он меня действительно не любит, я погибла.»

Запись без числа: «Боря, любимый мой! Родной! Единственный! Я тебе никогда не отправлю этого письма, но я хочу с тобой говорить долго, обо всем. Ты понимаешь — я теперь твоя раба. Я живу тем, что ты придешь. А ты сейчас же убегаешь. Неужели с тебя довольно моих губ? Ведь это же внешнее! Тогда можно с другой... У меня для тебя столько ласковых слов, почему ты их не хочешь выслушать? Ты большой, сильный, все знаешь, но я ведь люблю тебя, после всего я стала тебе как жена. Я хочу узнать о чем ты думаешь, когда молчишь. Может быть у тебя своя тайна? Кому же ее рассказать, как не мне? Я все смогу принять. Когда ты вчера вышел, я готова была выкинуться из окошка. Это стыдно сказать, но я теперь уж не владею собой, как прежде. Я вся в твоей власти. А ты... ты тоже не свободен! Боря, скажи мне вот только это одно: кто тобой так заправляет?..»

Запись 19-го мая: «Ушел как всегда. Был у меня точно 25 минут — я нарочно поглядела на часы. Я даже не просила, чтоб остался, просто лежала как бревно. Но теперь хочется биться головой об стенку. Исхода нет. Я не Лелька. Для меня это навсегда. Абсолютное одиночество. Заниматься не могу. Мысли все время об одном — о смерти. Шура посылает меня к врачу. Но я не пойду. Я или смогу наплевать, как в стихах ее Маяковского, или сдохну...»

23-го мая около десяти вечера К..... поехал в Сокольники к Мусе. Он задержался на совещании и вопреки всем своим навыкам, сильно запоздал. Может быт Муся легла уже спать?

Он торопится и прибавляет ходу. Вдруг Муся рассердилась и не откроет? Чорт возьми, он успел пристраститься к этой девченке! Правда она надоедает ему с психологией. Но видимо без этого трудно найти женщину. Как никак, он отучил ее требовать, чтобы он остался. Она наконец поняла, что он не бездельник, что у него ответственная работа. Это главное, а с остальным — можно примириться. А так, она — что надо. Он даже не мечтает теперь о других. Согласен, хоть сейчас в ЗАГС. Вот только опоздал как!.. Вдруг не откроет?..

Хорошо ехать по Богородскому шоссе, особенно в поздний час: дорога ровная, прямая, ни автомобилей, ни ломовиков. Машина К..... несется во всю, как будто Америка это, а не Сокольники. Прожектора освещают дрожащую мошкару и ровный щебень. Вдруг они натыкаются на тень. Сирена злобно улюлюкает, но тень не двигается. Тогда К..... резко поворачивает налево. Тень кидается в сторону и распластывается на дороге. К..... подпрыгнул от толчка. Он выскакивает из автомобиля. Он кричит:

— Эй!.. Сюда!

Подходит какой то паренек и глупо гогочет: гы!

— Вот жить, значит, надоело!.. Гы...

С трудом они выволакивают из под машины раздробленное тело. К..... отвернулся. А паренек все также гогочет:

— Вот, значит, дуреха!..

От него разит водкой. Руки К..... измараны кровью. Он раздирает блузку и прилипает ухом к знакомой груди. Долго слушает он. Но грудь тиха. Нет в ней больше ни психологии, ни простых сокращений сердечной мышцы. Труп кладут в автомобиль.

Мотор громко дышет: «Форд» молодец, он не пострадал.

Весь последующий день К..... сосредоточенно работал. Он разбирался в отчетах парижского представительства «Нефтесиндиката». «Заказы морского ведомства составляют твердую базу для нашего экспорта во Францию...» Он продолжал работать до позднего вечера. Он перебирал тонкие листочки, покрытые лиловой сыпью, выписывал цифры, делал заметки. Потом он принялся за диктовку. Он говорил, как всегда, ровно и бесстрастно. Но вот лицо его сводит судорога. Он кричит. Он кажется сам испугался этого крика. Он один в большой комнате, среди папок и диаграмм. Перед ним мутные глаза, чуть приоткрытый рот, струйка крови. Он стоит, прижавшись лицом к стене, чтобы ничего не видеть. С трудом он дышит. Так проходит несколько минут. Потом он приходит в себя. Он расстегивает воротник, шагает из угла в угол и снова принимается за работу. Он не должен думать о Мусе. Муси больше нет. Точка. Красная строка. Есть одно: это его дело, это нефть, и это — навсегда.

Машинистка, товарищ Егорова отстукивает очередной доклад. Она пишет: «положение на французском рынке подвержено колебаниям, что можно частично объяснить появлением...» Вдруг она отдергивает руки от клавиш и сдирает каску: вместо привычного голоса товарища К..... она услыхала отчаянный, звериный крик. Соседка спрашивает:

— Что с вами... Как вы побледнели!.. Может быть дверь открыть, чтобы просквозило? Это наверное от духоты...

Егорова бормочет:

— Нет, нет, ничего... Мне показалось... Просто я заработалась; хорошо, что скоро отпуск...

Она снова надевает каску. Голос товарища К..... продолжает: «объяснить появлением румынской и польской нефти...» Этот голос, как всегда, ровен и бесстрастен.

6.

Шарль Бернар сначала торговал папиросной бумагой. Потом он продал бумажный склад и стал просто жить. Он жил медленно и мудро, как черепаха. Он читал «Альманах друзей природы». Там было сказано, какие облака к дождю, какие к ветру. Там было сказано также, когда прилетают ласточки и коноплянки, как ухаживать за кроликами и где лучше всего собирать пахучую лаванду. У Бернара не было кроликов. Он никогда не видал коноплянок. Он жил в Париже на узенькой улице Эстрапад. Под его окнами вместо лаванды днем благоухали рыжие сыры молочной лавки, а ночью мусорный ящик.

Бернар читал «Альманах», ведь у него было много времени. Он обладал к тому же мечтательным сердцем и маленькой рентой. После завтрака он направлялся обычно в Ботанический сад. Там он кормил воробьев крошками вчерашнего хлеба и улыбался слюнявым младенцам, которые пищали в колясках.

Он мог бы прожить спокойно до преклонных лет: черепахи славятся долговечностью.

Младшая сестра Бернара, которая жила в Периге, много раз звала Шарля к себе погостить. Но Бернар отговаривался то делами, то болезнью. Его страшила дорога: вокзал, сутолока, свистки. До Периге ведь 12 часов! Бернар предпочитал «Альманах друзей природы».

Но мало по малу в жизнь Бернара стало просачиваться беспокойство. Это началось с какой то глу-

пейшей фильмы. Прежде Бернар ходил только в цирк с детьми привратницы. Приятели затащили его в кино. Бернару понравилось все: и галоп лошади, и американский апаш на крыше очень высокого дома, и жизнь подводных гадов. Он стал ходить в кино каждую пятницу. Забава сама по себе невинная: кинематограф находился на соседней улице и показывали в нем умилительные мелодрамы. Но там то и случилось с ним нехорошее. В темном зале среди чмокания парочек и уютного треска Бернар неожиданно вздрогнул: на экране мчался автомобиль. В этом автомобиле мчался и весь зрительный зал. Бернар вдруг почувствовал, что он тоже мчится куда то. Остальное было быстро забыто. Не все ли равно, что это автомобиль молодого футболиста, что в коттедже ждет его миловидная невеста и что они боятся отцовского проклятья? Бернар видел только мелькающие кусты и пыль. Хоть в зале было очень душно, его лицо обдавал резкий ветер. Кожа сжималась и горела. Бернар настолько забылся, что даже привстал. Сзади крикнули: «эй вы, сядьте!».. Тогда, не дождавшись конца картины, он выбежал на улицу. Пусть женятся или не женятся: ему все равно! Он сейчас многое понял. Бернар не пошел домой. Быстро шагал он по пустынным улицам. Ему хотелось, чтобы дома замелькали как кустарник. Он был далеко, может быть в Гренаде или на Северном полюсе.

С того дня он забросил альманах. Он купил старый путеводитель по Пиренеям, несколько карт и компас. Однако он никуда не уехал. Он путешествовал сидя на своей улице Эстрапад. Он еще мог бороться с искушением.

Тогда в его дом вселился новый змий. Он сладко шипел. Это был беспроволочный телефон. Дни Бернара еще хранят видимость благополучия. По ночам он сходит с ума. На нем теплые туфли с помпонами. Но он не сидит у камина, нет, он носится по миру. Его губы по-

дозрительно шевелятся. Он ищет какие то волны. Вот Барселона... Вот Карлсруэ... Немецкое «битте». Бах. Испанцы. Чарльстон. Победитель скачек в Оксфорде. Курсы «Рояль-Детча». Урок итальянского языка: форте, морте, канелони. Победа консерваторов в Швеции. Куранты Кремля: «интернационал». Снова чарльстон. Мир мычит, блеет, мяукает. По миру носится Шарль Бернар, в мягких туфлях с помпонами, тот, что торговал прежде папиросной бумагой. Его жиденькие усики судорожно извиваются, лицо его лиловеет. Он доподлинно страшен в тишине своей затхлой комнаты. Впрочем никто его не видит. Он еще дома, на улице Эстрапад.

Потом? Потом случилось неизбежное. Ведь недаром нагибались десятки тысяч людей, недаром визжала лента, недаром роковые письмена что ни вечер вспыхивали на Эйфелевой башне. Улицы Парижа, на которых кишели автомобили, были покрыты плакатами льстивыми и нежными, как свист ночного змия. Шарль Бернар вспомнил об альманахе и о сестре в Периге. Он сможет любоваться облаками, разными облаками из «Алманаха друзей природы»: кучевыми, перистыми и слоистыми. Наконец то увидит он этих неведомых коноплянок! А лаванда!.. Как хорошо должна она пахнуть!

Автомобиль однако стоил недешево и Бернар все еще колебался. Но тут-то он вспомнил вечер в кино. Он побежал к одному из агентов. Тот встретил его спокойно, дружественно, как будто давно он знал, что Бернар, этот скромный Бернар, человек-черепаха рано ль поздно придет к нему.

Бернар приобрел чудесную машину: 10 сил, 18 месяцев рассрочки, ровный ход, стальной кузов, наконец, электрическая зажигалка для папирос и роскошный порт-букет. В ту ночь он даже не слушал мяуканья Барселоны. Он и не спал. Молча сидел он на пыльном пуфе, изредка вскидывая руки. Скорей все-

го он порхал. Его глаза были влажны, как зеленая земля после грехопадения.

Каждое утро ходил он в школу. Он быстро научился управлять машиной. Две недели спустя он пошел сдавать экзамен. Он был так осторожен, этот бывший торговец папиросной бумагой! Задолго до перекрестка он замедлял ход и угрожающе свистел. Он никого не пытался обогнать. Он ехал медленно и мудро, как черепаха, и он, разумеется, выдержал все испытания.

Тогда он стал готовиться к путешествию. Он кукупил вязаный жилет, дорожную аптечку и карту генерального штаба. В последний раз пошел он в Ботанический сад, чтобы покормить своих воробьев. Завтра он едет в Перигё. Он едет, собственно говоря, к сестре своей Луизе. Но воробьям он признался: я еду, господа воробьи, к коноплянкам. Это замечательные птицы!.. Он не признался им только в одном; да в этом и себе он боялся признаваться: его лицо уж горело, обжигаемое необычайным ветром.

Так отбыл рентьер Шарль Бернар к сестре в Перигё.

Вначале Бернар ехал медленно и степенно. Он знал, что на новой машине первые 500 километров нельзя ехать быстро. Так учили его в школе, так говорил ему агент, так было сказано в приложенной к автомобилю печатной инструкции. Впрочем 30 километров в час казались Бернару неистовым летом. Он не мог разглядеть ни холмов, ни деревьев, ни людей. Все вокруг него мелькало как тогда, в кинематографе. Он остановился. Он хотел было поглядеть, нет ли вокруг него коноплянок: ведь он уж далеко от Парижа. Но вместо этого он осмотрел гайки колес. Потом он поехал дальше. Забывшись, он несколько увеличил

скорость. Стрелка поддалась и ветер стал сразу огромным, как мир.

Ага, значит все врут: и агент, и печатные наставления! На новой машине можно ехать куда скорее предписанного. Что-же, тем лучше! Он купил машину не для того, чтобы ползти. Он не черепаха. Долой Ботанический сад! Но постой, Шарль! Куда тебе торопиться? Луиза ждала восемь лет. Она подождет еще день. Ты ведь, кажется, поехал за лавандой. Остановись! Отдохни! Приляг на траву! Здесь наверное трава пушиста, как перистые облака. Так говорит Шарль, который торговал прежде папиросной бумагой. Но Шарль-второй не отвечает. Шарль-второй знает теперь только одно: зыбь и ветер. Он зажмурился. Он пьян, как будто он выпил бутылку коньяка. Он ухмыляется. Он едет все скорей и скорей.

Поезд мчится быстрее орла. Но муха, крохотная муха может обогнать курьерский поезд. Ласточка летит быстрее мухи. Однако любую ласточку обгоняет автомобиль. Бернар как то читал об этом в воскресном приложении к газете. Но сейчас он не помнит о ласточке. Он даже не смотрит на стрелку: зачем ему цифры?.. Автомобиль несется во всю. Длинное прямое шоссе. Может быть следует уменьшить скорость?.. Ведь это новая машина?.. Первые 500 километров... Тот, что торговал бумагой, жалобно лопочет: может быть?.. Впрочем, машина сама знает. Ведь это она торопится. Бернар здесь непричем. Он только купил в рассрочку... Притом он застрахован... А жизнь? Воробьи? Поздно думать! Вот уж перестал он улыбаться. Больно дерется ветер. Глаза слипаются. Бернар ничего не видит. Он повертывает направо. Может быть и не он повертывает. Какие то люди кричат: эй!.. Он не слышит. Потом — одна мысль: что стало с машиной?.. Ну да, вполне понятно! Бернар даже приоткрывает на минуту глаза. Вполне понятно: автомобиль сошел с ума. Это наверное бывает. Глава в учебнике: «болезни мотора». Добавить:

душевные заболевания. Белое неимоверное солнце и ветер. Лучше закрыть глаза. Вот там конец. Дорога кончается. Кончается эта длинная прямая дорога: школа, папиросная бумага, Эстрапад, воробьи. Все кончается. Еще скорее. Еще! Еще!

Потом легкий вскрик. Так умирают детские шарики — изумрудные или нежномалиновые. Сумасшедший автомобиль несется к откосу. Он грозен и прост. В нем больше нет тысячи частиц, в нем только одна жестокая воля. Он сейчас древен и человечен. С высокой радостью самозабвения летит он вниз, на жалкую ложбинку, поросшую сухим можжевельником.

Поют коноплянки и сладко благоухает лаванда. Автомобиль номер 18-А-74 — обломки железа, стеклянная дребедень, ком тепловатого мяса — лежит неподвижно под торжественным солнцем полдня.

Париж.
Февраль—июнь 1929.

Printed in Germany